

В. А. АПУШКИНЪ

СКОБЕЛЕВЪ
о
НѢМЦАХЪ

ЕГО ЗАВѢТЫ СЛАВЯНСТВУ

ПЕТРОГРАДЪ Изданіе Товарищества И. Д. СЫТИНА, 1914
Типографія Акц. О-ва Тип. Дѣла въ СПб., Изм. п., 7 рота, 26.

ТОГО ЖЕ АВТОРА:

КУРОПАТКИНЪ. Изъ воспоминаній о Русско-Японской войнѣ. СПб. 1908 г. Изд. 2-е.

МИЩЕНКО. Изъ воспоминаній о Русско-Японской войнѣ СПб. 1908.

РУССКО-ЯПОНСКАЯ ВОЙНА 1904-1905 ГОДОВЪ (популярн. воен.- историч. очеркъ). Москва. 1911 г. Изд. 2-е.

ДѢЛО О СДАЧѢ КРѢПОСТИ ПОРТЪ-АРТУРЪ ЯПОНСКИМЪ ВОЙСКАМЪ ВЪ 1904 ГОДУ. Отчетъ. СПб. 1908 г.

Готовится къ печати:

ЧЕРНЯЕВЪ. Его заслуга предъ Славянствомъ.

*Казалось, русская природа
Его изъ мѣди отлила
И въ руки мечъ ему дала
Во славу Русскаго народа.*

(Я. П. Полонскій. „25 іюня“ 1882 г.).

*"Мой символъ кратокъ:
Отечество, наука, свобода и
Славянство".*

Скобелевъ.



M. C. Koster

СОДЕРЖАНИЕ.

ОТЪ АВТОРА.....	7
ПРЕДИСЛОВІЕ.....	8
I. ЧТО СДѢЛАЛО СКОБЕЛЕВА ПОЛИТИКОМЪ? ЕГО ВЗГЛЯДЫ НА ВОЙНУ.....	9
II. ОТНОШЕНІЕ СКОБЕЛЕВА КЪ БЕРЛИНСКОМУ ТРАКТАТУ. МЕЧТЫ О ВОЛЬНОМЪ СОЮЗѢ СЛАВЯНСКИХЪ ПЛЕМЕНЪ. ЧѢМЪ БЫТЬ КОНСТАНТИНОПОЛЮ? ОЖИДАНИЕ „ГРОМА" НА ВИСЛѢ И БОБРѢ.....	10
III. КОМАНДИРОВКА СКОБЕЛЕВА ВЪ 1879 Г. ВЪ ГЕРМАНИЮ НА МАНЕВРЫ. ОТЧЕТЪ СКОБЕЛЕВА О МАНЕВРАХЪ ГЕРМАНСКИХЪ ВОЙСКЪ. ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ НЕМУ. ЗАМѢТКИ СКОБЕЛЕВА НА КНИГЪ ЛУИ ТИВАЛЯ, КАСАЮЩІЯСЯ ДѢЙСТВІЯ ПРУССКИХЪ ВОЙСКЪ ВЪ КАМПАНИИ 1866 И 1870 Г.....	13
ОТЧЕТЪ Генераль-адъютанта Скобелева о маневрахъ I, II и XV корпусовъ германской арміи.....	14
Характеристика боевыхъ порядковъ и боевая подготовка всѣхъ трехъ родовъ оружія.....	17
ПРИЛОЖЕНІЯ.....	36
1. Инструкція для оборонительнаго боя пѣхоты (мнѣніе генераль-адъютанта Скобелева).....	36
I.I. Приказъ командира 1-го германскаго армейскаго корпуса генерала Барнекова, № 5609.....	37
III. Мнѣніе генерала Верди-дю-Вернуа о боѣ пѣхоты и огнѣ ея при наступленіи.....	40
IV. Мнѣніе генерала Верди-дю-Вернуа о маневрахъ.....	41
V. Приказъ ген. - лейт. Скобелева по I6-й пѣхотной дивизіи (21 Декабря 1877 г., г. Габрово).....	42
VI. Замѣтки Скобелева на книгѣ Луи Тиваля — „Значеніе мѣстныхъ предметовъ на войнѣ".....	42
IV. ВПЕЧАТЛѢНІЯ СКОБЕЛЕВА ОТЪ ГЕРМАНИИ. АУДИЕНЦІЯ У ИМП. ВИЛЬГЕЛЬМА I. ВЫВОДЪ: ПУТЬ ВЪ КОНСТАНТИНОПОЛЬ — ЧЕРЕЗЪ, ВѢНУ И БЕРЛИНЪ.....	44
V. ОТНОШЕНІЕ СКОБЕЛЕВА КЪ АНГЛІИ ПО ВОЗВРАЩЕНІИ ИЗЪ АХАЛЬ-ТЕКЕ. ОБЩІЙ ВРАГЪ — НѢМЕЦЪ. ПИСЬМО СКОБЕЛЕВА КЪ М. Н. КАТКОВУ.....	45
VI. РѢЧЬ СКОБЕЛЕВА НА ОБЪѢДѢ ВЪ ГОДОВЩИНУ ВЗЯТІЯ ГЕОКЪ-ТЕПЕ.....	47
VII. ВОЗРАЖЕНІЯ СКОБЕЛЕВА НА ОБВИНЕНІЯ ВЪ ШОВИНИЗМѢ. ЕГО МЫСЛИ О ФИНАНСОВОЙ ВОЗМОЖНОСТИ ДЛЯ РОССИИ ВОЙНЫ СЪ ГЕРМАНИЕЙ. ЕГО МНѢНІЕ О НѢМЦАХЪ И БИСМАРКѢ. ЕГО ПИСЬМО О ПОЛИТИКАХЪ И ДИПЛОМАТАХЪ.....	50
VIII. ЗНАКОМСТВО СЪ Г-ЖЕЙ АДАНЪ. У РОССИИ И ФРАНЦІИ ОБЩІЙ ВРАГЪ — НѢМЕЦЪ. ПОѢЗДКА ВЪ ПАРИЖЪ И ПАРИЖСКАЯ РѢЧЬ СКОБЕЛЕВА. ЕЯ ЗНАЧЕНІЕ ВЪ ОЦѢНКѢ ГАМБЕТТЫ, О. А. НОВИКОВОЙ И САМОГО СКОБЕЛЕВА. ЯРОСТЬ НѢМЦЕВЪ.....	54
IX. ОТНОШЕНІЕ КЪ ПАРИЖСКОЙ РѢЧИ СКОБЕЛЕВА ВЪ РОССИИ. ПИСЬМО СКОБЕЛЕВА СЪ РАЗЪЯСНЕНІЕМЪ ЕЯ СМЫСЛА И РЕЗУЛЬТАТОВЪ.....	56
X. ПИСЬМО СКОБЕЛЕВА КЪ И. С. АКСАКОВУ О ТОМЪ ЖЕ. ВЗГЛЯДЫ СКОБЕЛЕВА НА ПОЛЬСКІЙ ВОПРОСЪ.....	58

XI. ЗАМѢТКИ СКОБЕЛЕВА НА ЗАПИСКѢ О СЕРБСКИХЪ ДѢЛАХЪ. СЛОВА СКОБЕЛЕВА
ВЪ МОСКВѢ НА СОБРАНІИ У Т. С. МОРОЗОВА. ПРЕДЧУВСТВІЕ СМЕРТИ. СМЕРТЬ. ТОРЖЕ-
СТВО НѢМЦЕВЪ НАДЪ СКОБЕЛЕВСКОЙ МОГИЛОЙ 60

ОТЪ АВТОРА.

Кромѣ статей и замѣтокъ, извлеченныхъ мною изъ поврежденныхъ изданій, я пользовался при составленіи настоящаго очерка еще трудами:

В. В. Верещагина — На войнѣ. Воспоминанія о русско-турецкой войнѣ 1877 г. (М. 1902 г.);

П. Дукмасова — Съ Скобелевымъ въ боевомъ огнѣ. Изъ воспоминаній о русско-турецкой войнѣ 1877—78 г.г. (СПб. 1895 г.);

Д. Кашкарова — Взгляды М. Д. Скобелева на политику и войну. („Армейскіе Вопросы", вып. 2-ой, СПб. 1893г.);

А. Н. Маслова — Завоеваніе Ахаль-Теке. Матеріалы для біографіи и характеристики М. Д. Скобелева. (СПб. 1887 г.);

В. И. Немировича-Данченко — Скобелевъ. Личныя воспоминанія и впечатлѣнія. (СПб. 1-е изданіе г.; 3-е изданіе—1903 г.);

И. А. Чанцева — Скобелевъ, какъ полководецъ. (СПб. 1883 г.).

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Какъ только началась кровавая борьба Славянства съ нѣмцами, имя Скобелева ожило. «Надѣжа — вождь Славянской рати», онъ былъ апостоломъ и пророкомъ этой борьбы. Его пророчества теперь сбываются—и, дастъ Богъ, сбудутся до конца, ибо онъ вѣщей душой прозрѣвалъ побѣду Славянства надъ нѣмцами. Его завѣты для этой борьбы должны быть исполнены. Они дадутъ намъ эту побѣду. Вотъ мотивы появленія въ свѣтъ этой книги. Въ ней, по силѣ возможности, собрано воедино все, что Скобелевъ писалъ и говорилъ о нѣмцахъ и Славянствѣ: его отчетъ о маневрахъ германскихъ войскъ, политическія записки и рѣчи, письма и сужденія.

Все это имѣетъ теперь уже 35-ти лѣтнюю давность, но все это такъ свѣжо и вѣрно оправдывается событіями, словно писано и сказано вчера.

Сочетавъ въ своей гениальной славянской натурѣ качества полководца, «Суворову равнаго» (Лееръ), съ прозорливостью большого государственнаго дѣятеля, онъ учить насъ не презирать «нѣмца», уважать его, какъ врага, но не бояться его; вѣрно оцѣнивая политическіе идеалы европейскихъ державъ и предугадывая ихъ стремленія, онъ уже тогда точно указывалъ, кто нашъ другъ и союзникъ и *кто* нашъ врагъ; зная цѣну «союзамъ» и «конгрессамъ», онъ даетъ рядъ практическихъ совѣтовъ, какъ закрѣпить первые и выйти побѣдителемъ изъ вторыхъ. Онъ вѣрить въ Россію и Славянство и этой вѣрой заражаетъ другихъ... Его «парижская рѣчь» лежитъ въ основѣ созданія той могущественной силы, которая возстала теперь противъ стремленія нѣмцевъ поработить себѣ весь міръ. Она была первымъ сѣменемъ идеи франко-русскаго союза, выросшаго въ «тройственное согласіе». И о немъ мечталъ Скобелевъ,— и мечта его сбылась. Не даромъ нѣмцевъ такъ взволновали эти скобелевскія мечты и рѣчи! Но они не поняли ихъ грознаго, предостерегающаго смысла и ликовали надъ преждевременной могилой Скобелева, какъ будто выиграли цѣлую кампанію.

Напрасно! Пусть «Бѣлый генераль» не дожилъ самъ до желанной имъ боевой схватки съ нѣмцами. Но живы идеи его въ русскомъ народѣ и Славянствѣ; живъ духъ его въ русской арміи. Не даромъ русскій народъ, слагающій донинѣ легенды о безсмертіи Скобелева и ожидающій, что «онъ явится, когда будетъ война съ нѣмцами», — не вѣрить, что Скобелевъ умеръ... Скобелевъ живъ тѣмъ, что не умираетъ: своими идеями, своими мечтами, своею любовью къ Отечеству, Славянству, свободѣ и наукѣ.

И нынѣ, когда настала для Европы часъ Страшнаго суда, когда Россія обнажила свой мечъ въ защиту себя, Славянства и мирной культуры народовъ отъ грубой силы тевтоновъ, — «нынѣ силы небесныя съ нами невидимо служатъ»... Среди нихъ и духъ великаго Славянина...

Смотрите — и вы увидите тѣнь «Бѣлаго воина» — «Бѣлаго генерала»—надъ русскими полками, надъ русскимъ народомъ, надъ всѣмъ Славянствомъ... Смотрите!..

В. А.

4 августа 1914 г. СПб.

I.

Скобелева сдѣлала «политикомъ» русско-турецкая война 1877—78 г.г.

Правда, онъ не чуждъ былъ политическихъ вопросовъ и до нея. Дѣятельно, всѣмъ сердцемъ и умомъ участвуя въ собираніи Средней Азіи подъ русское владычество, онъ и тамъ уже сталкивался съ политикой Россіи и ея великодержавными задачами, но лишь съ политикой окраинной, — лишь въ сферѣ средне-азіатскаго вопроса. Относясь ко всему, что онъ дѣлалъ, со всѣмъ пыломъ души, отдавая любимому дѣлу весь свой умъ, *всѣ* свои силы, Скобелевъ и тамъ, въ Средней Азіи, не ограничивался только исполненіемъ боевыхъ задачъ, которыя ему давались, а смотрѣлъ впередъ и связывалъ стратегию съ политикой. Его стремленіе воздѣйствовать на послѣднюю свидѣтельствуется цѣлымъ рядомъ «записокъ», которыя онъ подавалъ «по начальству». Но онъ былъ еще молодъ, въ небольшихъ чинахъ — и его имя подъ этими «записками» не останавливало на себѣ вниманія высокаго начальства, — и онѣ «подшивались» къ дѣламъ, быть можетъ, даже не прочитанными, хотя логика событій и приводила рано или поздно въ исполненіе все то, что въ своемъ прозрѣніи намѣчалъ Скобелевъ¹).

Политическимъ дѣятелемъ въ томъ смыслѣ, въ второмъ позже стали говорить о Скобелевѣ, сдѣлала его, повторяю, русско-турецкая война 1877—78 г.г. Сформировавъ его окончательно, какъ боевого дѣятеля, она сдѣлала его и зрѣлымъ государственнымъ человекомъ въ широкомъ смыслѣ слова. Берлинскій конгрессъ, которымъ эта война закончилась, ввелъ его въ кругъ широкихъ вопросовъ международной европейской политикн. Они захватили его — и съ тѣхъ поръ даже дорогой ему дотолѣ и наиболѣе близко изученный вопросъ о положеніи Россіи въ Средней Азш получилъ совсѣмъ иное, болѣе широкое освѣщеніе и трактовку.

Многіе писали и думали, — думаютъ, быть можетъ, и донинѣ, что выступлеше Скобелева съ политическими рѣчами противъ нѣмцевъ было лишь стремленіемъ къ новой авантюрѣ «Бѣлаго генерала», который тяготился миромъ, жаждалъ новой славы, искалъ новыхъ сильныхъ впечатлѣній, — и полу-снисходительно, полупрезрительно прилагали къ нему извѣстный лермонтовскій стихъ:

*"...А онъ, мятежный, ищетъ бури,
Какъ будто въ буряхъ есть покой!.."*

Это было хлестко, но легкомысленно, невѣрно по существу свидѣтельствовало лишь о завистливости однихъ и тупой ограниченности другихъ, «всѣмъ довольныхъ», безразличныхъ въ чести и достоинству своего Отечества, безразличныхъ даже въ тому, въ чьемъ подданствѣ они будутъ завтра состоять, — Россіи, Германіи или Австріи, — лишь бы ихъ не трогали, лишь бы отъ нихъ чего-нибудь не потребовали...

Взгляды Скобелева на войну извѣстны.

Война, говорилъ онъ, извинительна, когда я защищаю себя и своихъ, когда мнѣ нечѣмъ дышать, когда я хочу выбиться изъ душнаго мрака на свѣтъ Божій... Подло и постыдно начинать войну такъ себѣ, съ вѣтру, безъ крайней, крайней необходимости... Никакое легкомысліе въ этомъ случаѣ не простительно... Черными пятнами на короляхъ и императорахъ лежатъ войны, предпрнятыя изъ честолюбія, изъ хищничества, изъ династическихъ интересовъ...

¹ Такъ, въ 1871 г. Скобелевъ представилъ въ штабъ Кавказскаго военнаго округа записку о занятіи Хивы. Ее «подшили» къ дѣлу. Въ 1881 г., возвращаясь изъ Ахаль-Текинской экспедиціи, Скобелевъ взялъ ее и сдѣлалъ на ней слѣдующую надпись: -- „На записку эту въ свое время никто не обратилъ вниманія... Тѣмъ не менѣе, все предположенное относительно Хивы исполнено въ 1873 году... Генераль-адъютантъ Скобелевъ. Минскъ. 15 Іюня 1882 г.". Записка эта напечатана впервые въ „Историч. Вѣстникѣ“, 1882 г., № 10.

Впечатлѣніе, произведенное на русское общество итогами Берлинскаго конгресса, слишкомъ еще памятно и хорошо извѣстно, чтобы на немъ останавливаться. Н было бы странно и несправедливо отказывать Скобелеву въ правѣ на то, что признавалось за всѣмъ русскимъ обществомъ: на неудовлетворенность итогами войны, на сознаше обиды, нанесенной въ Берлинѣ Россіи, на негодованіе противъ «честнаго прусскаго маклера»... Онъ, видѣвшій смерть столькихъ своихъ соратниковъ, ихъ героическіе подвиги и труды, — онъ, столько разъ самъ смотрѣвшій въ глаза смерти, отдавшій этой войнѣ весь пылъ своей богатырской души, весь геній своего ума, всю ее вынесшій на своихъ плечахъ, онъ чувствовалъ эту неудовлетворенность, эту обиду и это негодованіе сильнѣе, чѣмъ кто-либо другой... Вся послѣдующая за этой войной его политическая дѣятельность была естественнымъ исходомъ этихъ чувствъ. Онъ не обрушилъ только свои пени, жалобы, негодованіе на нашу дипломатію, не отдался разочарованцо, не снялъ мундира, не ушелъ въ революцію, куда его заманивали. Онъ поступилъ какъ честайй гражданинъ, какъ зрѣлый государственный мужъ. Онъ сталъ лишь, глубже изучать причины, погубившія въ Берлинѣ славянское дѣло, и нашель ихъ:

— Нашъ врагъ, врагъ всего Славянства—нѣмецъ.

Событія всѣхъ послѣдующихъ лѣтъ, завершающіяся нынѣ безпримѣрною войною, краснорѣчиво показали, что онъ былъ правъ въ этомъ своемъ выводѣ.

Успокоиться на немъ онъ, конечно, не могъ; это было чуждо его дѣятельной натурѣ, его пламенной любви къ Россіи и Славянству. И онъ сталъ предостерегать славянъ относительно нѣмцевъ, проповѣдывать неизбѣжность борьбы съ ними и готовиться къ ней.

Прослѣдите хронологически всѣ выступленія Скобелева противъ нѣмцевъ—и, опредѣливъ ихъ начальный моментъ, вы съ несомнѣнностью установите психологическую ихъ основу и логическое развитіе и нарастаніе его идей въ полномъ соотвѣтствіи съ событиями тогдашней политической жизни Европы и личными его воспріятіями отъ Германіи. Среди послѣднихъ рѣшающее значеніе имѣла поѣздка Скобелева на маневры германской арміи.

II.

Когда въ Санъ-Стефано заключенъ былъ миръ, Скобелевъ, стоявшій во главѣ авангарда нашей арміи подъ Константинополемъ, возмущенно говорилъ В. И. Немировпчу-Данченко:

— Какой это миръ!. . Развѣ такого мы въ правѣ были ждатель? Вы увидите, что цѣною нашей крови мы дадимъ все врагамъ Россіи и ничего не получимъ сами. Я предчувствую, что все выиграеть Австрія и враги славянства... Нужно еще нѣсколько столѣтій ждатель, чтобы обстоятельства сложились такъ выгодно, какъ теперь...

Скобелеву казалось, что насталь часъ рѣшенія славянскаго вопроса.

— Я рисую себѣ въ будущемъ, говорилъ онъ тогда же, въ Санъ-Стефано, тому же своему собесѣднику, — вольный союзъ славянскихъ племенъ. Полнѣйшая автономія у каждаго; одно только общее — войска, монета и таможенная система. Въ остальномъ—живи, какъ хочешь, и управляйся внутри у себя, какъ можешь... А что касается до свободы, то, вѣдь, я говорю не о завтрашнемъ днѣ ... Къ тому-же времени, пожалуй, Россія будетъ еще свободнѣе ихъ... Уже и теперь вольный воздухъ широко льется въ нее, погодите. . . Разумѣется, мы все потеряемъ, если останемся въ прежнихъ условіяхъ. . . Племена и народы не знаютъ платонической любви... Этакъ они сгруппируются вокругъ Австріи и вмѣстѣ съ нею оснуютъ южно-славянскую монархію... Тогда мы пропадемъ, потому что при помощи Австріи католичество широко разольется у нихъ. . . Оно захватитъ все и всѣхъ, и въ первомъ спорномъ вопросѣ славяне южные пойдуть противъ сѣверныхъ, и бу-

деть эта братоубійственная война торжествомъ всякой нѣмецкой челяди... Но это невозможно и невозможно... Если мы запремся, да, отъ всѣхъ принциповъ новой государственной жизни стѣной заслонимся — дѣло плохо... На это хватить у насъ государственной мудрости... А пока наше призваніе охранять ихъ, именно *ихъ*.. . Безъ этого—мы сами уйдемъ въ животы, въ непосредственность, потеряемъ свой историческій *gaison*! — Мой символъ кратовъ: *любовь къ отечеству, свобода, наука и славянство!*.. . На этихъ четырехъ китахъ мы построимъ тавую политическую силу, что намъ не будутъ страшны ни враги, ни друзья. И нечего думать о брюхѣ; ради этихъ великихъ цѣлей — принесемъ всѣ жертвы. . . Если намъ плохо живется, потомкамъ лучше будетъ, гораздо лучше!

— Вы же не думаете,—спрашивали Скобелева,—чтобы Константинополь сдѣлался русскимъ городомъ?

— Я не дипломатъ, отвѣчалъ онъ, — но я не знаю, почему бы ему не быть *вольнымъ городомъ съ русскимъ гарнизономъ*...

Тотъ фактъ, что русская армія была остановлена въ своемъ побѣдоносномъ маршѣ у Царьграда особенно волновала Скобелева.

— Дипломатія сдѣлала большой промахъ, говорилъ онъ драгоману русскаго посольства въ Константинополь, г-ну Ону, — что не настояла на томъ, чтобы русскія войска хотя прошли черезъ .Константинополь, не занимая даже его. Этимъ наши труженики-герои получили бы хотя нѣкоторое удовлетвореніе за свои побѣды, лишенія, жертвы... А то у насъ вышло какое-то недоконченное торжество, полу-побѣда. Войска все чего-то ждутъ, все еще надѣются, что ихъ пустятъ сюда... Черезчуръ ужъ мы гуманничаемъ и прямо во вредъ себѣ. Вотъ нѣмцы не поцеремонились, вѣдь, съ французами, съ этою гуманною, образованною націею!.. Они еще разъ доказали Европѣ, что смѣлостью, энергіей, даже нахальствомъ всегда можно болыие выиграть! Вообще, если бы пришлось, то въ отношеніи нѣмцевъ я придерживался бы ихъ же тактики: дѣйствовалъ бы безъ жалости, безъ состраданія... Вотъ теперь мы видимъ результаты этой двуличной политики, эту благодарность за нашъ честный, благородный образъ дѣйствія въ 50-хъ годахъ. Нѣтъ, господа, какъ хотите, а я не вѣрю въ эту вѣроломную, заигрывающую политику нѣмцевъ! И намъ давно слѣдовало бы держаться такой же мудрой, рѣшительной, хотя и эгоистической нѣмецкой политики! Тогда у насъ не было бы такихъ преградъ, недоразумѣній.

Берлинскій конгрессъ нанесъ жестокой ударъ мечтамъ Скобелева. Но онъ не палъ духомъ.

— «Вы тамъ совсѣмъ растерялись, писалъ онъ В. И. Немировичу-Данченко изъ Болгаріи, гдѣ оставался со своимъ корпусомъ въ составѣ оккупационныхъ войскъ, — до того запутались, что и разобраться не можете, а, мы тутъ не теряемъ времени и замазываемъ бреши, пробитыя берлинскимъ конгрессомъ... Если мы и оставляемъ имъ Болгарію расчлененной, четвертованной, то зато оставляемъ въ болгаряхъ такое глубокое сознание своего сродства, такое убѣжденіе въ необходимости рано или поздно слиться, что всѣ эти господа скоро восчувствуютъ, своль ихъ усилія были недостаточны. А вдобавокъ къ этому оставимъ мы въ такъ называемой Румеліи еще тысячь тридцать хорошо обученныхъ народныхъ войскъ.. . Эти къ оружию привыкли и научатъ при случаѣ остальныхъ. Всѣ эти гимнастическіе дружества и союзы, разумѣется, мо-гутъ быть разогнаны, но они свое дѣло сдѣлаютъ и при первой необходимости всплывутъ наверхъ...»

И онъ со всѣмъ пыломъ окрыленной мечтами души отдался дѣлу организаціи гимнастическихъ союзовъ, вольныхъ дружинъ и стрѣлковыхъ обществъ. Онъ самъ училъ ихъ ратному дѣлу, переѣзжая изъ одного города въ другой, назначая имъ въ качествѣ инструкторовъ офицеровъ и унтеръ-офицеровъ пзъ частей своего корпуса, производилъ смотры и маневры, на которыхъ приказывалъ строить полевые укрѣпленія и то примѣрно оборонялъ ихъ съ болгарями противъ атакъ русскихъ войскъ, то штурмовалъ ихъ съ ними

же, заставляя части своего корпуса ихъ защищать. Въ промежуткахъ между этими занятіями онъ мириль сербовъ съ болгарами, внушая имъ убѣжденіе въ кровномъ славянскомъ родствѣ, и говорилъ рѣчи румелійцамъ, поднимая духъ ихъ...

Дѣятельность Скобелева въ Болгаріи оставила глубокой слѣдъ, и пророчество его скоро сбылось: въ 1885 г. Сѣверная и Южная Болгаріи воссоединились, но, увы, при обстоятельствахъ, которыя Скобелевъ предвидѣль, когда въ особой запискѣ писалъ гр. Э. И. Тотлебену¹, наканунѣ Берлинскаго конгресса:—«Если Россія допустить разьединеніе Болгаріи, то рано или поздно Австрія и Англія объединятъ Болгарію, но уже объединятъ ее противъ Россіи...» Такъ именно, какъ предсказывалъ Скобелевъ, и случилось. Румелийскій переворотъ былъ осуществленъ Александромъ Баттенбергскимъ, съ вѣдома британскаго правительства, державшагося тогда иной точки зрѣнія, чѣмъ нынѣ, на ближневосточный вопросъ, и съ согласія Австріи.

Другому близкому лицу Скобелевъ писалъ изъ Болгаріи такъ:

«Пора забыть все пережитое въ послѣдній годъ въ Турціи, судьба сильнѣе насъ и цѣлыя поколѣнія преклоняются предъ ея рѣшеніями. Неизгладимо впечатлѣніе, оставленное восьмимѣсячнымъ стояніемъ въ виду святой Софіи и Босфора въ сердцахъ всего мыслящаго любящаго славу родины. Вы, конечно, помните, что послѣ сраженія при Лепанто донъ Хуанъ² тоже владѣль Царьградомъ; своими колебаніями онъ далъ время, говоря словами современнаго османскаго историка, «волосамъ бороды падишаха вновь отрасти...» Неизгладимы были послѣдствія «великаго разочарованія послѣ Лепанто». Это разочарованіе цѣлаго народа создало Сервантеса³. Сервантесъ нанесъ самый тяжелый ударъ героической эпопеѣ на всемъ Западѣ. Не рано ли это для Россіи? Намъ еще слѣдуетъ, помня наше историческое общославянское призваніе, работать восторженно, съ глубокою вѣрою въ свой народъ и въ свою исторію. Между тѣмъ не легко будетъ намъ заставить себя полюбить вновь свои мечты! А надо — непременно надо!..»

Въ началѣ марта 1879 года Скобелевъ покинулъ со своими войсками оккупированную ими часть Турціи. Съ грустною думою переѣхалъ онъ въ Мустафѣ-пашѣ (Лозенградѣ) турецко-румелийскую границу.

Неужели этою границею достигнута цѣль войны?!.. — воскликнулъ онъ въ минуту переѣзда. — Неужели въ этой границѣ спасеніе Болгаръ и слава Россіи?!..

Онъ пришпорилъ коня и поскакалъ карьеромъ, мрачный, какъ туча⁴.

Развитіе въ Россіи «крамолы» послѣ русско-турецкой войны понималось Скобелевымъ, какъ слѣдствіе оскорбленнаго результатами ея народнаго достоинства, и какъ такое по существу не страшило его, а служило лишь предостереженіемъ. Вотъ что писалъ онъ по этому поводу одному изъ друзей, указывая на другую горшую опасность:

¹ Тотлебенъ, Эдуардъ Ивановичъ, графъ, инженеръ-генераль, генераль-адъютантъ (1818—1884 г.), герой обороны Севастополя. Послѣ августовскихъ неудачъ подъ Плевною, Тотлебенъ былъ вызванъ на театръ войны для руководства блокадою Плевны. По окончаніи войны онъ смѣнилъ вел. кн. Николая Николаевича (Старшаго) на посту главнокомандующаго нашей арміей, во главѣ которой и оставался до вывода ея изъ Турціи.

² Донъ-Хуанъ или Донъ-Жуанъ Австрійскій (1545—1578), извѣстный испанскій флотоводецъ, былъ побочнымъ сыномъ имп. Карла V и братомъ короля Испаніи Филиппа II-го, въ службѣ котораго состоялъ. Командуя соединеннымъ флотомъ Испаніи, Италіи, Венеціи и Франціи, онъ разбилъ на голову турецкій флотъ въ битвѣ при Лепанто въ, 1571 г. Лепанто — небольшой городъ на сѣверномъ берегу Коринскаго залива

³ Сервантесъ, Мигуэль (1547—1616), знаменитый испанскій писатель, авторъ „Донъ-Кихота“, участвовалъ въ битвѣ при Лепанто, въ которой былъ раненъ.

⁴ Изъ днѣвника Духонина. «Москов. Вѣдомости», 1882 г., № 204. — Ген. М.Л. Духонинъ былъ въ то время начальникомъ штаба у Скобелева.

— «Стояніе въ виду Константинополя..., дипломатически вынужденное отступление къ Адрианополю при громкихъ ликованіяхъ... враговъ..., плачь оставленныхъ на жертву православныхъ братій, ввѣрившихъ намъ свою судьбу... и, наконецъ, окончательные результаты берлинскаго самобичеванія. Тогда уже для слишкомъ многихъ изъ насъ было очевидно, что Россіи *обязательно* заболеѣтъ тяжелымъ недугомъ *нравственнаго* свойства, заразительнымъ, разлагающимъ. Опасеюе высказывалось тогда открыто, патриотическое чувство, увы, не обмануло насъ! Да, еще далеко не миновала опасаясь, чтобы произвольно недодѣланное подъ Царьрадомъ не разрушилось бы завтра громомъ *на Висль, и Бобръ*. Въ одно, однако, *вѣрю* и *исповѣдую*, что наша «крамола» есть въ весьма значительной степени результатъ того почти безвыходнаго разочарованія, которое навязано было Россіи мирнымъ договоромъ, не заслуженнымъ ни ею, ни ея знаменами. Caveant consules!»

И такъ, на Вислу, на Бобръ былъ устремленъ взоръ Скобелева изъ Болгаріи. Оттуда ждалъ онъ новаго грома надъ Россіей и Славянами. Для него было ясно, что Берлинскимъ конгрессомъ лишь открывалась кампанія нѣмцевъ противъ Славянства и Россіи и что разъ маска дружелюбія сброшена — надо ждать слѣдующихъ шаговъ.

Объ этомъ ясно говорили тонъ и содержаніе всей тогдашней нѣмецкой печати. Въ ней, особенно — въ австрійской, въ 70-хъ г.г. опредѣленно обозначилось теченіе въ пользу союза АвстроВенгріи и Германіи; союзу этому ставились задачи: распространить германскую культуру на юго-востокъ Европы, парализовать вліяніе Россіи на славянскіе народы Балканскаго полуострова и подчинить ихъ своему вліянію. Австрійскіе военные писатели доказывали необходимость отнять у насъ Польшу и Малороссію; германскіе публицисты желали сдѣлать то же въ отношеніи Финляндіи, Прибалтійскаго края, Кавказа и «русской Арменіи», и всѣ *вмѣстѣ* откровенно мечтали объ уничтоженіи Россіи въ смыслѣ великой европейской державы.

Скобелевъ все это читалъ—и негодованіе его понятно. Можно ли послѣ этого обвинять Скобелева за проповѣдь борьбы съ нѣмцами въ «шовинизмъ»? Онъ только поднималъ перчатку, брошенную Россіи нѣмцами.

Въ такомъ-то настроеніи и съ такими мыслями отправился Скобелевъ въ 1879 г., по Высочайшему повелѣнію, въ Германію, чтобы присутствовать на маневрахъ I-го, II-го и XV-го корпусовъ германской арміи.

III.

Служба въ Туркестанѣ не позволила Скобелеву отправиться на театръ франко-прусской войны 1870—71 г.г. и лично наблюдать ея событія, но онъ основательно изучилъ исторію этой кампаніи, составилъ о ней самостоятельное мнѣніе, посѣтилъ вполслѣдствіи поля ея сраженій — и вѣхалъ на маневры германскихъ войскъ во всеоружіи знанія и своего громаднаго боевого опыта.

Отчетъ его о германскихъ маневрахъ 1879 г. появился въ печати (въ изданіи военно-ученаго комитета Главнаго Штаба, подъ редакціей ген. штаба полковника Сухотина) уже послѣ смерти Скобелева, въ 1883 г., и въ незначительномъ числѣ экземпляровъ былъ разосланъ высшимъ начальствующимъ лицамъ «для личнаго ознакомленія». Только въ 1897 г. «этотъ замѣчательный трудъ Скобелева, представляющійся образцомъ наблюдательности, вниманія и безпристрастія, съ какими отнесся этотъ высокоталантливый боевой генераль къ чужеземной арміи», былъ напечатанъ въ «Военномъ Сборникѣ» (№ 1). Несмотря на это, даже въ военной средѣ онъ извѣстенъ по-прежнему очень немногимъ; печать *его* не замѣтила и въ русскомъ обществѣ о немъ совсѣмъ не знаютъ. Теперь онъ пріобрѣтаетъ особое значеніе и интересъ. Мы воспроизводимъ его здѣсь полностью, за исключеніемъ одного лишь «приложенія» къ нему—мнѣнія Скобелева по вопросу о фу-

ражномъ довольствіи строевыхъ лошадей нашихъ кавалеріи и артиллеріи, — замѣняя таковое однимъ приказомъ Скобелева по 16-й пѣхотной дивизіи, котораго мы не нашли и въ послѣднемъ изданіи его приказовъ подъ редакціей А. Н. Маслова (1913-го года), и замѣтками Скобелева на поляхъ книги Луи Тиваля (Louis Thival) — «Значеніе мѣстныхъ предметовъ на войнѣ» (Role des Localites a la Guerre), касающимися австро-прусской и франко-прусской войнъ 1866 и 1870—71 г.г.¹

Конечно, организація, сроки службы, уставы и вооруженіе германской арміи за истекшія 35 лѣтъ измѣнились, но мѣткія замѣчанія Скобелева относительно духа германской арміи, боевой ея подготовки, воспитанія и даже методовъ дѣйствія на войнѣ въ значительной степени сохраняютъ свою силу и донинѣ, какъ показываетъ это современная война. И это понятно. Нѣмцы къ 1879 году уже построили свою военную доктрину на опытѣ франко-прусской войны и, съ тѣхъ поръ, внося въ нее лишь поправки, вызываемыя развитіемъ военной техники, незыблемо хранятъ ея основы, выработанныя подъ руководствомъ Мольтке. И Скобелевъ тогда же пророчески сказалъ: «Можно предвидѣть, что преданія этой кампаніи (франко-прусской), если не будетъ новой войны со временемъ, послужатъ скорѣе къ ослабленію, чѣмъ къ возвышенію боевой годности германскихъ войскъ, такъ какъ народная гордость изгладитъ изъ ихъ памяти тѣ невѣроятно-благопріятныя для нихъ условія, при которыхъ началась и продолжалась минувшая кампанія во Франціи...»

Вотъ этотъ замѣчательный скобелевскій трудъ.

ОТЧЕТЪ ГЕНЕРАЛЬ-АДЪЮТАНТА СКОБЕЛЕВА О МАНЕВРАХЪ I, II И XV КОРПУСОВЪ ГЕРМАНСКОЙ АРМІИ.

Общія отличительныя черты германской арміи.

Способность германскихъ войскъ всѣхъ родовъ оружія быстро и отчетливо маневрировать большими массами, какъ въ резервномъ, такъ и въ боевомъ порядкѣ, поразительна и составляетъ отличительную ихъ черту. Умѣнье начальниковъ всѣхъ степеней привести къ данному часу и къ назначенному мѣсту свою часть въ соотвѣтственномъ боевомъ порядкѣ, дѣйствуя для достиженія цѣли крайне рѣшительно и преодолевая всѣ препятствія, заслуживаетъ особеннаго вниманія. Развитіе этихъ столь первостепенныхъ боевыхъ качествъ слѣдуетъ искать не столько въ обученіи самихъ войскъ, сколько въ соотвѣтственномъ, систематическомъ воспитаніи начальниковъ частей, отъ ротныхъ, эскадронныхъ и батареинныхъ командировъ включительно. Всѣ они приучены самостоятельно оцѣнивать обстановку, взвѣшивать шансы, наконецъ, рѣшаться². Эти качества привились нынѣ къ германскимъ войскамъ и прекрасно формулированы общеизвѣстнымъ въ арміи изреченіемъ генерала Шмита: «Начальникъ рога (эскадрона, батареи) долженъ дѣйствовать осторожно, но самостоятельно, не теряя, однако, постоянной связи съ полкомъ».

Во все время маневровъ мнѣ не пришлось ни разу видѣть какой-либо путаницы, которая происходила бы отъ неясно отданныхъ или неясно понятыхъ приказаній. Напротивъ того, во всѣхъ случаяхъ приказанія отдавались спокойно, ясно, безъ колебаній, безъ

¹ Опубликованы г. А. Б. въ „Нов. Времени“ 1903 г., №№ 9698 и 9705 (Приложенія)

² Необходимо напомнить, что въ 1879 г. командный составъ германской арміи, профильтрованный тремя войнами, веденными въ короткій промежутокъ времени — съ Даніей въ 1864 г., съ Австріей въ 1866 и съ Франціей въ 1870—71 г.г., заключалъ въ своихъ рядахъ много генераловъ и офицеровъ съ большимъ боевымъ опытомъ. За истекшія съ тѣхъ поръ 50—45 лѣтъ всѣ они выбыли. Тѣмъ не менѣе нужно признать, что на тактическую подготовку корпуса германскихъ офицеровъ все это время обращалось самое серьезное вниманіе и по общимъ отзывамъ лицъ, видѣвшихъ германскія войска на маневрахъ, она стоитъ на большой высотѣ. В. А.

страха ответственности, крайне вѣжливо, и принимались таковымъ же образомъ подчиненными.

Чѣмъ совершеннѣе войска, тѣмъ, невольно строже относиться къ распоряженіямъ высшихъ начальниковъ. И если предварительныя распоряженія этихъ начальниковъ на маневрахъ, въ большинствѣ случаевъ, могли быть признаны соответственными (такъ какъ удовлетворяли главному условію на войнѣ — возможно дольше держать войска въ кулакѣ, не задаваясь никакими сложными маневрами передъ боемъ), то относительно управления боемъ, оцѣнки поля сраженія и главное — оцѣнки тактическихъ и стратегическихъ ключей позицій и выбора пунктовъ атакъ въ данный моментъ и при данной обстановкѣ, приходишь къ заключенію, нѣсколько менѣе благоприятному.

Въ этомъ отношеніи особенно обращаетъ вниманіе:

Несоответственное съ яличными силами удлинненіе боеваго фронта, причеиъ охватъ одного или даже обоихъ фланговъ непріятеля, съ крайнимъ ослабленіемъ центра, былъ явленіемъ какъ бы неизбѣжнымъ, и это часто въ виду непріятеля, занимавшаго сосредоточенное центральное положеніе¹. Замѣчательно, что *рутина наступательныхъ охватовъ* до такой степени укоренилась въ германскихъ войскахъ, что я не видѣлъ случая, гдѣ бы обороняющіеся задался цѣлью прорвать сосредоточенными силами длинный кордонъ наступающаго².

Причины подобной односторонности въ выборѣ способа атаки слѣдуетъ, конечно, искать въ опытѣ кампаніи 1870—1871 г.г., который еще долго будетъ отражаться на всемъ строѣ германской арміи. Можно предвидѣть, что преданія этой кампаніи, если не будетъ новой войны со временемъ, послужатъ скорѣе къ ослабленію, чѣмъ къ возвышенію боевой годности германскихъ войскъ, такъ какъ народная гордость изгладитъ изъ ихъ памяти тѣ невѣроятныя благоприятныя для нихъ условія, при которыхъ началась и продолжалась минувшая кампанія во Франціи³.

2) Атака въ лобъ позицій самыхъ трудно доступныхъ и притомъ въ боевомъ порядкѣ до крайности сгущенномъ⁴. Хотя въ германской арміи, судя по многимъ слышаннымъ

¹ Это замѣчаніе Скобелева сохранило свое значеніе до настоящаго времени. Современный германскій уставъ предоставляетъ самимъ начальникамъ рѣшать вопросъ о протяженіи фронта въ зависимости отъ обстановки и даетъ имъ лишь нормы для опредѣленія участковъ наступленія: для роты — 220 шаговъ, для бригады (24 роты) — 2200 шаговъ. Однако среди германскихъ военачальниковъ существуетъ явная тенденція къ расширенію этихъ нормъ. Большинство ихъ держится нормы, данной ген. Блюме, — 22 километра, т.е. около 21 версты, для арміи изъ 4-хъ корпусовъ, что, за выдѣленіемъ части войскъ въ резервъ, приводитъ къ еще болѣе широкому расположенію боевой линіи

² Этотъ методъ побѣды считается официально господствующимъ доннынѣ. Вплоть до 1906 г. его поддерживалъ въ германской арміи начальникъ ея ген. штаба графъ Шлиффенъ. Противникомъ его теоріи въ послѣднее время явился ген. Бернгарди, который признаетъ и прорывъ центра, какъ противовѣсъ несдержанной растяжкѣ фронта въ погонѣ за выигрышемъ фланга для охвата. В. А.

³ Это уже однажды случилось съ пруссаками въ отношеніи опыта фридриховскихъ войнъ. Тщательно оберегаемый, онъ привелъ ихъ въ 1806 г. къ грандіознымъ пораженіямъ при Іенѣ и Ауэрштедтѣ. В. А.

⁴ Это замѣчаніе Скобелева также сохраняетъ силу и доннынѣ. Германскій уставъ признаетъ затруднительность маневрированія войскъ первой линіи и ихъ способность въ большинствѣ случаевъ только къ фронтальному движенію. Рекомендую использоваше мѣстности въ цѣляхъ затрудненія непріятельскаго наблюденія, германскій уставъ подчеркиваетъ, что забота объ укрытіи отдѣльныхъ частей ни въ какомъ случаѣ не должна нарушать единства дѣйствій. При этихъ условіяхъ требованіе герман. строев. пѣх. устава 1906 г. (съ исправленіями 1910 г.) густыхъ цѣпей пѣхоты въ рѣшительныя минуты боя получаетъ особое значеніе. Что такое г у с т а я герман. цѣпь, видно изъ того, что цѣпь съ интервалами въ два шага между стрѣлками считается по уставу уже рѣдкой. Стремленіе использовать наибольшее число ружей для перевѣса въ огнѣ обращаетъ герман. цѣпь въ сущности въ одношереножный строй, въ которомъ стрѣлки занимаютъ пространство, лишь необходимое имъ для свободнаго владѣнія ружьемъ. Вообще, несмотря на слабыя оговорки противъ особенной густоты построений, уставъ настойчиво проводитъ мысль, что отказъ отъ

мною разсказамъ, еще очень свѣжа память объ ужасахъ знаменитой атаки гвардіи при С.-Прива, но, тѣмъ не менѣе, вслѣдствіе позднѣйшихъ, весьма удачныхъ дѣйствій противъ арміи правительства французской республики, въ германскихъ войскахъ утвердилось убѣжденіе, что рѣшительное наступленіе преодолеваетъ все (Nur immer Vorwärts, den Feind bei der Gurgel packen, только впередъ, хватай врага за горло). Однако, нѣкоторые передовые военные люди для которыхъ кровавые уроки подъ Плевной и Шипкой не прошли безслѣдно, протестуютъ противъ такого направленія. Но едва ли оно можетъ измѣниться безъ новаго урока, и не будетъ слишкомъ смѣло предполагать, что въ будущихъ столкновеніяхъ искусный противникъ воспользуется столь слѣпою, несоотвѣтствующею силѣ современной огнестрѣльной обороны, самоувѣренностью германской пѣхоты¹.

3) Отсутствие общаго резерва: въ рѣшающій моментъ видны длинныя, густыя линіи прусской пѣхоты, не имѣющей нигдѣ опорнаго пункта.

4) Весьма часто главный натискъ ведется не на самый чувствительный пунктъ непріятельской позиціи. Это, повидимому, происходитъ отъ того, что старшіе начальники, разъ отдавши распоряженія для наступленія, засимъ уже не въ достаточной степени руководятъ боемъ, такъ сказать, не щупаютъ пульсъ боя, тогда какъ въ этомъ заключается главное условіе успѣха въ современномъ бою, гдѣ разъ принятыя рѣшенія, вслѣдствіе боевыхъ порядковъ, рѣдко поправимы и, вслѣдствіе огромныхъ потерь, рѣшающіе кризисы крайне скоротечны².

Всѣ роды оружія двѣствуютъ душа въ душу: долгъ выручки своихъ развитъ до крайности, отъ солдата до фельдмаршала, а также чувство инициативы и отсутствіе страха отвѣтственности настолько сильно развиты отъ мала до велика, что едва ли можетъ быть случай, гдѣ бы германскія войска окончательно потеряли голову. Напротивъ того, слѣдуетъ думать, что столь прекрасный корпусъ офицеровъ сумѣетъ выйти съ честью изъ самыхъ затруднительныхъ обстоятельствъ.

Дисциплина въ германскихъ войскахъ весьма строгая и, что главнѣе всего, она соотвѣтствуетъ складу народныхъ понятій и симпатіямъ общества. Я позволю себѣ назвать германскую дисциплину *вполнѣ народною*, а потому къ проявленіямъ ея намъ слѣдуетъ относиться, какъ въ смыслѣ порицанія, такъ и въ смыслѣ похвалы, съ крайнею осмотрительностью. Эта дисциплина не наружная только, а проникающая все существо какъ офицера, такъ и солдата, не есть продуктъ какой-либо системы, а результатъ совокупности современныхъ народныхъ понятій, которыя въ свою очередь суть послѣдствія исторіи этого народа. Иной взглядъ на дисциплину нынѣ несомнѣстимъ ни съ принципами общезначительной повинности, ни съ кратковременными сроками службы, ни, наконецъ, съ истекающею изъ этихъ началъ неразрывною связью народа съ арміей, въ обширномъ смыслѣ этого слова.

Позволю себѣ еще прибавить, что разумное дисциплинированіе германской арміи въ значительной степени облегчается: а) повсемѣстнымъ распространеніемъ народнаго образованія и существующими школьными порядками; б) однородностію воспитанія и

сомкнутого порядка есть зло и притомъ такое, котораго часто можно избѣжать даже въ чертѣ досягаемости непріятельскихъ выстрѣловъ. В. А.

¹ Предвидѣніе не обмануло Скобелева, судя по извѣстіямъ о бояхъ одъ Льежемъ. В. А.

² Это можетъ быть вѣрно и теперь, такъ какъ по современнѣмъ взглядамъ германскихъ тактиковъ въ задачу авангарда не входитъ развѣдка боемъ обстановки. Неопредѣленность и неясность ея признаются по герман, уставу явленіемъ нормальнымъ на войнѣ, и начальники должны приводить свои рѣшенія въ исполненіе, не оскидая, пока все разъяснится. Этотъ принципъ, конечно, имѣетъ свои выгоды, но будетъ часто вести нѣмцевъ къ напрасному развертыванію или развѣтыванію въ ошибочномъ направленіи, а такъ какъ по уставу единственнымъ способомъ исправленія ошибки признается выдвиганіе въ вѣрномъ направленіи новыхъ, сохранившихся сзади частей, то это, помимо излишняго утомленія войскъ, поведетъ къ преждевременному расходованію резервовъ. В. А.

понятія массы корпуса офицеровъ; в) громадностію приобрѣтенныхъ въ столь короткое время успѣховъ, возвысившихъ общее германское отечество на тавую степень, о которой не смѣли мечтать передовые мыслители прошлаго и нынѣшняго столѣтій; г) опредѣленностью общенароднаго политическаго идеала — сохраненіе могучаго, единаго германскаго фатерланда и, наконецъ, д) въ весьма значительной степени — маститою личностью императора. Не только либералы всѣхъ оттѣнковъ, но даже и партія соціалъ-демократовъ преклоняется передъ личностью императора Вильгельма и его дѣтищемъ — обще-германскою арміею.

Вотъ почему новобранцы изъ округовъ, наиболѣе соціалистическихъ, и вообще вся молодежь, получившая высшее и среднее образованіе, поступая въ ряды арміи, забываютъ на время службы свои политическія убѣжденія, проникаются монархическими преданіями арміи, вліяютъ и словомъ, и дѣломъ на своихъ менѣ развитыхъ сельскихъ товарищей и, по словамъ многихъ опытныхъ офицеровъ, какъ въ мирное время, такъ и въ бою, составляютъ красу полковъ.

Превосходная, разумная дисциплина германскихъ войскъ поражаетъ и въ городахъ, ина походѣ, и во время маневровъ. Вездѣ тишина, чистота, порядочность, въ лучшемъ, военномъ значеніи этого слова. Офицеры показываютъ доблестный примѣръ служебной исполнительности, скажу, пылкой ревности къ своему дѣлу.

Что касается резерва офицеровъ, то и этотъ вопросъ въ германской арміи поставленъ весьма правильно, чему способствуетъ опять-таки сильное развитіе въ народѣ высшаго и средняго образованія.

Наконецъ, относительно вопроса о сверхсрочныхъ унтеръ-офицерахъ, не вдаваясь въ подробности, считаю, однако, не лишнимъ привести здѣсь разговоръ съ однимъ командиромъ армейскаго корпуса. «У насъ, сказалъ онъ, унтеръ-офицеръ, прослужившій 12 лѣтъ сверхсрочной службы, можетъ получить мѣсто въ гражданскомъ вѣдомствѣ съ окладомъ даже около 1,200 талеровъ. Эта мѣра, развиваясь болѣе и болѣе, становится *силою арміи*. Предоставляя намъ возможность обезпечивать многихъ на всю жизнь, по нашему выбору, она, очевидно, возбуждаетъ въ массѣ солдатъ соревнованіе къ исполненію своего долга и служить къ укрѣпленію авторитета строевого начальства».

ХАРАКТЕРИСТИКА БОЕВЫХЪ ПОРЯДКОВЪ И БОЕВАЯ ПОДГОТОВКА ВСѢХЪ ТРЕХЪ РОДОВЪ ОРУЖІЯ.

А. Пѣхота.

На всѣхъ бывшихъ маневрахъ пѣхота наступала густыми массами, пренебрегая мѣстными закрытіями, и двигалась открыто подъ ближайшимъ огнемъ противника.

Впрочемъ, нельзя предположить, чтобы германская пѣхота, въ случаѣ столкновенія съ непріателемъ, стала строго придерживаться тѣхъ боовыхъ порядковъ, которые практиковались нынѣ на маневрахъ; подобное заключеніе было бы крайне ошибочно по слѣдующимъ причинамъ; а) маневры въ присутствіи императора — *тѣ же парады*, съ тѣмъ, чтобы въ возможно короткій срокъ, на мѣстности открытой, показать императору возможно большее число войскъ; б) императору всѣ желаютъ угодить, между тѣмъ всѣ знаютъ, что его величество не вполне признаетъ тѣ формы строя, которыя вызываются разрушительнымъ дѣйствіемъ современнаго далеко-мѣтко-скорострѣльнаго ружья; в) да всѣхъ критикахъ послѣ маневровъ императоръ съ сочувствіемъ говоритъ объ открытіи огня на самыя ближнія дистанціи и о натискѣ массою на «ура» и т. д.¹. Всѣ благоговейно слушаютъ маститаго вождя и стараются въ присутствіи его исполнять такъ, какъ ему,

¹ Приказъ по 1-му арм. корпусу ген. Барнекова. -- М. Д. С. (См. Приложенія).

угодно, но, насколько я могъ заметить, подобный взглядъ не есть убѣжденіе тѣхъ генераловъ, которые поведутъ войска въ бой. Напримѣръ, командиръ одного изъ корпусовъ прямо высказалъ намъ, что на дивизионныхъ, бригадныхъ и полковыхъ маневрахъ они дѣйствуютъ совершенно иначе (*und glauben Sie mir, vor dem Feinde wird es euch anders sein*)¹; г) высокое развитіе какъ офицеровъ, такъ и нижнихъ чиновъ даетъ этой арміи возможность съ меньшими усиліями, чѣмъ всякой другой арміи, усвоить себе тѣ приемы, которые, при данныхъ обстоятельствахъ, окажутся наиболѣе соответствующими².

Не придавал, следовательно, окончательнаго значенія способу дѣйствія германской пѣхоты на маневрахъ, мы старались выяснитъ себѣ:

1) Въ какой формѣ установился окончательный взглядъ, въ средѣ будущихъ боевыхъ руководителей, на боевые порядки подъ огнемъ, способы атаки и обороны, наконецъ, на дисциплину огня.

2) Въ какой мѣрѣ обращено вниманіе на тѣ спорные вопросы, которые вызваны результатами русско-турецкой войны, какъ-то: о *значеніи навѣснаго ружейнаго огня, о способахъ увеличенія числа патроновъ и мѣрахъ къ пополненію ихъ* при войне наступательной, о значеніи *полевой фортификаціи* и на сколько признана офицерами необходимость примѣненія на войне этого важнаго отдѣла современнаго воспитанія боевыхъ войскъ, наконецъ, какъ пѣхотѣ встрѣчать кавалерійскія атаки.

3) Подмѣтитъ тѣ снаровки германской пѣхоты, которыя, какъ послѣдствіе опыта минувшей войны (1870—1871 г.г.), было бы полезно применить и у насъ.

Въ германской арміи замѣтны два различныхъ мнѣнія относительно наступленія подъ огнемъ. Одно, истекающее изъ собственнаго опыта, а потому и наиболѣе распространенное, основано на управленіи людьми до послѣдней минуты боя, на краткой подготовкѣ атаки ближнимъ сосредоточеннымъ ружейнымъ огнемъ, на натискѣ на «ура»³. Послѣдствіемъ подобнаго взгляда является, разумѣется, стремленіе возможно сучивать войска, не только по фронту, но и въ глубину.

Непремѣнное условіе всякаго боевого порядка германской пѣхоты составляетъ расположеніе каждой отдѣльной части въ глубину для поддержки своихъ же частей.

Такому порядку построенія, вслѣдствіе опыта послѣдней войны, придается особенное значеніе, такъ какъ при немъ до нѣкоторой степени уменьшается неизбѣжная въ дѣлѣ путаница частей⁴; кромѣ того, и начальнику легче обнять извѣстный, какъ бы ввѣренный ему участокъ поля сраженія, оцѣнить свой частный предметъ дѣйствія и соответственно цѣли распоряжаться резервами.

Во всѣхъ корпусахъ, которые участвовали въ маневрахъ, наступленіе производилось въ двѣ или три линіи ротныхъ колоннъ, предшествуемыхъ густою линіею стрѣлковъ.

¹ «И повѣрьте, что также по другому будетъ и передъ непріателемъ».

² Современный намъ авторъ статей о боевой подготовки германской арміи, напечатанныхъ въ „Рус. Инв.“ за текущій (1914-й) годъ №№ 159, 161, 182, 185, 166 и 177) повторяетъ эту мысль Скобелева почти въ тѣхъ же выраженіяхъ: — „Тактическая подготовка арміи, если и не согласована во всѣхъ частяхъ съ требованіями современнаго боя, ведется за то съ такой тщательностью и достигаетъ такой высоты, что масса (германской арміи) подготовлена къ воспріятію на поляхъ будущихъ сраженій тѣхъ новыхъ формъ боя, надобность въ которыхъ будетъ выяснена при первыхъ же столкновеніяхъ”. В. А.

³ Это направленіе господствуетъ въ германской арміи донныѣ. Не различая подготовительной и рѣшительной фазъ боя, герман. уставъ ставитъ задачей наступленія перенесеніе линіи огня на самую близкую къ противнику дистанцію; главное стремленіе при этомъ направляется къ тому, чтобы одновременно развернуть предъ противникомъ длинную, непрерывную и обильно питаемую линію огня. В. А.

⁴ Подъ Мецомъ перемешались части даже различныхъ корпусовъ. То же повторилось на штурмѣ Плевны 31-го августа. М. Д. С.

Въ цѣпь разсыпались цѣлыя части (рота дѣлится на три взвода) и усиливались также цѣлыми частями¹.

Вся линія стрѣлковъ, со своими поддержками, наступала на разстояніе до 700 метровъ (1, 050 шаговъ) отъ позиціи, занятой непріятелемъ, и открывала огонь большею частью на три различныя высоты прицѣла, съ такимъ расчетомъ, чтобы непріятель находился въ зонѣ пораженія шириною отъ 100 до 200 метровъ (150—300 шаговъ).

Когда начальникъ наступленія убѣждался, что огонь его произвелъ достаточное дѣйствіе, то онъ переходилъ на разстояніе 200 метровъ (350—300 шаговъ) отъ непріятели *всею* линією и открывалъ огонь на два прицѣла, причемъ провѣрка дистанціи, дериваціи и вліяніе атмосферическихъ и мѣстныхъ условій значительно облегчается, такъ какъ всѣ офицеры и унтеръ-офицеры внимательно слѣдили за результатами стрѣльбы съ предыдущей дистанціи².

Съ дистанціи 200 метровъ (300 шаг.) наступленіе производится перебѣжками, частями боеваго порядка, поддерживающими другъ друга огнемъ. Нельзя, однако, не замѣтить, что огонь наступающей пѣхоты передъ атакою слишкомъ продолжителенъ, въ особенности, принявъ во вниманіе, что она для пальбы останавливается въ 300 шагахъ отъ непріятели, что въ дѣйствительномъ бою едва-ли целесообразно. Собственно атака имѣетъ три вида:

а) наступленіе бѣгомъ съ крикомъ «ура» донельзя въ теченіе боя усиленной линіи стрѣлковъ (Schutzen-Anlauf); б) начальникъ наступленія избираетъ какой-либо, по мнѣнію его, важнѣйшій пунктъ позиціи, занятой непріятелемъ, и направляетъ противъ этого пункта *цѣлую часть* своего боеваго порядка, поддерживая атаку усиленнымъ огнемъ прочихъ частей; в) центръ остается неподвижнымъ и до крайности усиливаетъ огонь, тогда какъ атакованная позиція охватывается наступленіемъ всего боеваго порядка съ обоихъ фланговъ.

Эти три способа атаки заслуживаютъ вниманія потому въ особенности, что германская пѣхота, какъ будто, признаетъ ихъ за нормальные способы (напримѣръ, если Schulzen-Anlauf не удастся, то избирается одинъ изъ послѣдующихъ способовъ³, что облегчаетъ контръ-маневръ обороняющемуся, при внимательномъ съ его стороны наблюденіи за дѣйствіемъ наступающаго. Наконецъ, прибѣгаютъ иногда, въ особенности послѣ неудачныхъ попытокъ атаковать позицію однимъ изъ вышесказанныхъ способовъ, къ быстрому и общему натиску всѣми наличными силами частей, разсыпанныхъ въ цѣпь (Schwarm-Attake)⁴.

Усиленіе цѣпи всегда производится во время передвиженій или перебѣжекъ, когда вниманіе обороняющагося сосредоточено на части, идущія впередъ.

Весьма достойно вниманія то, что даже въ послѣдній періодъ атаки офицеры сохраняютъ руководство огнемъ. На маневрахъ не разъ были случаи, когда бой къ атакѣ вдругъ смолкалъ, стремительное наступленіе пріостанавливалось и часть открывала

¹ Нынѣ для герман. роты, ведущей бой не на одномъ изъ фланговъ боеваго порядка, нормальнымъ считается высылка 1 1/2—2 взводовъ. Часть роты, остающаяся позади, образуетъ поддержку, назначеніе которой — своевременное пополненіе линіи огня своей же роты. Этимъ устраняется перемѣшиваніе въ цѣпи различныхъ ротъ. В. А.

² Нынѣ герман. пѣхота стрѣляетъ на дистанціи до 1400 шаговъ съ 2-мя прицѣлами, различающимися на 100 метровъ (140 шаговъ), на дистанціяхъ меньшихъ—съ однимъ. В. А.

³ Согласно § 102 Устава перебѣжки должны начинаться отъ 500 шаговъ отъ непріятели. М. Д. С. Нынѣ это разстояніе еще болѣе увеличилось. В. А.

⁴ Правило это весьма практично. Даже на такой открытой мѣстности, какъ подъ Шейновымъ, 28-го декабря 1877 г., огонь непріятели сосредоточивался на передовыхъ частяхъ, чѣмъ облегчалось сгущеніе боевыхъ линій подливомъ изъ резерва и представилась возможность обезпечить окончательный натискъ, съ сравнительно близкаго разстоянія, съ значительными силами. М. Д. С.

огонь по командѣ своего офицера, который громко и внятно опредѣлялъ цѣль, прицѣль и назначалъ число патроновъ. По командѣ же огонь снова прекращался.

Въ нѣкоторыхъ частяхъ, въ послѣднее время, введенъ новый способъ управленія огнемъ, не по числу патроновъ, а по времени, на примѣръ, столько-то минутъ бѣглаго огня или залпами, по такой-то цѣли; высота прицѣла такая-то. Унтеръ-офицеры и ефрейторы наблюдаютъ за исполненіемъ по часамъ.

Не входя въ критическій разборъ способовъ, принятыхъ въ германской пѣхотѣ для управленія огнемъ, нельзя, однако, не признать, что на разумное его дисциплинированіе обращено первостепенное вниманіе. Всѣ, съ кѣмъ мнѣ пришлось объ этомъ, столь важномъ вопросѣ говорить, проникнуты необходимостью его рациональнаго разрѣшенія, въ особенности принимая во вниманіе затруднительность, при наступательной войнѣ, снабжать солдатъ необходимымъ, по продолжительности современнаго боя, числомъ патроновъ. На маневрѣ подъ Кенигсбергомъ принцъ Фридрихъ-Карль, коснувшись дисциплины огня, сказалъ: *Die Feuer-Direktion ist das wichtigste fur die jetzige Infanterie ; es muss dirigirt werden je nach dem Object und je nach dem wichtigsten angegebenen Ort und Stelle und Moment. Das ist die Pflicht der Offiziere , aber leider zwingt es sie offen zu stehen, wenn (die Leute die Deckungen benutzen und es ist unentbehrlich, aber da werden sie todtgeschossen . Aber wir können es machen*¹.

Генераль Верди-дю-Вернуа раздѣляетъ совершенно мнѣніе принца Фридриха-Карла и прибавляетъ, что существеннѣе всего заставить часть въ бою дѣйствовать постоянно обдуманно, въ особенности офицеры должны быть приучены внимательно соображать и сознательно рѣшаться; къ этой главной цѣли должны быть направлены всѣ усилія командира части, какъ *во внутрвнемъ быту* части (ежедневныхъ занятіяхъ, бесѣдахъ и т. п.), такъ въ особенности на ученьяхъ, маневрахъ и пр. *«Jeder Offizier und so weiter nach unten muss jeden Augenblick zum Dencken gebracht werden»*.

Всѣ офицеры прусской арміи смотрятъ на себя, какъ на нѣчто высшее, какъ на потомковъ рыцарей; и собственное достоинство офицеровъ и вмѣстѣ съ тѣмъ необходимость поддерживать въ подчиненныхъ мнѣніе о своемъ превосходствѣ не позволяютъ имъ присоединяться во время стрѣльбы къ лежащимъ у ихъ ногъ нижнимъ чинамъ². Нѣтъ сомнѣнія, что этотъ корпусъ офицеровъ и на войнѣ будетъ руководить огнемъ частей³.

Какъ выше сказано, въ германской арміи существуетъ цѣлая школа начальниковъ, которые не одобряютъ только-что изложеннаго способа дѣйствія, исходя изъ слѣдующаго: *«если вамъ вручено ружье, поражающее на 2, 800 шаговъ, то почему вы признаете полезнымъ открывать огонь лишь на 800 шаговъ»*. Очевидно, что сторонники существующаго способа дѣйствія при атакѣ опираются на значеніе элемента нравственнаго, на необходимость руководить огнемъ и людьми и, наконецъ, на примѣры 1870—1871 г.г. Противники же ихъ выставляютъ примѣры изъ кампаніи 1877—1878 г.г., и въ особенности употребленіе ружья, введеннаго нынѣ во французской пѣхотѣ, гдѣ не только не отвергается значеніе прицѣльнаго огня съ крайнихъ разстояній, но, напротивъ того, произведены весьма

¹ „Управленіе огнемъ есть важнѣйшее дѣло для современной пѣхоты и заключается въ веденіи стрѣльбы соотвѣтственно важности цѣли, мѣста и времени, что составляетъ прямой долгъ офицеровъ; къ сожалѣнію, это вызываетъ необходимость, чтобы офицеры находились все время открытыми выстрѣламъ противника, тогда какъ нижніе чины—за закрытіями. Что дѣлать, но на это мы способны“.

² Отдѣленные начальники (унтеръ-офицеры) въ германск. пѣхотѣ, какъ при наступленіи, такъ и при отступленіи находятся въ 10 шагахъ впереди своего отдѣленія; взводные командиры (офицеры) — въ 20-ти. В. А.

³ Управленіе огнемъ въ германск. пѣхотѣ упрощается, однако, требованіемъ устава ограничивать переносы огня и сосредоточеніе его въ зависимости отъ хода наступленія исключительными случаями, изъ опасенія всякой переменной цѣли внести разстройство въ цѣпь. Всякій стрѣлокъ долженъ поражать противника, расположеннаго противъ него. В. А.

поучительные опыты надъ ружейною навѣсною стрѣльбою, давшіе положительные результаты¹.

Относительно оборонительнаго боя, въ современномъ, освѣщенномъ опытомъ минувшей турецкой войны, значеніи этого слова, я не могъ подмѣтить въ средѣ начальствующихъ лицъ и офицеровъ германской арміи ничего опредѣленнаго, обдуманнаго. Турецкая кампанія видимо произвела на многихъ впечатлѣніе;

но грозныя явленія, сопровождавшія вообще оборонительный бой въ минувшую кампанію, объясняются ими скорѣе недостатками войскъ и начальствующихъ лицъ, отчасти условіями мѣстными, чѣмъ свойствами самаго современнаго боя. «Для насъ, говоритъ большинство начальниковъ германскихъ войскъ, оборона заключается въ стремительномъ наступленіи» (raschen Vorgang)². На маневрахъ этотъ взглядъ отразился и на дѣйствіяхъ оборонявшихся отрядовъ. Только одинъ генераль Каприви внимательно отнесся къ укрытію своихъ войскъ траншеями и резервными ложементами; впрочемъ, отдѣлъ этотъ и у него не вылился ни во всей полнотѣ, ни во всей соотвѣтственности мѣстнымъ условіямъ; такъ, напримѣръ: 1) только лѣвый малодоступный флангъ позиціи былъ укрѣпленъ; 2) лѣсъ впереди позиціи, доставлявшій возможность продольно обстрѣливать весь ея фронтъ, не былъ занятъ; 3) передовые ложементы не были достаточно выдвинуты передъ фронтомъ линіи траншей; 4) резервы какъ частные, такъ и общіе, были недостаточно или же вовсе не укрыты; 5) позиція и впереди лежащая мѣстность видимо не была осмыслена въ томъ отношеніи, чтобы дать войскамъ, ее занимавшимъ, возможность извлечь максимумъ пользы изъ настоящаго вооруженія, и 6) оставленъ былъ безъ вниманія тылъ позиціи.

При оборонѣ германская пѣхота часто прибѣгаетъ къ залпамъ, какъ при открытомъ расположеніи, такъ и изъ траншей, но залпы производятся только по сомкнутымъ частямъ, по командѣ офицера, съ опредѣленіемъ числа патроновъ³.

Въ прусской пѣхотѣ замѣчается поразительная разница въ силѣ стрѣльбы залпами, когда противникъ наступаетъ, и тѣмъ адскимъ бѣглымъ огнемъ, который встрѣчаетъ колеблющагося противника.

На маневрѣ 2-го корпуса, 16-го сентября, войска генерала Каприви стрѣляли изъ траншей залпомъ, построившись въ три шеренги, изъ которыхъ первая стрѣляла лежа, вторая на колѣняхъ, а третья стоя.

Отбивъ атаку, генераль Каприви вышелъ изъ траншей и преслѣдовалъ противника въ густыхъ ротныхъ колоннахъ съ музыкою и распущенными знаменами. Непріятель остановился, и затѣмъ происходило взаимное разстрѣливаніе на близкой дистанціи⁴.

Считаю умѣстнымъ намѣтить въ особомъ приложеніи нѣкоторыя указанія, почерпнутая изъ опыта, для дѣйствія при современномъ оборонительномъ боѣ.

Объ отступленіи подъ огнемъ. Въ германской арміи, при полномъ сознаніи всей трудности отступленія подъ огнемъ, въ этомъ отношеніи нѣтъ колебанія: всѣ убѣждены, что *отступить всегда слѣдуетъ шагомъ.*

¹ Осматривая со мною поля сраженія подъ Мецомъ, генераль Верди-дю-Вернуа высказалъ мнѣ свой особый взглядъ на бой пѣхоты, который я излагаю въ особомъ приложеніи. *М. Д. С.*

² Современный германск. уставъ также требуетъ соединенія обороны съ наступательными дѣйствіями. *В. А.*

³ Нынѣ въ герман. пѣхотѣ принять за правило одиночный огонь. Залпы примѣняются въ исключительныхъ случаяхъ, — когда надо застигнуть противника врасплохъ или взять свою часть въ руки. *В. А.*

⁴ Весьма было бы важно составить подробную инструкцію для руководства при оборонѣ какъ артиллерійскимъ, такъ и ружейнымъ огнемъ, съ цѣлью приучать войска направлять часть своего огня противъ поддержекъ первой линіи и вообще резервовъ. При этомъ, смѣю думать, картечно-гранатный огонь артиллеріи могъ бы быть примѣненъ съ большою пользою. *М. Д. С.*

Такіе авторитеты, какъ Шерфъ, Верди, Оберницъ, Вердеръ и многіе другіе полковые командиры, не допускають отступленія бѣгомъ потому, что оно гораздо вреднѣе отзывается на нравственномъ состояніи людей, а слѣдовательно труднѣе и сохраненіе порядка, чѣмъ самыя сильныя потери. Генераль Верди до такой степени настаиваетъ на этомъ, что требуетъ даже отступленія кавалеріи шагомъ.

Тѣмъ не менѣе нельзя не замѣтить, что представляется весьма выгоднымъ при отступленіи занимать частями цѣпи по очередно удобныя позиціи и производить оттуда сильный огонь по наступающему противнику, чѣмъ отчасти огонь противника будетъ отвлеченъ отъ отступающихъ войскъ и сосредоточится на части цѣпи, стрѣляющей изъ-за закрытія.

На маневрахъ германскихъ войскъ я неоднократно видѣлъ, какъ отбитая пѣхота отступала въ густыхъ ротныхъ колоннахъ, не развернувшись; ее при этомъ поражали залпами.

Встрѣча пѣхотою кавалерійскихъ атакъ. Въ германскихъ войскахъ принято за безусловное правило, что пѣхота должна встрѣчать кавалерію въ томъ порядкѣ, въ которомъ застигнута атакой. Въ этомъ всѣ убѣждены.

Въ сраженіи при Гравелотѣ неожиданно появились два французскіе уланскіе эскадрона, но они изрубили лишь двухъ челоуѣкъ, которые побѣжали. Если кавалерія все-таки наскочитъ, то пѣхота ложится. Изъ опыта Шейновскаго сраженія, гдѣ турецкая кавалерія имѣла частный успѣхъ противъ болгарскаго ополченія, я убѣдился, что способъ германскихъ войскъ— ложиться — дѣйствительно практичный.

Вопросъ о патронахъ. Прусскій солдатъ носитъ 80 патроновъ¹. Это число патроновъ далеко не достаточно для веденія продолжительнаго стрѣлковаго боя. Что касается подноски патроновъ въ цѣпь и войскамъ боевой линіи, то этотъ вопросъ еще въ Германіи не разработанъ².

По мнѣнію генерала Верди-дю-Вернуа, снабженіе войскъ патронами въ оборонительномъ бою можетъ быть вполнѣ облегчено устройствомъ въ боевыхъ линіяхъ патронныхъ депо. Относительно снабженія войскъ патронами при наступленіи онъ совѣтуетъ, во-первыхъ, брать патроны съ убитыхъ и раненыхъ и, во-вторыхъ, считая снабженіе войскъ патронами съ тылу сомнительнымъ, подносить патроны въ мѣшкахъ людьми изъ резервовъ; послѣдніе же, въ свою очередь, пополняются ими изъ патронныхъ ящиковъ.

Въ Штетинѣ, послѣ параднаго обѣда, подошелъ ко мнѣ генераль Камеке и обратился съ вопросомъ объ увеличеніи числа патроновъ въ 16 пѣхотной дивизіи передъ Шейновымъ и при движеніи къ Константинополю. Видя, что онъ хорошо знакомъ съ этимъ вопросомъ, я не счелъ удобнымъ умолчать о подробностяхъ, именно, что для возки патроновъ было придано по три вьючныхъ лошади съ болгарскими сѣдлами на роту и одна лошадь съ патроннымъ вьючнымъ сѣдломъ для подвозки патроновъ³). По одобреніи, которое выразилъ при этомъ генераль Камеке, можно быть увѣреннымъ, что вопросъ о снабженіи пѣхоты добавочными патронами, имѣющій первостепенную важность, будетъ рѣшенъ для германскихъ войскъ въ самомъ непродолжительномъ времени.

По мнѣнію моему, единственный практическій способъ подвозки патроновъ—на вьюкахъ, не только въ горахъ, но и на всякомъ другомъ театрѣ дѣйствій и въ особенности на нашей западной лѣсистой и болотистой границѣ.

¹ Въ настоящее время германскій пѣхотинецъ имѣетъ слѣдующее число патроновъ: 150 патроновъ носить на себѣ, 70 патроновъ — въ ротныхъ патронныхъ ящикахъ в 155 патроновъ — въ муниціонныхъ колоннахъ; всего 375 патроновъ. В. А.

² Замѣчаніе Скобелева относится къ 1879 г. Теперь это уже не такъ. В. А.

³ Въ упряжи патроннаго. М.Д.С.

Отношение пѣхоты къ фортификаціонному элементу. Этотъ важный отдѣлъ войсковаго образованія находится въ Германіи въ полномъ пренебреженіи. Вѣроятно, это происходитъ отъ того, что большинство начальниковъ не придають особаго значенія укрѣпленіямъ (позицій, не имѣвъ въ 1870 и 1871 годахъ дѣль съ хорошо окопаннымъ противникомъ. Мнѣ пришлось только два раза видѣть усиленіе фортификаціонными постройками позицій и то крайне нецѣлесообразно: 1) на двухстороннемъ маневрѣ I армейскаго корпуса бригада, генерала фонъ Фоса (43-й полкъ), занявъ позицію около деревни Катриненгофенъ, окопалась крайне поздно и неосмысленно; и 2) на двухстороннихъ маневрахъ II-го армейскаго корпуса, на второй день, генераль Каприви, какъ уже выше было упомянуто, укрѣпилъ позицію, занятую его бригадою, и то только сильнѣйшей флангъ позиціи; приче́мъ резервы цѣпи были расположены въ ложементгахъ въ разстояніи 50 шаговъ отъ цѣпи.

Нельзя, однако, не замѣтить, что нѣкоторые высшіе начальники германскихъ войскъ сознають важность этого вопроса.

Б. Кавалерія.

Въ основаніи воспитанія германской кавалеріи положена мысль о полной самостоятельности этого рода оружія и опасеніе за то, чтобы она не была низведена на роль вспомогательнаго боеваго средства. Германская кавалерія пріучается въ самой себѣ черпать силу для самостоятельныхъ, ей свойственныхъ, военныхъ операцій, не полагаясь исключительно на сокрушительное дѣйствіе артиллерійскихъ снарядовъ и на стойкость пѣхоты, на тягучесть и рѣшительный характеръ ея боя.

Въ этомъ направленіи германцы потрудились немало. Въ кампаніи 1866 г. и послѣ нея все вниманіе высшихъ начальствующихъ лицъ въ прусской арміи обращено было на пѣхоту, и въ особенности на артиллерию, не оказавшуюся на высотѣ своего назначенія. Что же касается до кавалеріи, то послѣ кампаніи обращено было лишь вниманіе на лучшій способъ укомплектованія конскаго состава.

Въ кампанію 1870—1871 г.г. германская кавалерія показала себя на высотѣ своего назначенія, какъ кавалерія боевая, тактическая. Въ этомъ отношеніи не требовалось никакихъ исправленій¹. Вниманіе военныхъ начальствующихъ лицъ обратила на себя лишь малая способность кавалеріи къ самостоятельнымъ дѣйствіямъ массами. (Дѣйствія 4-хъ кавалерійскихъ дивизій на Луарѣ и какъ слѣдствіе сего — не вполне удовлетворительная развѣдывательная служба; кавалерія арміи наслѣднаго принца теряетъ слѣдъ арміи Макъ-Магона и послѣ сраженія при Вертѣ. О движеніи арміи Макъ-Магона на сѣверъ главная квартира узнаетъ изъ бельгійскихъ газетъ).

Послѣ кампаніи приступлено было къ сознательному и правильному образованію кавалеріи, для постановки ея на такую же высоту, на которой оказалась какъ пѣхота, такъ и въ особенности артиллерія.

Старанія въ этомъ отношеніи пошли вполне успешно. Улучшенія въ Германіи кавалеріи идутъ настолько быстро, что едва ли она насчитываетъ себѣ многихъ соперницъ.

Умѣнье понимать бой—поразительное и приводило меня въ полный восторгъ.

Особенно поражаютъ своею находчивостію офицеры, выказывавшіе себя постоянно истинными молодцами и основательно подготовленными къ сознательному выпол-

¹ Такое мнѣніе находится въ противорѣчій съ извѣстною лихорадочною работою въ германской конницѣ по подготовкѣ ея къ возстановленію прежняго значенія на поляхъ сраженія. Тѣ *редкіе* случаи проявленія тактической роли конницы, которые имѣли мѣсто во время войны, только были намеками на возможную роль, и совершенно *новая* система обученія и подготовкѣ конницы показываетъ, что нѣмцы сами признали необходимость большихъ и многочисленныхъ исправленій противъ бывшаго у нихъ до 1870—1871 г.г. *Прим. ред. воен. уч. комит.*

ненію важныхъ обязанностей, лежащихъ нынѣ на кавалеріи. Свидѣтельствую, что въ корпусѣ кавалерійскихъ офицеровъ германской арміи немало полуофицеровъ¹ генеральнаго штаба. Такое выдающееся положеніе офицеровъ является не только результатомъ высокаго уровня ихъ общаго и спеціальнаго образованія, но и достигается въ значительной степени всѣмъ строемъ службы мирнаго времени, привившимся въ германскихъ войскахъ. Тамъ обязанности младшаго офицера не суживаются до понятія о субалтернъ-офицерѣ, не только освобожденнаго отъ всякой личной отвѣтственности и, такъ сказать, фактически удаленнаго *отъ* обученія солдатъ, но, напротивъ, они расширяются до признанія въ немъ инструктора, вполнѣ отвѣтственнаго за подготовку ввѣренныхъ ему людей. Кроме всего этого, при короткихъ срокахъ службы и непрерывномъ измѣненіи личнаго состава полковъ, офицеры являются хранителями военныхъ преданій. Недостатокъ личной опытности младшихъ офицеровъ (инструкторовъ) восполняется богатою военно-педагогическою литературою, обильною всякими спеціальными изслѣдованіями и мотивированными инструкціями и строевыми уставами. При распространенной охотѣ къ чтенію, нѣтъ недостатка въ выборѣ матеріала для своей подготовки.

Война 1870 г., положивъ большой отпечатокъ на всей организаціи германской арміи, не могла не коснуться и кавалеріи, относительно которой, въ средѣ выдающихся военныхъ авторитетовъ, проявляется особая забота о томъ, чтобы придать кавалеріи наибольшую самостоятельность и ослабить ея зависимость отъ другихъ родовъ оружія. Приведенныя цѣли достигаются не только своеобразною системою обученія, но и матеріальными данными, т.е. хорошимъ вооруженіемъ и снаряженіемъ, а также и комбинаціей тактическихъ единицъ въ предѣлахъ условій удобнаго управленія ими въ бою, такъ сказать, однимъ глазомъ². Основная идея боеваго порядка германской кавалеріи — крайняя подвижность, способность быстро измѣняться въ длину и глубину, причемъ отдѣльныя части боеваго порядка неравномѣрной глубины, что доставляетъ возможность быстрымъ заѣздомъ охватывать непріятеля большимъ числомъ людей въ данномъ пространствѣ.

За первую линію строятся два или три эскадрона на разстояніи 200 шаговъ.

Они заполняютъ прорывы и идутъ въ атаку вмѣстѣ съ первую линію.

Вторая линія строится во взводныхъ эскадронныхъ колоннахъ на интервалахъ развертыванія. Назначеніе ея — поддерживать свою первую линію, дѣйствовать во флангъ и въ тылъ атакованному противнику и угрожать второй линіи непріятеля.

¹ Т.е. такихъ офицеровъ, которые по своей военной подготовкѣ почти что офицеры генеральнаго штаба. М. Д. С.

² Боевая подготовка современной германской конницы исходитъ изъ мысли, что, предводимая энергичными начальниками, она найдетъ себѣ примѣненіе въ конномъ строю на поляхъ сраженій, — чаще всего однако въ роли авангарда, прорывающаго боемъ завѣсу, прикрывающую движеніе непріятеля, и, въ свою очередь, образующаго завѣсу для своихъ войскъ. Для наилучшаго выполненія этихъ задачъ германск. кавал. дивизія получила въ своей организаціи все необходимое что обеспечиваетъ самостоятельность ея операций. Кавал. дивизію образуютъ бригады по 2 полка 4-хъ эскадроннаго состава каждый (въ эскадронѣ воен. времени—6 офиц. 160 н. чиновъ и 180 лошадей), конно-артил. дивизионъ изъ 3-хъ батарей 4-хъ-орудійнаго состава каждая, пулеметное отдѣленіе (6 пулеметовъ), копно-саперное отдѣленіе и легкая муниціонная колонна; каждый полкъ имѣетъ въ составѣ своего обоза 1 го разряда 2 повозки съ 2 стальными понтонами для устройства мостовъ и переправъ черезъ рѣки, телеграфный патруль и повозку съ запасомъ проволоки и прочаго телеграфн. имущества и команду самокатчиковъ (6 чел.). Существовавшее ранѣе предубѣжденіе относительно придачи кавал. дивизіямъ пѣхоты, повидимому, исчезло. На император. маневрахъ 1912 г. двумъ кавал. дивизіямъ придано было по баталіону егерей. Необходимо однако отметить, что германск. конница, да исключеніемъ гвардейской ея части, въ мирное время сведена лишь въ бригады, дивизіи формируются лишь на учебные сборы, маневры и въ военн. время, вслѣдствіе чего не всѣ германск. кавал. генералы получаютъ практику въ командованіи дивизіей. В. А.

Третья линия во взводных сомкнутых эскадронных колоннах, или на интервалах развертывания¹ составляет главный резерв для ршения боя².

При удачном подборе личного состава начальников 6-ти-полковая организация германской кавалерийской дивизии нисколько не вредит ни ее подвижности, ни развитию инициативы; напротив того, при большей самостоятельности по числу коней и признании военного дела в массе офицерского кадра и, наконец, при хорошо организованной материальной части, такая дивизия соединяет в себе все данные для самых решительных и целесообразных действий, как при стратегических операциях, так и на поле сражения.

Во время бывших маневров действия германской кавалерии мне удалось проследить, главным образом, в полевом бою и не только при исполнении ею отдельных поручений в составе самостоятельных кавалерийских отрядов, но также и в роли дивизионной кавалерии. В основании всех ее действий положено: 1) величайшая бдительность за противником через дозорных, посылаемых вперед, дабы следить за ходом боя; 2) лихие налеты из-за закрытой в боевые линии противника с задачей смести его пехоту или разстроить ее тактический порядок для подготовки успеха атаки; 3) стремление к постоянному расширению протяжения своего фронта и к охватам не только флангов противника, но и заскакивание при случае вглубь—в тыл, для распространения паники и для поколебания стойкости противника. (На корпусном маневре II армейского корпуса против обозначенного противника 3-й драгунский полк действовал чрезвычайно ловко, заманивая неприятеля одним эскадронном, а с остальными эскадронами врубился во фланг); 4) передвижения и перемещения мест расположения с целью появиться неожиданно в наиболее чувствительной для противника части его боевого порядка.

Все эти действия носят в своем основании величайшую смелость, даже отчаянную дерзость, которая, очевидно, под силу офицерам, вполне стоящим на высоте своего призвания; такие операции заставляют действительно призадуматься о тех страшных результатах, которые конница может иметь в действительном бою³.

На основании всего, чему я был личным свидетелем на маневрах, должен заявить, что германская кавалерия маневрирует с замечательною ловкостью. Ее лихие эскадроны, разбросанные по всему боевому порядку, тщательно укрываются за складками местности, каждый кавалерийский полк освещается на расстоянии до двух и более верст дозорными офицерами и нижними чинами, по одному офицеру на флангах и 8 интеллигентных нижних чинов впереди своего эскадрона. Они следят за неприятелем и его действиями и сообщают (эскадрону, полку) о проходимости местности, преградах и о движениях неприятеля посредством знаков сабли, заранее услов-

¹ Т.е. или в резервных колоннах, или в линии взводных колонн. *М. Д. С.*

² По уставу 1908 года (*Exerzier -Reglement fur die Kavallerie*) полк атакует: кавалерию—развернутым фронтом с уступами или без них; пехоту и артиллерию—несколькими линиями одна за другой; артиллерию—кавалерию, имея полки развернутыми рядом в одну линию; атака линиями может иметь место только в том случае, если обстановка требует незамедлительной атаки головным полком; пехоту и артиллерию — обоими полками рядом, построенными каждый в несколько линий, или имея полки в затылок друг другу; дивизия атакует имея, вообще, все 3 бригады на одной линии, при атаке же ее на пехоту и артиллерию может применяться глубокий порядок, в котором бригады следуют одна за другой. Выдвижение уступов, как назад, так и вперед, рекомендуется делать самым широким образом. Устав требует ведения атаки с самым тщательным соблюдением сомкнутого строя. Для заполнения неизбежных разрывов за фронтом 1-й линии следуют отдельные эскадроны. *В. А.*

³ Современный герман. кавал. устав говорит: „Кавалерия должна стремиться решать возлагаемая на нее задачи всегда в наступательном духе... Ни один эскадрон не должен ждать, чтобы противник атаковал его, но всегда атаковать первым“. Офицеры в момент атаки обязаны показывать пример, вторгаясь первыми в ряды неприятельской конницы. *В. А.*

ленныхъ, предупреждаютъ о представляющемся случаѣ для дѣйствія кавалеріи; наступила такая минута, и эскадроны лихо несутся ураганомъ на намѣченную цѣль, съ полною и безповоротною рѣшимостью смести ее.

Отношенія части къ своимъ дозорнымъ не ограничены никакимъ обязательнымъ уставомъ; это дѣло внутренней работы полка и его духа. Частные начальники не упускаютъ съ глазъ своего старшаго начальника, находящегося передъ строемъ, и съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдятъ за его саблей: тамъ, гдѣ она можетъ быть замѣчена — ею и указывается направленіе движеній, а гдѣ это невозможно — части направляются черезъ ординарцевъ или трубача. Послѣдовательность нумеровъ взводовъ, эскадроновъ и т. д. не соблюдается и части развертываютъ фронтъ безъ затрудненія вправо и влѣво, смотря по надобности.

Предпримчивость кавалеріи поистинѣ изумительная; не менѣ замѣчательна способность начальника быстро рѣшаться и приводитъ свои рѣшенія въ исполненіе.

Передовые германскіе генералы всѣ рѣшительно отвергаютъ, чтобы роль кавалеріи на полѣ сраженія нынѣ умалилась; возрастающія затрудненія, по ихъ мнѣнію, должны лишь усиливать упорство въ стремленіи въ усовершенствованію кавалеріи, и надо отдать справедливость, что они идутъ настолько вѣрными путями къ достиженію этого идеала, что настоящее положеніе этой кавалеріи должно назвать блистательнымъ.

Лучшимъ украшеніемъ массы строевыхъ кавалерійскихъ офицеровъ является отважный кавалерійскій духъ, старшіе же начальники выдаются своею солидною подготовкою для серьезныхъ самостоятельныхъ дѣйствій. Германскіе эскадронные и полковые командиры, не занятые никакими фуражными расчетами по продовольствію казенныхъ лошадей, требуютъ отъ лошадей постоянной работы и способности преодолѣвать массами всякія препятствія, напр.: болота, канавы, заборы, кусты и т. д. Лошади ихъ въ массѣ такъ наскakanы, что идутъ карьеромъ на всякое препятствіе. У насъ распространено мнѣніе, что германская кавалерія сидитъ на плохихъ лошадяхъ; это несправедливо — германская кавалерія сидитъ на рослыхъ, быстрыхъ лошадяхъ, способныхъ вполнѣ въ самой трудной кавалерійской службѣ¹.

Послѣ этихъ общихъ замѣчаній о германской кавалеріи считаю необходимымъ остановиться на частностяхъ.

Развѣдывательная и сторожевая служба германской кавалеріи. На маневрахъ въ этихъ случаяхъ придавалось особенно важное значеніе сообщенію высшему кавалерійскому начальству инструкции изъ штаба, въ которой выяснялась общая обстановка, свѣдѣнія о непріятелѣ и преслѣдуемая цѣль; безъ такого освѣщенія задачи признается невозможнымъ требовать толковаго развѣдыванія о непріятелѣ, поручаемаго кавалеріи въ смыслѣ самостоятельной операціи. Найти непріятеля, видѣть его и слѣдить за нимъ, вотъ что преслѣдуютъ германскіе кавалеристы при развѣдывательной и сторожевой службѣ².

Переходя къ подробностямъ, долженъ упомянуть, что часть, назначенная для развѣдыванія о непріятелѣ, достигнувъ извѣстнаго пункта, разсылаетъ вѣрообразно патрули къ сторонѣ непріятеля. Эти развѣзды, силою до 1/4 взвода, слѣдуютъ каждый подъ начальствомъ унтеръ-офицера.

¹ Въ особенности хороши лошади въ 1-мъ лейбъ-гусарскомъ полку, блухерскомъ гусарскомъ № 5-мъ, въ 1-мъ кавалерійскомъ и въ дивизіи, состоящей при 15-мъ корпусѣ. М. Д. С. Нынѣшній конскій составъ герман. кавалеріи позволяетъ ей примѣнять весьма сильныя аллюры, дѣлая въ минуту: шагомъ — свыше 140 арш., рысью — 315 арш., галопомъ — 570 арш. и полевымъ (усиленнымъ) галопомъ — 800 арш. В. А.

² По современному германск. полковому уставу 1908г. (Felddienst Ordnung) дальняя развѣдка возлагается на армейскую конницу (1—2 дивизіи на армію), которая высылаетъ для этого развѣдывательныя эскадроны, а эти послѣдніе — развѣзды, а ближняя — на дивизионную кавалерію, при посредствѣ развѣздовъ. Конница, приданная сторожевому охраненію, высылаетъ развѣзды, заставы и конные дозоры лишь на важнѣйшіе пункты и пути впереди линіи охраненія. В. А.

При расположеніи на закрытой мѣстности она постоянно освѣщается патрулями, захватывающими районъ вѣрообразно; патрули при этомъ не удаляются на большое разстояніе. Разстановка постовъ производится также отъ заставъ вѣрообразно, причемъ на особенно важныхъ пунктахъ на флангахъ или впереди фронта выставляются сильные унтеръ-офицерскіе посты. На главнѣйшихъ путяхъ выставляются пропускные посты, позади которыхъ выставляется еще особый опрашивающій постъ.

Къ сказанному необходимо добавить, что въ германскихъ войскахъ, когда выставляется пѣхотная цѣпь сторожевыхъ постовъ, послѣдняя снабжена кавалеріею, въ видѣ ординарцевъ, для сношеній съ главнымъ карауломъ и заставами, а также для освѣщенія мѣстности передъ фронтомъ цѣпи.

Къ ночи всѣ посты сближаются какъ между собою, такъ и съ караулами и заставами.

Спѣшиваніе кавалеріи. Германцы усвоили себѣ, на основаніи боевого опыта, тотъ взглядъ, что кавалерія, которая не сумѣла бы при передовыхъ дѣйствіяхъ обойтись безъ поддержки пѣхоты, не выкупаетъ средствъ, потраченныхъ на ея содержаніе; въ этихъ видахъ они озабочены полною самостоятельностью кавалеріи, но только примиряются съ спѣшиваніемъ ея въ нѣкоторыхъ случаяхъ.

Германская кавалерія, совершенно въ противоположность французской, признаетъ исключительно лишь быстроту, рѣшительность, натискъ холоднымъ оружіемъ и глазомеръ начальника средствами пораженія въ бою. Хотя въ послѣднее время и обращается сравнительно больше вниманія на стрѣльбу и спѣшенный бой, но къ этимъ дѣйствіямъ кавалеріи всѣ авторитеты, начиная съ принца Фридриха-Карла, относятся съ крайнею осторожностью. Они боятся посягнуть на основную силу, присущую, по ихъ мнѣнію, германской кавалеріи, а именно, на способность сметать непріятеля съ поля сраженія въ рѣшительную минуту¹.

Стрѣльба съ коня *никогда и ни при какихъ случаяхъ* не допускается и, какъ выразился принцъ Фридрихъ-Карль, что тотъ начальникъ, который допустилъ бы это, достоинъ быть лишень командованія частью.

Въ тѣхъ немногихъ случаяхъ, гдѣ я видѣлъ спѣшенный бой кавалеріи, онъ производится разумно, съ полною распорядительностью со стороны старшихъ начальниковъ и тогда, когда онъ оправдывался обстоятельствами. Такъ, на примѣръ, на маневрѣ 8-го сентября драгунскій (Литовскій) полкъ стоялъ позади д. Регитень, когда высланные впередъ дозорные донесли, что непріятельская пѣхота (дивизія Конради) быстро двигается къ дефиле у Грибау и что своя пѣхота не въ состояніи поспѣть. Полкъ быстро вынесся впередъ, спѣшился крайне разумно, занялъ дефиле для обороны и огнемъ задержалъ непріятеля до прихода своей пѣхоты. Какъ только пѣхота подошла и обезпечила за собой обладаніе позиціей, тотъ же полкъ сѣлъ на коней и, обскакавъ лѣсъ, спѣшился впереди Барзенинкенъ и способствовалъ анфиладнымъ огнемъ отраженію сильнаго натиска непріятельской пѣхоты на Грибау.

Для атаки кавалеріи часть идетъ сначала рысью и лишь въ 180—280 шагахъ отъ непріятеля переходитъ въ карьеръ.

¹ Нынѣ указанія стараго устава о невозможности для конницы вести продолжительный бой въ пѣшемъ строю, а наступать въ немъ лишь въ исключительныхъ случаяхъ, опущены. Уставъ требуетъ теперь и отъ конницы веденія самаго энергичнаго боя какъ оборонительнаго, такъ и наступательнаго и въ пѣшемъ строю, вплоть до атаки, не смотря па отсутствіе штыковъ, которые съ 1913 г. приданы взаменъ сабель только 7 вновь сформированнымъ кавал. полкамъ. Наступленіе и управленіе огнемъ въ пѣшемъ строю происходятъ на тѣхъ же основаніяхъ, какъ въ пѣхотѣ. Пѣшій резервъ выдѣляется рѣдко, конный — всегда. Эта переменна взглядовъ на веденіе конницей боя въ пѣшемъ строю явилась слѣдствіемъ усиленія ея огневого элемента придачей пулеметовъ и большаго количества орудій. В. А

Артиллерія атакується разсыпною атакою.

Сборъ послѣ атаки производится такъ: отъ эскадрона, преслѣдующая непріятеля, 3-й взводъ собирается къ эскадронному командиру и слѣдуетъ позади цѣпи въ видѣ резерва разсыпной части. По сигналу «сборъ» цѣпь собирается къ 3-му взводу; если же даётся сигналъ «стой», то разсыпные взводы собираются къ срединѣ въ двѣ шеренги, а 3-й взводъ подходитъ къ нимъ. Когда же эскадронный командиръ имѣетъ въ виду собрать свою часть въ томъ направленіи, въ которомъ желаетъ, то онъ подаётъ сигналъ для сбора эскадрона къ нему; тогда люди собираются за нимъ, какъ придется.

То же самое дѣлается въ полку, но роль взвода играетъ здѣсь 3-й эскадронъ.

Въ германской арміи не считается позоромъ (порокомъ?), если кавалерія зарвется и попадетъ подъ огонь. На маневрѣ I корпуса, 6-го сентября, когда вполне опредѣлилось наступленіе I армейскаго корпуса, изъ резерва выдвинуты были два баталіона, которые и открыли огонь по наступающему противнику. Этимъ моментомъ воспользовался 8-й уланскій полкъ; онъ выскочилъ, какъ изъ-подъ земли, и атаковалъ отступающаго противника; затѣмъ, полкъ проскакалъ вдоль лѣса, подъ огнемъ непріятеля, и вовремя свернулся въ колонны. Принцъ Фридрихъ-Карль по поводу этого маневра замѣтилъ, что атака произведена лихо, а это оправдываетъ всякаго кавалерійскаго начальника. На маневрѣ 8-го сентября не, успѣли три головные баталіона наступающаго отряда развернуться на правомъ берегу ручья, какъ наступающая цѣпь была *внезапно* атакована полкомъ №. 8-го уланскимъ, полковника Кучера, съ дистанціи *не болѣе 100 шаговъ*. Полкъ въ полномъ смыслѣ слова выросъ изъ земли. Наслѣдный принцъ, генераль-фельдмаршалъ графъ Мольтке и многіе другіе генералы признали: 1) что рѣшимость полковника Кучера а *degager la retraite* была вполне основательною и 2) что способъ исполненія атаки былъ столь искусный, что пѣхоту слѣдуетъ признать уничтоженною. Наслѣдный принцъ подскочилъ къ мѣсту атаки съ видимымъ увлеченіемъ и сердечною тревогою и сказалъ мнѣ: «Я боялся, что полковникъ Кучеръ ошибся, атаковавъ запросто пѣхоту, но это лучший кавалерійскій офицеръ у меня въ арміи и на этотъ разъ онъ былъ правъ». Дѣйствительно, я видѣлъ, какъ пѣхота даже на маневрахъ, увидавъ полкъ, внезапно, какъ бы испуганно, остановилась; часть цѣпи бросилась впередъ, дабы занять канаву, другая открыла беспорядочный огонь, но не успѣла пѣхота сдѣлать нѣсколько одиночныхъ выстрѣловъ, какъ конница была уже на ней. Пѣхота, приблизительно два баталіона, была опредѣлена схватившимися посредниками уничтоженною.

Здѣсь кстати изложить порядокъ этой атаки: полковникъ Кучеръ, съ адъютантомъ и двумя трубачами, находился при пѣхотѣ, кризисъ наступилъ у Грибау.

Полкъ стоялъ скрыто за Гогенень, а дозорные, отъ эскадрона по восьми, рекогносцировали по всѣмъ направленіямъ мѣстность, обращая преимущественно вниманіе къ сторонѣ, гдѣ стоялъ полковникъ Кучеръ. Когда только обозначилось наступленіе непріятельской пѣхоты черезъ мостъ у Грибау, командиръ уланскаго полка быстро провелъ полкъ, перестроивъ на ходу изъ взводныхъ колоннъ въ одну линію развернутыхъ эскадроновъ, но на стѣсненныхъ интервалахъ, сообразно мѣстности. Готовясь къ атакѣ, полковой командиръ былъ впереди, дивизионеры и эскадронные командиры видимо напряженно слѣдили за его движеніями; два его трубача подскочили и наблюдали гребень высоты, къ которой по противоположному скату подходила непріятельская пѣхота. Полковой командиръ нервно показавъ саблю впередъ, крикнувъ «Vorwärts»; тогда трубачи подали сигналъ къ атакѣ, и полкъ безъ дальнѣйшей команды на полномъ ходу построился и, не ожидая окончанія построенія, массою перешелъ въ карьеръ, причемъ всѣ трубачи трубили атаку.

Отношеніе къ фортификаціонному элементу. На бывшихъ большихъ маневрахъ германскихъ войскъ мнѣ не приходилось видѣть, чтобы кавалерія высылалась для порчи

жельзнихъ дорогъ и телеграфовъ и для обороны деревень съ окапываніемъ спѣшенныхъ частей. На сколько же мнѣ извѣстно, отъ кавалеріи командируются какъ офицеры, такъ и нижніе чины къ піонернымъ баталіонамъ для обученія саперному дѣлу¹.

Отношеніе къ конной артиллеріи. Согласно организациі артиллеріи германскихъ войскъ, конная артиллерія не отдѣляется отъ ѣздящей (пѣшей), составляя вмѣстѣ съ нею одинъ полкъ — корпусной артиллеріи, гдѣ конная артиллерія составляетъ лишь особое отдѣленіе.

Удѣляя ей должное мѣсто при самостоятельныхъ стратегическихъ операціяхъ отдѣльно дѣйствующихъ кавалерійскихъ отрядовъ и предоставляя полную свободу при совокупныхъ дѣйствіяхъ съ другими родами оружія, въ этомъ послѣднемъ случаѣ германцы особенно озабочены тѣмъ, чтобы въ подходящую для артиллерійскаго боя минуту всѣ орудія, въ томъ числѣ и конно-артиллерійскія, приняли участіе въ этомъ грозномъ и часто рѣшающемъ состязаніи. Вотъ почему кавалерія пріучается обходиться безъ конной артиллеріи и мною замѣчено на всѣхъ большихъ маневрахъ, что кавалерія мало обращаетъ на нее вниманія, не дожидается подготовки атаки огнемъ, а быстро закрываетъ ее.

Случалось очень часто видѣть, что конная батарея бросала кавалерію и пристраивалась къ корпусной или дивизионной артиллеріи, дѣйствуя съ ними въ одной лиши огня, какъ пѣшая. Я видѣлъ только одинъ случай удачнаго употребленія конной артиллеріи на маневрахъ 1-го корпуса.

На томъ же маневрѣ, 9-го сентября, гусарскіи и уланскіи полки (бригады генераль-маіора Вальдау — 1-й гусарскіи и 8-й уланскіи) безъ артиллерійской подготовки и закрывъ собою артиллерію, атаковали непріятельскую пѣхоту, которая занимала дер. Шудитень и впереди лежащіе сады. Несмотря на всю несообразность подобнаго рода атаки, на мѣстности, неблагопріятной для кавалеріи, вліятельныя личности въ германской арміи объяснили это необходимостью требовать отъ кавалеріи самыхъ отчаянныхъ предпріятій; они даже совѣтуютъ въ подобныхъ случаяхъ устраивать засѣдки въ улицахъ деревни и заставляютъ ихъ преодолевать подъ огнемъ.

Дивизионная кавалерія. Въ видахъ усиленія сферы дѣятельности кавалеріи, она вводится также въ районъ боевыхъ линій для содѣйствія пѣхотѣ и артиллеріи. Въ составъ дивизионной кавалеріи отдѣляются преимущественно легкіе полки, обыкновенно по одному на пѣхотную дивизию, тогда какъ тяжелые соединяются всего чаще вмѣстѣ, въ тылу боевого порядка, въ видѣ особой резервной кавалеріи для рѣшающихъ дѣйствій. Дивизионная кавалерія располагается, пользуясь мѣстностью, по возможности, ближе къ пѣхотѣ.

На всѣхъ бывшихъ маневрахъ дѣйствія полковъ дивизионной кавалеріи можно было уподобить кошкѣ, караулившей мышъ. Прикрывъ полкъ, командиръ его наблюдаетъ за непріателемъ и его дѣйствіями черезъ дозорныхъ, высланныхъ на линію пѣхоты, и, по условленному сигналу или знаку, полкъ появляется неожиданно, ыростая изъ земли, и лихо бросается на непріятеля, несмотря ни на какія мѣстныя препятствія. Въ такія минуты кавалерія дѣйствуетъ съ крайнею лихостью, совершенно не обращая вниманія на развертываніе частей по уставу, а заботясь лишь массою наскочить на непріятеля и поддерживать другъ друга. Предпримчивость дивизионной кавалеріи поистинѣ изумительная. Въ яачальникахъ ея замѣтна сметка и способность быстро рѣшаться и приводить свои рѣшенія въ исполненіе. Считаю необходимымъ заявить, что роль дивизионной кавалеріи все еще недостаточно установилась въ германской кавалеріи, но, сколько мнѣ извѣстно, уже

¹ Съ развитіемъ нынѣ тенденці германск. кавалеріи къ веденію боя въ пѣшемъ строю, измѣнилось и отношеніе къ фортификаціонному элементу. Спѣшенная конница при оборонѣ не должна пренебрегать устройствомъ легкихъ укрѣпленій — упоровъ для карабиновъ, барри-кадъ и окоповъ. В. А.

поднять вопросъ о необходимости болѣе прочной организаціи ея въ мирное время и регламентаціи ея обязанностей.

Оканчивая на этомъ мои замѣчанія по нѣкоторымъ частнымъ вопросамъ, касающимся германской кавалеріи, считаю необходимымъ заключить этотъ отдѣлъ отчета заявленіемъ, что въ будущую войну германская армія рассчитываетъ основать свой успѣхъ на полной независимости кавалеріи и на силѣ нравственнаго впечатлѣнія отъ неожиданности и рѣшительности ея дѣйствій. Я не имѣлъ случая наблюдать дѣятельность германской кавалеріи на учебныхъ стратегическихъ маневрахъ и потому основываю свои выводы по тому, что видѣлъ на маневрахъ ея совокупно съ другими родами оружія, но и здѣсь, какъ я имѣлъ случай убѣдиться, германцы основываютъ свою силу въ бою на нравственномъ впечатлѣніи отъ дерзкой атаки; они вѣрятъ, что ихъ кавалерійскій ураганъ трудно будетъ выдержать даже самому стойкому противнику; немало также уповаютъ германцы и на сокрушительный рѣшающій ударъ въ полево́мъ бою своей тяжелой кавалеріи. Лихой кавалерійскій духъ развитъ въ германской кавалеріи весьма сильно и заявляетъ себя на каждомъ шагу; мнѣ случалось замѣчать суетливыхъ офицеровъ, бросавшихся въ атаку, не принимая въ расчетъ обстановки и положенія подкрѣпленій; но апатичныхъ кавалеристовъ въ средѣ офицеровъ я не видѣлъ.

В. Артиллерія.

При каждомъ корпусѣ германской артиллеріи имѣется бригада полевой артиллеріи. Бригада состоитъ изъ двухъ полковъ, изъ которыхъ первый составляетъ корпусную артиллерію и дѣлится на три отдѣленія: два ѣздящихъ и одно конное. Каждое отдѣленіе состоитъ изъ трехъ 6-ти-орудійныхъ батарей. Второй полкъ составляетъ дивизионную артиллерію и дѣлится на два отдѣленія изъ четырехъ 6-ти-орудійныхъ батарей каждое. Всего германскій корпусъ имѣетъ: 14 ѣздящихъ батарей 3 конныхъ. Всего 102 орудія¹.

Бригадою командуетъ генераль или полковникъ, полками и отдѣленіями — штабъ-офицеры, а батареями — капитаны. Хорошія стороны этой организаціи слѣдующія:

1) Правильное раздѣленіе батарей: на принадлежащихъ исключительно частямъ войскъ (дивизіямъ—дивизионная артиллерія) и на состоящихъ въ распоряженіи командира корпуса (девять батарей — 54 орудія) для дѣйствія на рѣшительномъ пунктѣ боя; 2) дѣленіе артиллеріи на отдѣленія облегчаетъ управление артиллеріею въ бою и откомандированіе частей корпусной артиллеріи (отдѣленіе) съ оставленіемъ ихъ подъ командою своего постоянного, непосредственнаго начальника; 3) составъ батарей въ шесть орудій дѣлаетъ ихъ болѣе подвижными и облегчаетъ маневрированіе, обученіе и управление ими, и 4) командованіе батареями капитанами (оберъ-офицерами) доставляетъ ту выгоду, что батарею въ отрядѣ удобнѣе подчинить пѣхотному или кавалерійскому начальству; кромѣ того, чинъ штабъ-офицера артиллеріи въ перспективѣ—немаловажный рычагъ для ревниваго исполненія своихъ обязанностей какъ во время мира, такъ и на войнѣ.

Только съ однимъ въ этой артиллеріи трудно примириться, со включеніемъ конныхъ батарей въ составъ корпусной артиллеріи, потому что первое условіе для конной батареи — ея подвижность, и несомнѣнно, что качество это конная артиллерія можетъ

¹ Въ настоящее время германскій корпусъ имѣетъ 160 орудій; изъ нихъ—108 ср. калибра 7, 5 см., образца 1896г., передѣланнаго послѣ 1905 г., 36 легкихъ гаубицъ калибра 10, 5 см, частью образца 1898 г., передѣланнаго въ 1909 г., а частью новаго, и 16 тяжелыхъ гаубицъ 15 см. калибра, образца 1902 г. Тяжелыя гаубицы сведены въ 4-хъ-орудійныя батареи и составляютъ собственно корпусную артиллерію; остальные орудія распределены по дивизіямъ и сведены въ 6-ти-орудійныя батареи: 9 пушечныхъ и 3 гаубичныхъ на дивизию. Артиллерія дивизіи образуетъ бригаду, дѣлящуюся на 2 полка, а эти послѣдніе—на 2 дивизиона. Германск. уставъ не настаиваетъ, однако, на необходимости объединенія артиллеріи въ рамкахъ дивизіи, а признаетъ и „полковую“ артиллерію, рекомендуя спаривать для опредѣленныхъ боевыхъ задачъ пѣхотные бригады и полки съ арт. полками и дивизионами. В. А.

приобрести лучше всего при совместной жизни с кавалерией. Этой причине должно приписать замеченную нами на маневрах малую подвижность конной артиллерии, хотя при сформировании отдельных кавалерийских дивизий к ним прикомандировываются по одной или по две конных батареи от артиллерийского полка. Впрочем, организация имеет и хорошие стороны, облегчая для конной артиллерии достижение более высокого уровня артиллерийского образования, столь необходимого при нынешней материальной части артиллерии и дальноточных нарѣзных орудиях, а в бою—не допуская оставление конных батарей при кавалерийской дивизии в резерв, ибо эти батареи, при вывозе на позицию корпусной артиллерии, должны присоединяться в ней для усиления ее огня. (Сражение при Марс-ла-Тур 1870 г. Маневр I-го армейского корпуса под Кенигсбергом).

Германская артиллерия в бою действует преимущественно сосредоточенным огнем нескольких батарей, при чем, занимая большое протяжение по фронту, она всегда бывает вынуждена стрелять через голову своей пехоты, так как последняя при наступлении проходит через интервалы своей артиллерии.

Первоначальная позиция занимает артиллерию в расстоянии около 1500 саженей от неприятеля¹. Например, на маневр I-го корпуса, 6-го сентября, корпусная артиллерия в начале боя была выдвинута к Штриткейму, т.е. на 2500 метров (1500 саженей). На маневр под Штетиньом, 13-го числа, корпусная артиллерия расположилась на холмах, лежащих на линии Барнинслау—Колбицау, на 1500 метров от неприятеля. Наконец, на корпусном маневре под Страсбургом корпусная артиллерия расположилась к северу от долины Мазапата, всего в 1000 метрах от неприятеля.

Внимательно следя за ходом боя, германская артиллерия самостоятельно перемещает позиции, когда того потребуют обстоятельства, причем старается занять относительно неприятеля фланговое угрожающее его пути отступления положение и обнаружить расположение его резервов. Блистательный пример употребления таким способом артиллерийских масс мы видели на корпусном маневре под Страсбургом: пользуясь местностью и стараясь обезопасить главный натиск своей пехоты на плато к югу от Виверсгейма, корпусная артиллерия (XV корпуса) быстро двигалась через Хуртиггейм, по старой Римской дороге, и заняла позицию в северу от нея, всего в 1400 шагах от неприятельской пехоты, при чем усиленно обстреливала как артиллерию неприятеля, так и его пехоту, огонь которых направлен был исключительно на пространство между Штуценгеймом и Хуртиггеймом, где развертывались 30-я и 31-я пехотные дивизии для окончательного фронтального натиска на трудно доступное Досенгейм—Виверсгеймское плато. Весьма поучительна подвижность германской артиллерии и способность ее быстро появляться, и большею частью совершенно неожиданно, на рѣшающих пунктах поля сражения. Движения эти производятся всегда рысью с посаженною прислугою, при чем офицеры и часть фейерверкеров далеко опережают свои орудия, подобно дозорным в кавалерии, стараются быстрым объездом предположенного поля действия осмыслить расположение неприятеля, ощупать бой вообще и выяснить себе наиболее соответственный способ действия в зависимости от обстановки.

Мы имели случай под Страсбургом следить близко за подобным въездом артиллеристов и были поражены лихостью их и умением схватить обстановку, и когда орудия подходили к боевой позиции, вопрос о соответствующем их употреблении уже был решен и указания старшего начальника переданы были младшим; орудия безотла-

¹ Нынешний устав определяет, что удаление первой артилл. позиции от неприятеля всецело зависит от обстановки; вообще же артиллерия должна стремиться подойти к противнику возможно ближе, открывать огонь не всеми, но достаточными, превосходными силами и по возможности одновременно с началом наступления пехоты. В. А

гательно начали дѣйствовать по опредѣленной цѣли, съ замѣчательнымъ спокойствіемъ и, такъ сказать, разумностью; не замѣтно было ни парадной торопливости, ни неизбежно сопряженной съ нею суетни, ни, наконецъ, безцѣльной пальбы.

Главная цѣль, преслѣдуемая германскою артиллеріею, когда она дѣйствуетъ большими массами, — появиться на полѣ сраженія цѣльнымъ фронтомъ и въ развернутомъ порядкѣ.

Пока возможно, артиллерія двигается въ походной колоннѣ, при чемъ для сокращенія колонны одно орудіе идетъ по дорогѣ и одно или даже два по сторонамъ. Бѣзовые—чрезвычайно ловкіе молодые люди, лошади наѣзжены, привыкли тянуть дружно на всякой мѣстности и видимо втянуты въ продолжительную, тяжелую работу.

Прусская артиллерія воспитана въ убѣжденіи, что отъ степени ея содѣйствія пѣхотѣ и кавалеріи вполнѣ зависитъ рѣшительный успѣхъ въ бою и что, какъ при наступленіи, такъ и при оборонѣ, она обязана поддерживать свою пѣхоту и нести съ нею за одно и до конца всю тяжесть боевого испытанія.

Глубокое уваженіе съумѣла вселить къ себѣ доблестная прусская артиллерія даже врагамъ; впечатлѣніе это не изгладилось и до сего времени. Вотъ отвѣтъ французскаго военнаго агента, графа Семезона, на вопросъ, что болѣе всего его поражаетъ въ прусской арміи: «Послѣ генеральнаго штаба—способность артиллеріи умирать разумно и героически».

Принципы употребленія артиллеріи въ бою вполнѣ выяснились въ Германіи и не составляютъ предмета противорѣчащихъ обсужденій; тамъ признаютъ, что орудіе есть не только могучая машина разрушенія, дѣйствующая на большое разстояніе, но что у боевой артиллеріи должна быть *душа*, что артиллеристъ не машинистъ, а солдатъ, столь же доблестный, какъ пѣхотинецъ и кавалеристъ, а потому онъ обязанъ искать рѣшенія боя въ близкомъ, всегда кровавомъ соприкосновеніи съ непріателемъ¹. Вопросъ заключается не въ томъ: можетъ ли артиллерія, съ значительныхъ разстояній, наносить безопасно для себя вредъ противнику, а въ томъ, не произведетъ-ли она, наступая со своею пѣхотою, еще *большаго нравственнаго* впечатлѣнія какъ на непріателя, такъ и на своихъ.

Въ германской арміи считаютъ аксіомой, что въ современномъ сраженіи слишкомъ рѣдко можно рассчитывать на то, чтобы артиллерія могла достигнуть результатовъ, сколько нибудь рѣшительныхъ, не подвергаясь пѣхотному огню непріателя. Поэтому вторая артиллерійская позиція избирается всегда настолько близко къ атакованной позиціи, чтобы, подъ наиболѣе дѣйствительнымъ прикрытіемъ ея огня, пѣхота могла подойти и занять ближайшую къ непріателю позицію на 300—400 шаговъ, съ которой, послѣ усиленнаго огня, она рѣшается уже броситься въ атаку².

¹ Съ прочнымъ усвоеніемъ нынѣ герман. артиллеріей методовъ закрытой стрѣльбы,—измѣнился и взглядъ на артиллериста. Авторъ статей въ „Рус. Инв.“ — „Боевая подготовка герман. арміи“ приводитъ характерный отзывъ авторитетнаго обозрѣвателя работы герман. артиллеріи на полигонахъ въ журналѣ „Artilleristsche Monatshefte“. „Тотъ автоматизмъ. говоритъ онъ, который требуется отъ работы прислуги батареи, стрѣляющей съ закрытой позиціи, какъ разъ отвѣчаетъ свойствамъ нѣмецкаго характера. Уступая своимъ сосѣдямъ, когда вопросъ сводится къ ручной работѣ, требующей отъ исполнителя проявленія индивидуальности, нѣмецъ оказывается непобѣдимъ въ валовомъ изготовленіи — точно, заботливомъ, дисциплинированномъ исполненіи по указанному образцу, и таковыми произведеніями завоевалъ всемірный рынокъ. Всѣ требованія чисто механической автоматической работы, предъявляемыя къ солдату, какъ разъ отвѣчаютъ духу нѣмецкой націи. Переходъ къ закрытымъ стрѣльбамъ, панорамные прицѣлы и механическое направленіе съ помощью учитываемыхъ панорамой различныхъ поправокъ траекторіи на цѣль, — это какъ разъ то вторженіе въ военное дѣло фабричнаго элемента, въ которомъ нѣмцы сильны. Да здравствуетъ автоматизмъ! такъ заканчиваетъ нѣмецкій артиллеристъ эту характерную мысль“. (Р. И. 1914. № 162). В.А.

² Современный уставъ опредѣляетъ, что перемена позиціи про-изводится артиллеріею лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда съ первой позиціи неязя достаточно дѣствительно обстрѣливать атакуемый участокъ или когда огонь становится опаснымъ для собственныхъ войскъ. Отдѣльныя батареи должны сопровождать

Прусская артиллерія сознаетъ необходимость своимъ присутствіемъ въ передовой линіи пѣхоты въ рѣшительныя минуты боя:

1) придавать большую устойчивость длиннымъ, мало сплоченнымъ линіямъ наступающей пѣхоты; 2) нравственно поддерживать сво-ихъ и подавляющимъ образомъ дѣйствовать на непріятели; 3) быть подъ рукою въ случаѣ успѣха или неудачи, и 4) имѣть возможность до *конца* поддерживать свою пѣхоту¹.

Живя впечатлѣніями минувшей французской войны, прусская артиллерія гордится своею неразрывною связью съ прочими родами оружія. Дѣйствительно: 1) подъ Вейсенбургомъ три батареи 5-го полка подѣхали къ Гейсбергскому замку на 500—800 шаговъ, выдержали бой до конца и могли еще двигаться; 2) подъ Вѣр-томъ корпусная артиллерія 2-го корпуса заняла позицію передъ Эльзасгаузеномъ, причемъ I-я конная батарея выскочила на встрѣчу наступающей французской пѣхотѣ и снялась съ передковъ въ разстояніи отъ нея, всего на 800 шаговъ; 3-я конная и 5-я легкая, того же корпуса, въ кризисъ боя вынеслись передъ Фрешвилеръ, *сильно занятый* еще не разстроенною пѣхотою и артиллеріею французовъ; потери были огромны, батареи не могли двигаться, но за то ихъ геройское самоотверженіе открыло доступъ пѣхотѣ въ Фрешвилеръ²; 3) при Марсъ-ла-Турѣ и Вюневиллѣ прусская артиллерія, наступая съ бригадою Веделя, снялась съ позиціи для движенія впередъ всего въ 1000 шагахъ отъ непріятели; 4) при Гравелотѣ артиллерія германцевъ сходилась съ французами на 1000 и 800 шаговъ; геройское поведеніе четырехъ батарей 7-го корпуса противъ позиціи у Сентъ-Гюбера достойно изученія и внушаетъ глубокое уваженіе; при осмотрѣ поля сраженія съ генера-ломъ Верди-дю-Вернуа мы имѣли возможность оцѣнить тѣ трудности, съ которыми пришлось бороться этой доблестной артиллеріи, и 5) дѣйствіе баварской артиллеріи въ Седанскомъ сраженіи при Баланѣ еще болѣе отчаянное: 3-я батарея 4-го полка снялась съ передковъ всего въ 500 шагахъ отъ непріятели и держалась 3/4 часа.

Вообще, въ германской артиллеріи донельзя активно выражается принципъ выручки своихъ и не забывается, что въ сраженіи всѣ роды оружія, съ полнымъ сознаніемъ необходимости доблестнаго самозабвенія, должны во что бы то ни стало содѣйствовать достиженію одной общей цѣли— побѣды.

Желая выяснитъ взгляды и убѣжденія германской артиллеріи и истекающей изъ нихъ вѣроятный способъ ея дѣйствія, мы старались, при всякомъ разговорѣ съ начальствующими лицами всѣхъ родовъ оружія, коснуться этого вопроса. Наблюденія наши сводятся къ слѣдующему:

*Оборона*³. Въ критическія минуты боя артиллерія должна столь же стойко держаться, какъ и пѣхота. Если послѣ этого орудія не могутъ быть увезены и достанутся непріятелю, то они потеряны съ честью для артиллеріи. Это убѣжденіе должно непремѣнно вселять не только артиллеріи, но и всей арміи⁴. Величайшій позоръ для артиллеріи—не содѣйствовать активно своей пѣхотѣ. Опытъ показалъ, что преждевременное оставленіе артиллеріею позиціи всегда ведетъ къ паникѣ или, по крайней мѣрѣ, дѣйствуетъ потрясающимъ, въ отрицательномъ смыслѣ, образомъ на нервы своей пѣхоты (Алма—1854 г.).

пѣхоту на самыя близкія дистанціи, но должны держаться на значительномъ отъ нея отдаленіи, чтобы пред-ставить опору на случай ея отступленія. В. А.

¹ 13-го августа на Шипкѣ артиллерія прекратила огонь въсамый рѣшительный моментъ боя, и съ-той минуты наша пѣхота начала нести громадныя потери; тоже самое было подъ Плевной 18-го іюля и 30-го августа. М. Д. С

² Подобный же подвигъ совершила наша 5-я батарея 2-й артилле-рійской бригады подъ командою полковника Крживоблоцкаго 30-го августа 1877 г. при взятіи редутовъ подъ Плевною. М. Д. С.

³ Изъ разговоровъ съ генераломъ Верди-дю-Вернуа. М. Д. С.

⁴ За то, мысль о самопожертвованіи пѣхоты для спасенія орудій при отступленіи, по свидѣтельству лицъ, изучавшихъ германскую армію послѣдняго времени, совершенно ей чужда. В. А.

Атака. При наступленіи, германская артиллерія открываетъ огонь съ разстояній отъ 1300 до 1800 саж., но это дальнее обстрѣливаніе имѣетъ значеніе лишь вступленія въ бой и цѣль его заставить противника развернуть головы колоннъ и показать этимъ свое расположеніе.

Дѣйствительность артиллерійскаго огня, при современномъ вооруженіи германской артиллеріи, начинается съ 2000 метровъ¹. Когда пѣхота подходитъ къ атакованной позиціи на 200 метр., то чрезвычайно существенно, чтобы нѣсколько батарей, не смотря на *значительность потерь*, подъѣхали на 1000, 800, 700 метровъ къ непріятелю. Подобная тактика артиллеріи нравственно *шатаетъ непріятеля* и, главное, возвышаетъ духъ нашихъ собственный войскъ, въ тотъ страшный рѣшительный кризисъ, когда *не слѣдуетъ* пренебрегать ничѣмъ, чтобы вырвать побѣду. Въ эти страшныя минуты пѣхота требуетъ поддержки.

Могу свидѣтельствовать, что безъ геройской рѣшительности батареи полковника Крживоблоцкаго, 30-го августа 1877 г., намъ не удалось бы взять двухъ турецкихъ редутовъ. Вообще, слѣдуетъ замѣтить, что артиллерія, принимавшая въ этомъ дѣлѣ участіе, дѣйствовала безусловно доблестно; блистательнымъ доказательствомъ чего служитъ потеря 3-хъ орудій въ редутахъ непріятеля, послѣ отбитія нами *четырехъ* ожесточенныхъ атакъ.

Чувство инициативы должно быть присуще вѣждому артиллерійскому начальнику. Всѣ они должны слѣдить строго за боемъ пѣхоты и быстрымъ аллюромъ слѣдовать за наступающею пѣхотою съ батареею или батареями и вступить въ бой на самой близкой дистанціи.

Артиллерія должна маневрировать совершенно самостоятельно, предоставляя прикрывать себя войскамъ другихъ родовъ оружія.

Подвозка снарядовъ къ батареямъ и пополненіе батарейныхъ зарядныхъ ящиковъ. Германская батарея маневрируетъ безъ зарядныхъ ящиковъ. Тылъ ея во время стрѣльбы состоитъ всего изъ шести запряженныхъ передковъ, стоящихъ относительно орудій въ отступномъ боевомъ порядкѣ. Зарядные ящики батареи вмѣстѣ съ запасными повозками (Vorratswagen) и походною кузницею составляютъ особый эшелонъ, двигающійся отдѣльно. Въ бою и во время стрѣльбы батарей на маневрахъ эшелонъ этотъ дѣлится на двѣ части: I-я изъ 4-хъ зарядныхъ ящиковъ, 2-я изъ 2-хъ зарядныхъ ящиковъ, 3-хъ запасныхъ повозокъ, походной кузницы и запаса людей и лошадей. Первая часть эшелона становится на флангъ батарей, до разстоянія отъ 600 до 1000 шаговъ позади ея. Вторая часть въ 2000 шагахъ за батареею.

Батарея стрѣляетъ сначала зарядами изъ передковъ, затѣмъ, изъ первой части эшелона подъѣзжаютъ два зарядные ящика, а на мѣсто ихъ поступаютъ изъ 2-й части въ I-ю также два зарядные ящика.

По опорожненіи ящиковъ, они прямо отправляются въ паркъ (Munitions-Kolonne), откуда, пополнившись зарядами, поступаютъ въ ту или другую часть эшелона. На обязанности командующаго эшелономъ лежитъ содержать *постоянную связь* между стрѣляющею батареею, эшелономъ и паркомъ².

¹ Т.е. 3000 шаговъ. Необходимо имѣть въ виду при чтеніи всего этого отдѣла отчета, что переходъ къ скорострѣльнымъ пушкамъ, усвоеніе методовъ стрѣльбы съ закрытыхъ позицій и введеніе гаубичныхъ орудій существенно измѣнили тактику дѣйствій артиллеріи всѣхъ армій, конечно, и германской. В. А.

² Въ составъ современной герман. батареи, кромѣ 6 орудій, повозокъ съ наблюдательными приборами и съ запасными частями, также возящими часть снарядовъ, входитъ еще 6 заряд. ящиковъ съ шрапнельными снарядами. Остальные зарядные ящики, числомъ 24, составляютъ принадлежность дивизиона и образуютъ легкую муниціонную колонну, слѣдующую при войскахъ; въ корпусной муниціонной колоннѣ, т.е. въ паркахъ, на каждое орудіе имѣется еще 1 зарядный ящикъ. Всего при войскахъ приходится на пушку 258 снарядовъ, а на легкую гаубицу 167 снарядовъ. Когда орудія и гаубицы становятся на позицію, около нихъ

Въ германской артиллеріи принято за основное правило, что батарея, разстрѣлявшая свои снаряды, остается на позиціи и ожидаетъ подвоза новыхъ снарядовъ.

Г. Инженерныя войска.

Хорошая сторона организаціи инженерныхъ войскъ въ Германіи заключается въ томъ, что каждый корпусъ имѣетъ свой соотвѣтственный піонерный баталіонъ съ двумя мостовыми понтонными парками (легкій и тяжелый)¹. Командиръ баталіона вмѣстѣ съ тѣмъ начальнивь инженеровъ корпуса.

Не входя въ специальное разсмотрѣніе дѣйствій и качества германскихъ инженерныхъ войскъ, можно лишь замѣтить, что инженерные офицеры отличаются узкимъ взглядомъ на свою специальность и слѣпо придерживаются руководствъ для обученія піонерныхъ войскъ, что имѣло, между прочимъ, послѣдствіемъ пробитіе слишкомъ легкихъ блиндажей, устроенныхъ ими на осадныхъ батареяхъ подъ Парижемъ.

На маневрахъ 15-го армейскаго корпуса генераль Верди, пожелавъ укрѣпить позицію, занятую имъ со своею бригадою, обратился за этимъ въ инженерному офицеру.

Мѣстность представляла широкое плато. Всего плато бригада занять не могла, вслѣдствіе чего укрѣпленія нельзя было выдвинуть на переломъ ската, для настильнаго обстрѣливанія его, а приходилось отодвинуть линію ихъ на 400 метровъ отъ перелома. Не смотря на эти указанія, инженерный офицеръ расположилъ укрѣпленія на переломѣ и только послѣ рѣшительнаго приказанія генерала Верди построилъ укрѣпленія на указанномъ ему мѣстѣ. (Въ этомъ спорѣ инженернаго офицера — поддержало его начальство).

выгружаютъ патроны полностью изъ ящичнаго передка (3в—у пушекъ и 24—у гаубиць) и частью или полностью патроны изъ орудійнаго передка и располагаютъ задній ходъ заряднаго ящика (54 — для пушки, 32 — для гаубицы). Такимъ образомъ, около пушки находятся на позиціи до 126 снарядовъ, а около легкой гаубицы—до 82, и въ самое кратчайшее время можетъ быть доставлено еще 132 снаряда на пушку и 85—на гаубицу. Дальнѣйшее питаніе снарядами находится въ зависимости отъ перемѣщенія парковъ, въ которыхъ возится: на пушку 140 снарядовъ, а на легкую гаубицу — 70. Громадный боевой комплектъ имѣетъ тяжелая гаубица — 432 бомбы. Онѣ возятся въ 12 зарядныхъ ящикахъ на каждое орудіе; 2 изъ нихъ входятъ въ составъ гаубичной батареи, 2 — въ составъ легкой муниціонной колонны и 8—въ составъ парковъ (муниціонныхъ колоннъ). В. А.

¹ Въ настоящее время въ составъ корпуса входятъ: піонерный баталіонъ (4 роты), корпусный понтонный паркъ (при каждой дивизіи корпуса—своей мостовой паркъ), корпусное телеграфное отдѣленіе, телефонное отдѣленіе (при дивизіяхъ свои телефонныя отдѣленія), полевое воздухоплавательное отдѣленіе (не всегда) и 1 или 2 искровыхъ станціи (не всегда). В. А.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

1. ИНСТРУКЦІЯ ДЛЯ ОБОРОНИТЕЛЬНАГО БОЯ ПѢХОТЫ (МНѢНІЕ ГЕНЕРАЛЬ-АДЪЮТАНТА СКОБЕЛЕВА).

А. Обязанности старшихъ начальниковъ.

Занявъ позицію для обороны, слѣдуетъ, не теряя ни одной минуты, приступить къ соотвѣтственному ея укрѣпленію. При имѣющемся шанцевомъ инструментѣ (приказъ по 4-му армейскому корпусу № 81), позиція можетъ быть укрѣплена даже въ 1/2 часа. По принятіи рѣшенія, старшій начальникъ обязанъ:

- 1) Указать общую идею оборонительнаго боя.
- 2) Раздѣлить позицію на участки.
- 3) Осмыслить для каждаго начальника отдѣльнаго участка *частные ключи позиціи* и показать *общій тактическій и стратегическій* ключъ.
- 4) Распредѣлить войска на участки и въ резервъ.
- 5) Выяснить частнымъ начальникамъ главную задачу обороны позиціи, въ зависимости отъ вѣроятныхъ атакъ.
- 6) Сообразно съ данными о противникѣ и мѣстностью, указать постепенность въ укрѣпленіи позиціи.

Б. Обязанности частныхъ начальниковъ.

- 1) Распредѣлить войска на своемъ участкѣ позиціи.
- 2) Быстрою рекогносцировкой пути, по второму ожидается противникъ (3000—4000 шаг.), осмыслить вѣроятный способъ наступленія непріятели и опредѣлить тѣ складки и закрытія мѣстности, въ которыхъ непріятельскіе боевыя линіи и резервы, по всей вѣроятности, будутъ искать закрытія.
- 3) Отмѣрить точно дистанціи до вышеозначенныхъ мѣстныхъ предметовъ, употребляя для сего людей тѣхъ частей, которыя назначены для обстрѣливанія даннаго района.
- 4) Осмыслить способъ употребленія навѣснаго огня (1800—3000), противъ вышеозначенныхъ складокъ и закрытій мѣстности.

Мнѣ извѣстно, что опыты навѣсной стрѣльбы, произведенные французскими войсками при Верделѣ, дали поразительные результаты, и французское правительство обратило вниманіе на введеніе въ войскахъ обученія этому роду стрѣльбы. Хотя стрѣльба эта мало практична, требуя заблаговременнаго означенія точекъ прицѣливанія, тѣмъ не менѣе на нее обратали также вниманіе такіе люди, какъ Шерфъ, Верди-дю-Вернуа, Оберницъ и другіе, съ которыми я имѣлъ возможность говорить объ этомъ въ Мецѣ.

Изъ личнаго опыта могу привести, что I-я бригада 16-й пѣхотной дивизіи, лежа въ прикрытіи своей артиллеріи на позиціи на Зеленой горѣ, потеряла отъ навѣсной стрѣльбы, на разстояніи отъ 2400—2800 шаговъ, около 600 человекъ въ теченіе четырехъ часовъ, что произвело весьма сильное впечатлѣніе на передовыя части.

Если созданіе идеальнаго метода стрѣльбы при атакѣ дѣйствительно затруднительно (идеальнымъ здѣсь является быстрое наступленіе и атака въ штыки), то совершенно инымъ представляется дисциплинированіе огня при оборонѣ. Въ этомъ отношеніи пруссаки не выяснили себѣ всѣхъ свойствъ дальнобойнаго вооруженія, встрѣчая противника частымъ огнемъ не далѣе 700—800 метровъ¹. Съ нравственной точки зрѣнія желательно подпускать противника на разстояніе не болѣе 50—100 шаговъ, какъ это дѣлалось

¹ 1100—1200 шаговъ

при оборонѣ въ турецкую кампанію, въ войскахъ, вооруженныхъ ружьемъ Кринка; но, съ другой стороны, крайне нерасчетливо не пользоваться дальнобойнымъ ружьемъ и позволять противнику пройти громадное разстояніе безъ потерь, что, конечно, можетъ возвысить нравственный духъ смѣлаго противника до такой степени, что врядь-ли послѣдній залпъ въ состояніи будетъ разстроить его окончательно. Поэтому выгоднѣе, при оборонѣ, начиная стрѣльбу съ 3, 000 шаговъ, вести ее въ слѣдующемъ порядкѣ:

1) Съ 3000 шаговъ обстрѣливать навѣсно складки и закрытія мѣстности. По подобнаго рода закрытіямъ, до которыхъ разстояніе заранѣе опредѣлено, по сосредоточеніи здѣсь достаточнаго количества непріятельскихъ войскъ, полезно дать нѣскольво залповъ со всего пѣхотнаго участка, по прицѣламъ, захватывающимъ, всю зону закрытія.

2) По противнику, наступающему открыто, до приближенія его на 800 шаговъ, стрѣляютъ лишь лучшіе стрѣлки (1,4 состава).

3) Съ 800 шаговъ до омончательнаго сближенія съ непріятелемъ, или до того, пока онъ не станетъ колебаться, стрѣляютъ залпами всею пѣхотою, занимающею передовую линію позиціи.

4) Если непріятель поколебался—открыть немедленно бѣглый отонъ по немъ тоже всею массою пѣхоты, и тѣмъ довершить его пораженіе.

Если непріятель пойдетъ далѣе, то встрѣтитъ его штыками въ траншеяхъ и, отбивши, преслѣдовать огнемъ.

Наступающія войска колеблются и останавливаются оттого, что, понеся слишкомъ большія потери, они нравственно потрясены. Открытіе огня въ этомъ моментѣ, когда сердце у противника упало, даже на маневрахъ производитъ глубокое впечатлѣніе. Поэтому къ такому управленію огнемъ слѣдовало бы постоянно приучать нашу пѣхоту, а равно къ производству наступленія разомкнутымъ развернутымъ, строемъ. Подобный строй болѣе всего подходитъ къ духу нашихъ войскъ.

Все это, однако, я не считаю непремѣнными условіями побѣды, ибо на войнѣ главное — нравственная сторона: въ сраженіи при Пено-ди-Муро, 8-го іюля 1874 г., 22 баталіона карлистовъ при 16-ти гладкихъ орудіяхъ. Изъ траншей ближайшимъ огнемъ отбили натискъ трехъ дивизій (генераловъ Эчлуе, Ля-сарра и Кончи) лучшей испанской пѣхоты, поддержанной огнемъ 150 Крупповскихъ орудій.

І.І. ПРИКАЗЪ КОМАНДИРА 1-ГО ГЕРМАНСКАГО АРМЕЙСКАГО КОРПУСА ГЕНЕРАЛА БАРНЕКОВА, № 5609¹.

Окончивъ въ настоящее время мои осенніе инспекторскіе смотры, я вынужденъ сдѣлать слѣдующія замѣчанія:

1) Я нашель вообще во всѣхъ частяхъ войскъ какъ въ пѣхотѣ, такъ и въ кавалеріи, хорошую и правильную дисциплину обученія. На это обращаю особенное вниманіе. Меня поразили лишь отдѣльные случаи безпокойства, отдача ненужныхъ директивъ тамъ, гдѣ было достаточно короткихъ приказаній; на мѣстѣ мною сдѣланы, по этому поводу, соотвѣтствующія замѣчанія.

2) Предписываю выносить знамена на смотрахъ баталіоновъ. Каждый солдатъ по этимъ наружнымъ знакамъ долженъ знать, что день смотра совсѣмъ иной день, чѣмъ другіе.

3) Расположеніе для парада и церемоніальный маршъ были почти вездѣ хороши, только въ одномъ баталіонѣ стойка людей не была удовлетворительна.

Рекомендую гг. начальникамъ обращать болѣе вниманія на вещи, которыя кажутся маловажными, однако же обозначаютъ, что въ частяхъ есть порядокъ, а именно:

¹ Переводъ съ нѣмецкаго. Кенигсбергъ. 30-го іюля 1879 г. *М. Д. С.*

1) Равномѣрное распредѣленіе за фронтомъ унтеръ-офицеровъ какъ при расположеніи для парада, такъ и при церемоніальномъ маршѣ.

2) Строгое наблюденіе, чтобы замыкающіе г. офицеры занимали, согласно уставу, соотвѣтственныя имъ мѣста за взводами. Если окажется лишь одинъ замыкающій офицеръ, то онъ становится за 8-мъ взводомъ. Дистанцію при церемоніальномъ маршѣ я опредѣлилъ разъ навсегда въ 20 шаговъ, отъ первой до первой шеренги, какъ при церемоніальномъ маршѣ повзводно, такъ и поротно. Дистанціи эти необходимо точно соблюдать; г. офицерамъ необходимо обратить больше вниманія, дабы они находились въ уставомъ опредѣленныхъ дистанціяхъ передъ взводами и ротами. Хоръ музыки также долженъ имѣть настоящую дистанцію и пройти послѣ захожденія съ бодростью и въ правильномъ направленіи. Неоднократно я замѣчалъ, что правофланговые унтеръ-офицеры, какъ въ пѣхотѣ, такъ и въ кавалеріи, нѣ держатся строго линіи жалонеровъ. На это необходимо въ особенности обращать вниманіе при сборѣ большихъ такти-ческихъ единицъ. Пѣхота должна также, при случаѣ, обучаться церемоніальному маршу бѣгомъ.

3) Воспреещаю обозначеніе ноги посредствомъ булавы баталіоннаго тамбуръ-мажора, когда барабанщики нѣ бьютъ.

4) Предписываю, чтобы при осмотрѣ баталіоновъ, на случай надобности, всегда имѣлись холостые патроны.

5) Я долженъ былъ сдѣлать замѣчаніе въ одномъ пѣхотномъ полку относительно качества одежды. Если часть осматривается своимъ командующимъ генераломъ, то она должна стараться представиться въ самомъ лучшемъ видѣ.

6) Что касается пѣхотнаго боя, то здѣсь я нашелъ много разнообразія. Я неоднократно дѣлалъ замѣчанія, что стрѣльба начинается на слишкомъ большія дистанціи и перебѣжки цѣли дѣлаются слишкомъ рано. Движеніе перебѣжками, согласно 102 § устава, должно начинаться лишь въ 500 шагахъ отъ непріятели. Въ большинствѣ случаевъ я убѣдился, что вина въ слишкомъ рано начинаемыхъ перебѣжкахъ зависитъ отъ невѣрно опредѣленнаго разстоянія. Командиры баталіоновъ и ротъ ошибались при опредѣленіи разстоянія болѣе, чѣмъ на 200 метровъ (300 шаговъ). Я прошу г. командировъ постараться исправить эти ошибки; отъ вѣрнаго опредѣленія разстояній зависитъ правильное употребленіе силы огня.

7) § 102 устава опредѣляетъ, что при наступленіи перебѣжками необходимо пробѣжать сразу разстояніе около 80-ти шаговъ; я видѣлъ перебѣжки въ 800 шаговъ. Послѣ столь длинной перебѣжки люди устаютъ и не могутъ производить правильно стрѣльбу.

8) Открытіе огня слишкомъ рано я отношу къ невѣрному толкованію инструкціи стрѣльбы.

§ 76 инструкціи стрѣльбы говоритъ, что до 1050 шаговъ можно съ успѣхомъ обстрѣвливать всякія цѣли и только за тою дистанціею такія цѣли, которыя имѣютъ большіе размѣры какъ въ глубину, такъ и въ ширину. На стр. 69 той же инструкціи указывается на то, что если разстояніе неизвѣстно, то одиночный огонь не слѣдуетъ открывать далѣе 675 шаговъ. Изъ этого (слѣдуетъ, что на разстояніе отъ 750—1050 шаговъ слѣдуетъ стрѣлять залпами. Но такъ какъ § 37 устава опредѣляетъ, что этотъ родъ стрѣльбы есть исключительный, то изъ этого слѣдуетъ, что стрѣляющіе должны лишь тогда стрѣлять на эти разстоянія, если имѣются особыя цѣли, и тогда начальникъ части долженъ самъ лично это приказать. Не отрицая вовсе огонь стрѣлковой цѣпи на разстояніе болѣе 1050 (750 метровъ), я полагалъ бы ограничить его лишь исключительными случаями. Я требую пробѣжать разстояніе до 1500 шаговъ отъ противника съ возможною скоростью. Если мы приучимъ нашихъ солдатъ къ слишкомъ продолжительному стрѣлковому бою, то нерѣшительные люди могли бы имѣть предлогъ искать рѣшенія боя на этихъ дистанціяхъ.

9) Когда стрѣлковая цѣпь подошла перебѣжками на разстояніе до 150 метровъ (250 шаговъ) къ непріятелю, то начальникъ долженъ былъ уже выяснитъ себѣ; способъ его атаки. На 150 метрахъ разстоянія нельзя долго заниматься стрѣльбою. Если непріятель слабъ, то стрѣлковая цѣпь атакуетъ его въ разсыпную. Если же начальникъ не считаетъ цѣпь достаточно сильною для того, чтобы сломить сопротивление непріятели, то необходимо, послѣ влитія въ нее развернутыхъ ротныхъ колоннъ I-й линіи, перейти къ атаке штыкомъ, при семъ стрѣлки сопровождаютъ сомкнутыя части по флангамъ и находятся въ ихъ интервалахъ, а отнюдь не выбѣгаютъ впередъ. Съ барабаннымъ боемъ все загѣмъ должно ворваться въ непріятельскую позицію. Въ это время вторая линія должна подойти на такое разстояніе (на наименьшую дистанцію между линіями), чтобы быть въ остояніи дать толчокъ первой линіи, принять ее на себя или вмѣстѣ съ ней побороть стойкаго непріятели новымъ переходомъ въ наступленіе.

10) Послѣ отбитой атаки *колонны отступаютъ твер-дымъ шагомъ*; стрѣлки въ возможно меньшемъ разстояніи отъ непріятели поворачиваются къ нему фронтомъ и открываютъ огонь. Этимъ они выигрываютъ уставомъ предписанное разстояніе отъ своихъ колоннъ.

11) Огонь стрѣлковой цѣпи во время движенія уставъ ограничиваетъ случаями поддержки атаки штыкомъ и отступленія, для удерживанія противника. Во всѣхъ другихъ положеніяхъ необходимо избѣгать огня цѣпи, находящейся въ движеніи (§ 37 устава).

12) Я нашель, что употребленіе свистка производится слишкомъ часто. Уставъ въ § 102 говоритъ, что офицерамъ позволяется употреблять свистокъ, дабы въ нѣкоторые моменты боя обратить на себя вниманіе стрѣлковъ; что же касается употребленія свистка командирами баталіоновъ, дабы обратить на себя вниманіе командировъ ротъ, объ этомъ уставъ не говоритъ, поэтому я его запрещаю.

13) Въ нѣкоторыхъ баталіонахъ я замѣтилъ, что стрѣлки никогда не становятся на колѣни; расположеніе стрѣлковъ на колѣняхъ, независимо отъ мѣстности, даже въ открытомъ полѣ указывается съ цѣлью уменьшенія вѣроятности попаданія. Уставъ допускаетъ становиться на колѣни или ложиться не только стрѣлкамъ, но и поддержкамъ (§§ 87, 99, 104 и 116).

14) Въ стрѣлковой цѣпи приказанія отдаются иногда черезчуръ громко; это производитъ безпокойство; приказанія слѣдуетъ отдавать коротко и не громче того, сколько нужно, чтобы они были услышаны.

15) По временамъ я не видѣлъ боевыхъ патрулей; они необходимы при длинной линіи стрѣлковъ, которыхъ фланги не прикрыты (§ 100 устава).

16) Слишкомъ большое распространеніе по фронту баталіона, находящагося въ бою, уменьшаетъ лишь его боевую силу. Отдѣльно дѣйствующіе баталіоны могутъ быть принуждены распространяться по фронту, вслѣдствіе того, что непріятель, желая его атаковать съ фронта, тревожитъ флангъ, или обратно, занимая съ фронта, имѣетъ намѣреніе атаковать съ фланга. Баталіоны, дѣйствующіе въ составѣ большихъ силъ, не должны занимать болѣе протяженіе по фронту, какъ по уставу опредѣлено для развернутаго баталіона. Изъ этого слѣдуетъ, что баталіонъ, дѣйствующій въ составѣ большихъ силъ, имѣя всѣ 4 роты въ одну линію, не долженъ ихъ разсыпать цѣликомъ, иначе не хватитъ мѣста для свободнаго движенія стрѣлковъ. Баталіонъ занимаетъ по фронту протяженіе 8-ми взводовъ, а не 12 взводовъ, изъ которыхъ состоитъ баталіонъ боевой организациі. Въ такихъ случаяхъ будетъ совершенно достаточно рассыпать отъ каждой роты лишь одинъ взводъ, а при необходимости, отъ нѣкоторыхъ ротъ и второй; одинъ взводъ на роту долженъ воегда оставаться сомкнутымъ. При построеніи баталіона въ двѣ линіи ротныхъ колоннъ достаточно будетъ рассыпать по два взвода отъ ротъ первой линіи, третій взводъ можетъ быть посланъ въ цѣпь лишь въ исключительныхъ случаяхъ.

17) Мнѣ не понравилось, что баталіонные командиры слиш-комъ стѣсняють дѣйствія ротныхъ командировъ. Если баталіонный командиръ правильно воспиталь своихъ ротныхъ командировъ, то они его всегда поймутъ, если онъ имъ поставилъ цѣль; средства же для достиженія ея онъ долженъ имъ пред-оставить вполнѣ. Кто много командуетъ, того чаще всего не понимаютъ; такъ что если баталіонный командиръ воспиталь своихъ ротныхъ командировъ для самостоятельнаго мышленія и дѣйствія, то и явится обоюдное пониманіе. Этого взаимнаго пониманія другъ друга я очень часто не замѣчалъ.

18) Кромѣ небольшихъ ошибокъ въ расположеніи для парада и при церемониальномъ маршѣ, кромѣ галопированія лошадей на шагу и на рыси (даже одинъ эскадронный командиръ прошелъ мимо меня галопомъ), относительно осмотрѣнныхъ мною эскадроновъ, я могу отозваться съ признательностью: почти вездѣ мною найдены вѣрные уставные темпы и хорошее одиночное обученіе.

19) Ученіе эскадроновъ меня вполнѣ удовлетворило, за исключеніемъ одного эскадрона; въ немъ я не видѣлъ правильнаго и быстрого взятія направленій, атака производилась имъ вяло; вторая шеренга находилась въ слишвомъ большомъ разстояніи отъ первой. Меня вообще удовлетворило перескакиваніе черезъ препятствія. Я предлагаю уланскимъ полкамъ обратить больше вниманія на дѣйствіе оружіемъ.

20) Я также не нашель у эскадронныхъ командировъ правильнаго и быстрого пониманія тѣхъ немногосложныхъ боевыхъ задачъ, которыя я имъ предложилъ. Случалось часто, что когда приказываль атаковать правый флангъ, атаковали лѣвый.

21) Я желалъ въ особенности отмѣтить, что въ тѣхъ двухъ кавалерійскихъ полкахъ, гдѣ я смотрѣлъ стрѣльбу, мною замѣчено, что на стрѣльбу обращается болѣе и болѣе вниманія. Это доказываетъ, что пониманіе важности этого предмета возрастаетъ.

III. МНѢНІЕ ГЕНЕРАЛА ВЕРДИ-ДЮ-ВЕРНУА¹ О БОѢ ПѢХОТЫ И ОГНѢ ЕЯ ПРИ НАСТУПЛЕНІИ.

1) О дисциплинѣ огня.

Въ бою управленіе огнемъ, пожалуй, не существуетъ. Все, что находится въ цѣпи, ищетъ закрытія. Офицеръ въ состояніи управлять огнемъ лишь ближайшихъ людей; онъ старается удержать огонь въ своей власти и даетъ собою примѣръ для дальнѣйшаго наступленія. Управляя ближайшими людьми, онъ дѣлается направляющимъ звеномъ для другихъ, насколько они храбры и склонны послѣдовать примѣру своихъ товарищей.

Только внѣ сильнаго огня можно управлять огнемъ командою или сигналомъ, но и то затруднительно, если цѣпь слишкомъ густая.

2) О ближнемъ огнѣ при атакѣ.

При атакѣ послѣдняя стрѣлковая позиція наступающаго должна быть, по возможности, ближе къ непріятелю. Стрѣлковый набѣгъ (атака) на 400—300 метровъ (600—450 ш.) трудно исполнимъ. Для этого необходимо постараться подойти на 200—150 метровъ (300—225 шаг.). Обыкновенно, на 300 метровъ (450 шаг.) огневой бой будетъ черезъ нѣкоторое время имѣть рѣшающее вліяніе, если войска прошли основательно курсъ стрѣльбы. На этомъ разстояніи слѣдуетъ усилить цѣпь до крайняго предѣла.

3) О дистанціяхъ между боевыми линіями.

Первыя поддержки необходимо держать (если мѣстность позволяетъ) поближе къ цѣпи стрѣлковъ.

¹ Верди-дю-Вернуа, Юлій, прусскій генераль-отъ-инфантеріи, выдающійся военный писатель (1832—1910 г.), съ 1889 по 1891 г. занималь постъ прусскаго военнаго министра.

Если мѣстность не позволяет, то онѣ должны слѣдовать, при большомъ еще удаленіи отъ противника, на разстояніи отъ 200 до 400¹ метровъ. При сближеніи съ противникомъ, поддержки должны быть въ такомъ разстояніи отъ цѣпи, въ какомъ цѣпь отъ противника.

Подкрѣпленія идутъ въ цѣпь въ разомкнутомъ порядкѣ. Слѣдуетъ обязательно взвѣсить: не лучше-ли, вмѣсто усиленія цѣпи, выдвигать новыя части для фланкированія ея, если мѣстность это позволить.

Что касается разстояній между линіями, то оно зависитъ отъ мѣстности; вообще же, чѣмъ ближе, тѣмъ лучше. На открытой мѣстности разстояніе частныхъ поддержекъ цѣпи (soutiens), взводовъ, полувзводовъ—200 метр. (300 ш.).

Для того, чтобы не имѣть большихъ потерь, лучшее средство принять соответственный мѣстности боевой порядокъ (развернутый строй, малыя колонны), а также полезно измѣнять боевой порядокъ.

Вслѣдствіе сліянія поддержекъ и передовыхъ частей, а также 1- 8 линіи съ цѣпью, заднія боевыя линіи сближаются.

Признавая справедливость вышеприведеннаго мнѣнія генерала Верди-дю-Вернуа о трудности управленія огнемъ при атакѣ, я не могу, однако, согласиться съ нимъ относительно остановки цѣпи на 300—400 шаг. и открытія ею огня. Если противникъ открытъ, то есть еще нѣкоторая вѣроятность на успѣхъ, если же онъ окопанъ, то атакующія войска будутъ разстрѣляны. Мнѣніе генерала Верди-дю-Веряуа основывается на пренебреженіи германскими войсками фортификаціоннаго элемента, что и видно было на всѣхъ маневрахъ.

IV. МНѢНІЕ ГЕНЕРАЛА ВЕРДИ-ДЮ-ВЕРНУА О МАНЕВРАХЪ.

1) Изъ большихъ маневровъ я вынесъ убѣжденіе, что они мало приносятъ пользы, ибо не приучаютъ начальниковъ выжидать maximum'a дѣйствительности огня и не даютъ понятія о тѣхъ перерывахъ (Pausen), которые наступаютъ въ дѣйствительномъ бою. Также недостатокъ времени лишаетъ возможности' приучать начальниковъ выбирать дѣйствительные моменты для атаки. Напр., бригада не должна идти впередъ на штурмъ позиціи мѣстности открытой, пока артиллерія наступающаго не только въ значительной степени не потрясла артиллерію обороняющаго, но и имѣла время достаточно долго дѣйствовать и противъ пѣхотныхъ массъ обороняющагося. Генераль Верди совѣтуетъ остерегаться дѣйствія сосредоточенной артиллеріи противъ наступающихъ пѣхотныхъ массъ и вспоминаетъ нѣсколько случаевъ, когда французская пѣхота, наступавшая съ большою храбростью, была отражаема псключительно огнемъ артиллеріи. О нашей артиллеріи отзывался съ неуваженіемъ.

Не признаетъ удовлетворительнымъ наступленіе въ ротныхъ колоннахъ и предпочитаетъ наступленіе густыми цѣпями въ нѣсколько линій (?).

Полагаетъ, главное, при одностороннихъ маневрахъ противъ обозначеннаго непріятели обучать офицеровъ внимательному знакомству съ дѣйствительною боевою обстановкою. Для большей поучительности въ одинъ день ограничиваться разборомъ и исполненіемъ одного какого-либо акта боя, напр., атаки лѣса, деревни, извѣстной высоты, причемъ необходимо не торопиться и придавать всему маневру характеръ лекціи для начальниковъ. Въ различные моменты выводитъ изъ строя вѣроятныя потери людьми и орудіями. Наконецъ, *мѣшатъ* части различныхъ ротъ, баталіоновъ и даже полковъ, заставляя офицеровъ тутъ же дѣлать расчетъ людямъ всякихъ частей и создавать *новыя*

¹ 300— 600 шаговъ.

части, какъ то непрерывно приходится дѣлать въ горячемъ бою. (Ночь 30-го—31-го августа .1877 г.).

У. ПРИКАЗЪ ГЕН. - ЛЕЙТ. СКОБЕЛЕВА ПО 16-Й ПѢХОТНОЙ ДИВИЗИИ (21 ДЕКАБРЯ 1877 Г., Г. ГАБРОВО).

Начальникамъ всѣхъ частей не забывать до боя, кто ихъ долженъ замѣнить въ случаѣ убыли. Начальникъ части обязанъ выяснитъ г.г. офицерамъ и фельдфебелямъ смыслъ того, что ему приказано по диспозиціи дѣлать. (Напомнитъ о приказѣ моемъ за № 394). Предваряю всѣхъ, что, въ случаѣ боя, под-держка будетъ, но смѣны никогда. Кто попадетъ въ боевую линію, остается въ ней, пока дѣло не будетъ сдѣлано, а потому хорошему солдату совѣую беречь патроны. Какъ бы тяжело ни приходилось, не унывать. Совѣтую офицерамъ самимъ это постоянно помнить и людей подбадривать, чтобъ и они этого не забывали.

Штабъ-офицерамъ въ сильномъ огнѣ предлагаю спѣшиваться.

Забирать патроны съ убитыхъ и раненыхъ. Выносъ раненыхъ возложенъ на санитаровъ, слѣдовательно нивто для этого, или для чего другого, рядовъ оставлять не долженъ; офицеры должны за этимъ наблюдать.

Помнить, что сигналы наши могутъ быть подаваемы непріателемъ, а потому начальникамъ воздерживаться отъ употребленія ихъ, а работать словесными приказаніями; сверхъ того, отбоя и отступленія никогда не подавать и предупредить людей, что это обманъ со стороны непріателя. Еще разъ напоминаю: не забывать объявлять передъ дѣломъ, что собираемся дѣлать; всякій солдатъ долженъ знать, куда и зачѣмъ онъ идетъ; тогда, если начальники и будутъ убиты, смыслъ дѣла не потеряется.

Если начальники будутъ въ бою выведены изъ строя, убѣдительно прошу молодыхъ 16-й дивизіи еще съ большимъ упорствомъ идти впередъ и бить врага.

УІ. ЗАМѢТКИ СКОБЕЛЕВА НА КНИГЪ ЛУИ ТИВАЛЯ — „ЗНАЧЕНІЕ МѢСТНЫХЪ ПРЕДМЕТОВЪ НА ВОЙНѢ“.

Тиваль:

Въ 1866 г. австрійцы, вслѣдствіе своей неудовлетворительной организаціи и неподготовки къ войнѣ, должны были съ самаго начала прибѣгнуть къ стратегической оборонѣ. (*Какъ намъ пора этого бояться! (16-го сентября 1881 г.)*.)

Садовая (3-го іюля 1866 г.). На сѣверную овраину Хлума, ключа позиціи, и Неделица не было обращено вниманія и дома на окраинахъ не приспособлены къ оборонѣ. Успѣху атаки пруссаковъ много способствовала и исключительно пассивная оборона австрійцевъ. (*Опять бездѣятельность крайняя передъ боемъ. Альма.*)

Кустоцпа (1866 г.). Принцъ Амедей лично повелъ одинъ батальонъ итальянцевъ противъ фермы Кавальчина, занятой австріяцами, и былъ пораженъ пулею въ грудь...

Въ общей характеристикѣ франкогерманской войны (1870—71 г.) Скобелевъ подчеркиваетъ выраженіе, что во Франціи нація, имѣвшая армію, должна была бороться противъ вооруженной націи (*une nation armee contre une nation qui a une armee*).

Вейсенбургъ (4-го авг. 1870). Замокъ Гейсбергъ упорно оборонялся 200 ч. французовъ. Германцы потеряли на штурмѣ 23 офицера и 329 солдатъ. (*Эти цифры по нѣмецкимъ источникамъ опровергаются — только до 200 чел. потери; но и то хорошо.*)

С.-Прива (18-го августа 1870). У маршала Канробера, блистательно оборонявшаго правый флангъ позиціи Базена, не было саперныхъ инструментовъ; инженерный паркъ его корпуса оставался въ Шалонѣ. (*Плевна!*)

Науссевиль (31-го августа—1-го сентября 1870). Въ этомъ дѣлѣ тактика пруссаковъ характеризуется массивованьемъ артиллеріи и активной обороны селеній. *(Это главное на предстоящихъ маневрахъ 4-го корпуса).*

Базейль (1-го сентября). Ферма Мондусэ, предварительно зажженная баварской батареей, попала въ руки германцевъ. *(Вспомнить 29-е декабря подъ Геокъ-Тепе (взятіе Великокняжеской позиціи послѣ часовой бомбардировки).*

Кульме (9-го ноября 1870 г.). Луарскій корпусъ Ореля де-Паладинъ разбилъ здѣсь баварцевъ подъ начальствомъ ген. фонъ-деръ-Танна. Дѣло было выиграно благодаря широкой артиллерійской подготовкѣ. *(Ловча).*

Баварцевъ было 25 тысячъ при 130 орудіяхъ на укрѣпленной позиціи. Французы (45 т. ч., 140 орудій) двинулись въ атаку послѣ продолжительнаго обстрѣливанія селеній; пѣхота дѣйствовала охватомъ Бонъ-ла-Роландъ (28-го ноября 1870 г.). *(Это необходимо внушить корпусу на предстоящихъ маневрахъ).*

Въ этомъ дѣлѣ сел. Жюранвиль было взято атакой уланскаго эскадрона. Такое употребленіе кавалеріи всегда производитъ впечатлѣніе на защитниковъ селенія, если оно не приспособлено къ оборонѣ. Шевильи (30-го сентября 1870 г. подъ Парижемъ). Атака селенія французами не была подготовлена, артиллеріей, а вслѣдствіе отсутствія саперныхъ инструментовъ нельзя было продѣлать проходы въ стѣнкахъ, чтобы обойти общій редюитъ. Бурже (подъ Парижемъ). 30-го октября германцы выбили французовъ изъ Бурже и сильно его укрѣпили. Французы только 21-го декабря пытались вновь овладѣть этимъ селеніемъ; такимъ образомъ германцы имѣли очень много времени для приведенія селенія въ оборонительное состояніе. Кромѣ окраины были устроены 2 внутреннія линіи. *(Эти причины какъ бы горячо ни было въ бою, не забываютъ! 30-го августа 1877 года (3-я Плевна). Всего было построено: 500 метровъ барикадъ, 900—засѣкъ, 600—траншей съ проволочными сѣтями, 750 — блиндированныхъ ходовъ сообщеній и проч. (Это на примѣръ при-близительно показать войскамъ корпуса).*

21-го декабря артиллерійская подготовка была неудовлетворительна. Снаряды съ трудомъ разрушали толстую и прочную «Бѣлую стѣну». *(На это надо быть готовымъ съ полевою артиллеріей).*

Шампиньи (2-го и 3-го декабря 1870 г.; подъ Парижемъ). Виртембергцамъ удалось прорваться въ нижнюю часть парка, расположеннаго на скатѣ, разбивъ тяжелую рѣшетку. *(Значитъ, въ Европѣ надо имѣть чѣмъ разбивать— надо подумать.)*

Въ томъ же дѣлѣ при атакѣ такъ называемаго «Зеленаго дома» нѣмецкіе офицеры, по свидѣтельству Дюкро, принуждены были бить своихъ солдатъ, чтобы заставить ихъ становиться къ бойницамъ и стрѣлять. *(Это часто нужно дѣлать, — молодцы офицеры!)*

Бюзанваль (18-го января 1871 г.; подъ Парижемъ). При атакѣ одной изъ стѣнъ парка команда саперъ пыталась подъ сильнымъ огнемъ устроить въ ней проломъ съ помощью динамита. *(Выяснить важное значеніе имѣть при себѣ динамитъ въ первой линіи.)*

Въ общихъ взглядахъ на оборону селеній подъ Парижемъ, Тиваль указываетъ на то, что германцы легко уступали окраину, развивая наибольшее сопротивленіе сзади послѣдней, во второй оборонительной линіи. *(Редуты подъ Ловчей)*

Виллерсексель (9-го января 1871 г.; близъ Бельфора). Пруссаки подожгли одинъ изъ домовъ, съ цѣлью изгнанія оттуда защитниковъ. Французы погибли подъ дымящимися развалинами. Такимъ образомъ, пруссаки не остановились даже передъ поджогомъ! *(Какъ не стыдно такой вздоръ писать! Въ зубы что ли смотрѣть? Ничего не жаль—не только зданія, но все, только давай побѣду!! Вотъ вздоръ. То же было въ Беурмъ: что же изъ того слѣдуетъ?).*

(Систово, 15-го іюня 1877 года. Самъ видѣлъ)

IV.

Скобелевъ вернулся съ германскихъ маневровъ въ глубокомъ убѣжденіи, что столкновение наше съ нѣмцами близко. Съ большимъ волненіемъ, «какъ тигръ бродя изъ угла въ уголъ» по своему кабинету, онъ рассказывалъ В. В. Верещагину о прощальной аудіенціи, данной ему послѣ маневровъ императоромъ Вильгельмомъ I-мъ. Вотъ какъ передаетъ его рассказъ Верещагинъ:

— Его германское величество сидѣлъ, подбоченившись, на конѣ... Отъ него въ обѣ стороны тупымъ угломъ стояла безконечная свита изъ нѣмецкихъ офицеровъ всѣхъ ранговъ и военныхъ агентовъ всѣхъ государствъ. Когда Скобелевъ выѣхалъ впередъ, чтобы откланяться, императоръ Вильгельмъ сказалъ ему:

„Vous venez de m'examiner justqu'aux mes boyaux. Vous venez de voir deux corps, mais dites a Sa Majeste, que lous les quinz sauront au besoin faire leurs devoir aussi bien que ces deux la...¹.

А принцъ Фридрихъ-Карль², на правахъ лихого кавалериста считавшій возможнымъ говорить то, о чемъ дипломаты умалчивали, дружески ударилъ Скобелева по плечу и вы-палилъ: „Lieber Freund ! macht was ihr wolt — Oestereich muss nach Saloniki gehen...“³.

Все это, сказанное въ присутствіи множества иностранныхъ офицеровъ, и по обстановкѣ, и по тону и по смыслу словъ носило характеръ военно-политической демонстраціи, явно враждебной и угрожающей Россіи. Скобелевъ такъ это и понялъ.

— Такъ такъ-то! — закончилъ онъ свой рассказъ Верещагину, бѣшено шагая по своей клѣтушкѣ-кабинету, — такъ это значить уже рѣшенное дѣло, что австрійцы возьмутъ Салоники!.. Они будутъ дѣйствовать, а мы будемъ смотрѣть?.. Нѣтъ, врешь! Мы этого не допустимъ!.. Свой впечатлѣнія отъ Германіи онъ резюмировалъ тогда же такъ:

— Путь въ Константинополь долженъ быть избранъ не только черезъ Вѣну, но и черезъ Берлинъ.

О настроеніи, въ которомъ жилъ въ то время Скобелевъ, можно судить по слѣдующему разговору его съ г. И. Воропаемъ⁴.

— Знаете ли, что такое война?—какъ-то вечеромъ обратился Скобелевъ къ нему съ вопросомъ и, не ожидая отвѣта, сталъ говорить самъ. — Это такое несчастіе, такое бѣдствіе, что желать ее—величайшій грѣхъ, и, напротивъ, ее надо избѣгать всевозможными способами. Сохрани и меня Богъ отъ войны съ кѣмъ бы то ни было; но чтобы подраться съ нѣмцами, — готовъ отдать десять лѣтъ жизни.

— Да вы за что же взѣлись такъ на нихъ? спросилъ его собесѣдникъ.

— Худой народъ, батенька, худой! Для того, чтобы имъ было хорошо, никого не пожалѣютъ, а Россію ненавидятъ, потому что боятся, да и мѣшаетъ она имъ много. Рано или поздно надѣлаютъ они намъ хлопотъ. Намъ вѣдь отъ нихъ ничего не надо, а имъ давно хочется отхватить отъ насъ Остзейскія губерніи, да Польшу. Но только трудно ожи-

¹ „Вы меня проэкзаменовали до моихъ внутренностей. Вы видѣли два корпуса, но скажите Его Величеству, что всѣ пятнадцать сумѣютъ въ случаѣ надобности исполнить свой долгъ такъ же хорошо, какъ эти два“.

² Фридрихъ-Карль, принцъ прусскій, ген.-фельдмаршалъ прусской арміи (1828—1885 г.), сынъ принца Карла Прусскаго и внукъ прусскаго короля Фридриха-Вильгельма III-го. Въ кампанію 1870—71 г. командовалъ сперва 3-й германск. арміей и съ нею одержалъ побѣды при Вюнвиллѣ и Марсъ-Ла-Турѣ; въ сраженіи при Гравеллоттѣ атакой у Сень-Прива рѣшилъ исходъ боя въ пользу нѣмцевъ. Поставленный затѣмъ во главѣ I-я и 2-й германск. армій, онъ заперъ армію марш. Базена въ Мецѣ и принудилъ ее къ сдачѣ. Послѣ войны былъ генераль-инспекторомъ прусской кавалеріи.

³ „Дорогой другъ, дѣлайте, что хотите, — Австрія должна итти на Салоники“.

⁴ „Разведчикъ“, 1901 г. № 545.

дать, чтобы они этимъ удовлетворили свой волчій аппетитъ. Вотъ, по моему мнѣнію, и слѣдовало бы сократить ихъ теперь же.

— Да вѣдь трудно, Михаилъ Дмитриевичъ, за нихъ вступятся австрійцы.

— Не бѣда; справимся съ обоими. Прежде всего надо разбить австрійцевъ, да хорошенько; они и отступятся отъ нѣмцевъ. Это вѣдь дѣло имъ знакомое и бывалое не разъ, а, во-вторыхъ, и тактика ихъ намъ поможетъ.

— А кавая же у нихъ тактика?

У нихъ такое правило, что если во время сраженія выбыло изъ строя 10 процентовъ, надо отступать, иначе послѣ трудно привести армию въ ряды. А у насъ хотя бы *во фронтъ* осталось 10 процентовъ — и то часто держатся. Кромѣ того, духъ войска нашего и ихъ разный: поколотить нѣмцевъ два-три раза основательно, они сейчасъ же теряютъ бодрость и вѣру въ себя, а у насъ этого бояться нечего: почешется, солдатъ, покачаетъ головой, ишь ты, скажетъ, тѣкой-сякой, какъ ловко вздулъ; ну, да ладно, поколотимъ еще и мы, — и, дѣйствительно, кончитъ тѣмъ, что поколотить...

V.

Неожиданное назначеніе въ апрѣлѣ 1880 г. начальникомъ экспедиціоннаго отряда въ Ахаль-Теке отвлекло на время Скобелева отъ волновавшихъ его мыслей о неизбежности войны съ нѣмцами. Но какъ только экспедиція была закончена, онъ вернулся къ нимъ съ тѣмъ же пыломъ сердца, но съ еще большимъ запасомъ «ума холодныхъ наблюденій». Отвѣтственная ахаль-текинская экспедиція сдѣлала его еще болѣе серьезнымъ и разсудительнымъ. Успѣхъ, достигнутый нами этою экспедиціею въ Средней Азіи, не опьянилъ его, не вернулъ къ старымъ мечтамъ о походѣ въ Индію. Считая положеніе Россіи въ Средней Азіи прочно обезпеченнымъ занятіемъ Ахаль-Теке, а присоединеніе Мерва неизбежнымъ дѣломъ близкаго будущаго, — понимая всю трудность борьбы одной Россіи противъ Германіи и Австріи, Скобелевъ видитъ теперь въ Англіи не врага, не соперника нашего въ Азіи, а возможнаго союзника для борьбы съ нѣмцами.

У О. А. Новиковой¹ онъ встрѣтился съ двумя англичанами и между ними произошелъ слѣдующій характерный разговоръ:

Вы первый научили насъ заочно полюбить даже врага, — сказалъ одинъ изъ англичанъ при представленіи Скобелеву.

— Почему я врагъ? — спросилъ Скобелевъ.

— Кто же другой можетъ создать намъ затрудненія въ Индіи, какъ не вы?

— Тамъ намъ нечего дѣлать. Мы отлично можемъ ужиться бокъ-о-бокъ...

— Да, это вы говорите нашимъ корреспондентамъ, а тѣ сообщаютъ въ газетахъ ... Но мы не такъ наивны...

— Могу васъ увѣрить, что таково мое убѣжденіе, — возразилъ съ усмѣшкою Скобелевъ. — Если мы можемъ съ вами столкнуться, такъ поближе ...

¹ Новикова, Ольга Алексѣевна, урожденная Кирѣева, сестра павшаго въ 1876 г. въ бою у Ракова за свободу Сербіи Ник. Ал. Кирѣева, вдова бывшаго попечителя Петербургскаго учебн. округа, — современная писательница и еще болѣе извѣстная политическая дѣятельница, по справедливости называемая „делегатомъ Россіи въ Англіи“. Живя почти постоянно въ Лондонѣ, но сохраняя самыя живыя связи съ отечествомъ, она пользуется большою популярностью среди англичанъ. Въ ея политическомъ салонѣ перебывали всѣ выдающіеся госу-дарственные дѣятели Англіи и Россіи. Она много содѣйствовала установленію взаимнаго довѣрія и согласія между Англіей и Россіей. Ея перу принадлежитъ прекрасная книга — „Scobeleff and the Slavonic cause“, вышедшая въ Лондонѣ въ 1883 г., имѣвшая огромный успѣхъ за границею, во, къ сожалѣнію, до сихъ поръ не переведенная на русскій языкъ. Обзору политическаго дѣятельности О. А. Новиковой посвящены статьи Е. С. М. въ „Русской Старинѣ“ за текущій годъ (Іюнь—іюль—августъ) подъ заглавіемъ „Делегатъ отъ Россіи“.

— Не дай этого Богъ ... Миръ дороже всего.

— Да, богатому человѣку, а не голодному, которому терять нечего... Впрочемъ, у насъ съ вами есть общій врагъ.

— Кто это? Нѣмцы, вѣрно?

— Да. У нихъ теперь широко рты разинуты; флотъ вашъ и ваша торговля едва ли могутъ имъ особенно нравиться...

— Мы это знаемъ ...

Такимъ образомъ, уже тогда, въ самомъ началѣ 80-хъ годовъ прошлаго столѣтія, когда Германіей управлялъ престарѣлый Вильгельмъ I-й и ничто еще не предвѣщало царствованія Вильгельма II-го съ его лихорадочною дѣятельностью по созданію германскаго флота и насажденію германскихъ колоній во всѣхъ концахъ свѣта, Скобелевъ, глубоко постигшій духъ современной ему Германіи, провидѣлъ неизбежное въ будущемъ морское и экономическое соперничество ея съ Англіей. Чуждый предвзятыхъ идей, самостоятельный въ своихъ взглядахъ, ни въ чемъ не терпѣвшій рутины и узкаго доктринерства, онъ пошелъ наперекоръ господствовавшему тогда въ русскомъ обществѣ враждебному отношенію къ Англіи, созданному ея ролью во время русско-турецкой войны, и одинъ изъ первыхъ заговорилъ о сближеніи съ нею и о союзѣ противъ общаго врага— нѣмцевъ.

Въ августѣ 1881 г., отправляясь въ Минскъ на маневры своего 4-го корпуса, онъ проѣздомъ черезъ Москву написалъ слѣдующее замѣчательное письмо редактору-издателю «Московскихъ Вѣдомостей», М. Н. Каткову, съ изложеніемъ своего взгляда на значеніе нашихъ новыхъ завоеваній въ Средней Азіи въ связи съ Восточнымъ вопросом¹:

— «До сихъ поръ наше отечественное несчастье, главнымъ образомъ, какъ мнѣ кажется, происходило не отъ широты замысловъ, а отъ неопредѣленности и измѣнчивости нашего политическаго идеальнаго предмета дѣйствія...

«Лично для меня весь средне-азиатскій вопросъ вполне осязателенъ и ясенъ. Если помощью его мы не рѣшимъ, въ непродолжительномъ времени, серьезно взять въ руки Восточный вопросъ, то азиатская овчинка не будетъ стоить выдѣлки. Смѣю думать, что рано или поздно русскимъ государственнымъ людямъ придется сознаться, что Россія *должна* владѣть Босфоромъ, что отъ этого зависятъ не только ея величіе, какъ державы первенствующей, но ея *безопасность* въ смелѣ оборонительномъ и соотвѣтственное развитіе ея мануфактурныхъ центровъ и торговли.

«Никто, полагаю, не будетъ оспаривать, что пока польскій и западнорусскій вопросы будутъ тяготѣть надъ нами, какъ теперь, всякое правильное развитіе въ лучшемъ, народно-историческомъ значеніи этого слова, будетъ крайне затруднено. Въ настоящее время, несмотря на потраченныя кровавыя усилія, всѣ наши границы остались открыты вражьему нашествію, вынуждающему насъ содержать такую громадную армію, а Польскій вопросъ, особенно теперь, въ виду неминуемыхъ усложненій, порожденныхъ австро-германскимъ союзомъ, держать насъ въ *осадномъ положеніи*.

«... Итакъ, возвращаясь къ вопросу, намъ заданному—разграниченіе новой Ахалтекинской области, я думаю, что мы всегда будемъ разсуждать въ потемкахъ, пока намъ не будетъ дана главная (а ее намъ никто не можетъ дать), скажу, исключительная данная: въ виду *въ самомъ скоромъ времени* имѣющихъ разразиться усложненій на Балканскомъ полуостровѣ,; наиболѣ чувствительнымъ выраженіемъ коихъ, для нашей чести народной и интересовъ, будетъ: 1) движеніе австрійскихъ войскъ изъ Сѣницы къ Митровипамъ и далѣе, бытъ можетъ, даже сразу къ Салоникамъ; 2) вѣроятность участія въ грево-турецкой

¹ Цитируемъ его въ извлеченіяхъ по сочиненію А. Н. Маслова— «Завоеваніе Ахаль-Теке...» (СПб. 1887 г., стр. 307—310), „Москов. Вѣдомостямъ“, 1882 г., № 178 и „Новому Времени“, 1884, № 2990.

распрѣ княжества Болгарскаго и комитета народной обороны въ такъ названной Восточной Румеліи (!??) — какъ въ этихъ случаяхъ намѣрены мы поступить.

«... Безъ серьезной демонстраціи къ Индіи, по всей вѣроятности, къ сторонѣ Кандахара, невысказано себѣ представить войны за Балканскій полуостровъ. Даже въ случаѣ *нынѣ*, вслѣдствіе австрійскихъ чрезмѣрныхъ притязаній на Салоники, весьма возможнаго союза Россіи съ Англіей, въ Средней Азіи необходимо *у првддверья* соответствующаго театра дѣйствій держать сильный отрядъ войскъ, вполне снаряженный и серьезно подвижный, какъ угроза и ручательство за прочность союза. Всю Среднюю Азію можно было бы отдать за серьезный и прибыльный союзъ съ Англіей, по достиженію указаннаго результата на Босфорѣ, такъ какъ вся Средняя Азія имѣетъ для насъ *временное* политическое значеніе. Преддверіемъ театра дѣйствій на случай острыхъ усложненій, какъ въ 1878 году, несомнѣнно будетъ нынѣ завоеванный край въ связи съ исключительнымъ и могущественнымъ нашимъ вліяніемъ въ Персіи.

«Если признать за несомнѣнный фактъ, что мы намѣрены предоставить въ руки западной Европы ликвидацію, для насъ *жизненную*, Турецкаго наслѣдства, то я не только согласенъ отойти въ Красноводскъ, но вообще кончить счеты въ Средней Азіи. Но въ такомъ случаѣ, въ порядкѣ логической послѣдовательности, начнемъ сначала очищать Туркестанскій край, а затѣмъ уже и Асхабадъ.

«Итакъ, не имѣя главной данной—рѣшимости Россіи не участвовать въ приближающихся на юго-западѣ Европы событіяхъ — нельзя рѣшиться думать уйти вовсе къ Каспійскому морю... Отступить въ Красноводскъ — это поставить все содѣланное на смарку. Посланникъ пишетъ въ Петербургъ: «Занятіе Текинскаго оазиса увеличиваетъ наше значеніе въ Хивѣ, Бухарѣ и въ Персіи, вторая не только совершенно примирилась съ нашими предпріятіями, но и желаетъ ихъ полнаго довершенія»... Съ очищеніемъ оазиса мы не только лишаемся всѣхъ этихъ выгодъ, но *престижъ нашъ жестоко пострадаетъ* ... «Нынѣшнее смутное состояніе Афганистана и неизвѣстность его будущности даже не позволяютъ обратнаго движенія... Находя, вслѣдствіе этого, отступленіе невозможнымъ и т. д.». Зачѣмъ намъ первенство въ Персіи? Зачѣмъ намъ диверсія на юго-востокъ? Зачѣмъ намъ знать, что дѣлается въ Афганистанѣ? Вѣроятно для того, чтобы, когда наступитъ часъ, не быть Липпе-Детмольдомъ или княжествомъ Монако, или Швейцаріей, но быть Россіей, настолько грозной, чтобы не отдать нѣмцамъ на поруганіе колыбель своей вѣры, всю славу историческаго прошлаго, миллионы кровныхъ, братскихъ сердець...

«Если у Мольтке, на случай войны съ каждымъ изъ окружающихъ Германію государствъ, есть готовый планъ кампаніи и всѣ мѣры приняты для быстрого исполненія этого плана, если можетъ жить болѣе 10 лѣтъ Мецкій гарнизонъ и Крѣпость въ ежеминутной боевой готовности, то почему же то же самое неисполнимо для насъ?..»

VI.

Письмо Каткову появилось въ печати и стало извѣстно русскому обществу лишь послѣ смерти Скобелева. Онъ еще сдерживался излагать свои мысли публично, онъ довѣрялъ ихъ только тѣсному кругу друзей, единомышленниковъ и политическихъ дѣятелей. Но когда въ концѣ 1881 года въ оккупированной австрійцамп Босніи вспыхнуло возстаніе противъ швабовъ-угнетателей и снова полилась славянская кровь, Скобелевъ не выдержалъ...

12-го января 1882 года, на обѣдѣ въ годовщину взятія Геокъ-Тепе, въ кругу своихъ боевыхъ соратниковъ. Скобелевъ произнесъ свою первую публичную политическую рѣчь.

Онъ сказалъ:

— Поколѣніе наше переживаетъ многозначенательное, небывалое въ исторіи время. Нѣсколько вѣковъ тому назадъ царило кулачное право въ международныхъ отно-

шеніяхъ. За симъ настала эпоха трактатовъ, соблюдать которые по формѣ и нарушать по духу являлось выраженіемъ наибольшей государственной мудрости.

Нашему вѣку суждено было воочію испытать, что сильнѣйшій относительно яко бы слабѣйшаго основываетъ свои отношенія на крови и желѣзѣ¹, и что правомъ повелѣваетъ сила. Многознаменательно, господа, что подобнаго официальнаго признанія безправія, подтвержденнаго фактами, еще никогда не было сдѣлано въ исторіи.

Великія патріотическія обязанности наше желѣзное время налагаетъ на нынѣшнее поколѣніе. Скажу кстати, господа: тѣмъ больнѣе видѣть въ средѣ нашей молодежи такъ много болѣзненныхъ утопистовъ, забывающихъ, что въ такое время, какъ наше, первенствующій долгъ cadaго—жертвовать всѣмъ, въ томъ числѣ и своимъ духовнымъ я, на развитіе силъ отечества.

Если, господа, въ дѣлахъ частныхъ чувство недовѣрія другъ въ другу не можетъ быть никому симпатично, то, напротивъ того, крайнее недовѣріе ко всему иноплеменному, могущему нарушить законные историческіе идеалы отечества, — есть патріотическая обязанность, ибо немислимо допустить, чтобы про-возглашенная нынѣ теорія торжества сильнаго безправія надъ слабѣйшимъ правомъ могла бы быть собственностью одного лишь племени. Изъ только-что сказаннаго, мнѣ кажется, явствуетъ, какъ радостно должно отзываться въ патріотическихъ оердцахъ, когда событія слагаются такъ, что вводятъ въ ошибку про-зорливаго и талантливаго отечественнаго недруга. Чувство это принимаетъ оттѣнокъ особенный, когда находишься въ средѣ людей, своими трудами, доблестью, кровью способствовавшихъ введенію въ ошибку этого недруга.

Извѣстно вамъ всѣмъ, что высокоталантливый недругъ нашъ, сэръ Генри Роулинсонъ, въ своемъ сочиненіи «Россія и Англія на Востокѣ», еще въ 1875 г. заявлялъ, что вражда ахаль-текинцевъ заведетъ Россію къ многолѣтнимъ и непомѣрнымъ расходамъ людьми и деньгами, вовлечетъ въ вражду съ Персіею, заставитъ занимать кордонную линію фортовъ отъ устья въ Атрека по всему оазису и отъ Атрека до Мерва включительно, и, наконецъ, главное, въ концѣ концовъ нарушитъ политическое могущество Россіи въ Средней Азій.

Отрадно, господа, въ сегодняшній многознаменательный день, озираясь на далекую дорогую намъ окраину, имѣть возможность фактически убѣдиться, что, слава Богу, тяжкія предсказанія Роулинсона ни въ чемъ не оправдались. Намъ слишкомъ всѣмъ извѣстно положеніе дѣлъ, чтобы мнѣ входить въ подробное разсмотрѣніе его; но очень уже давно наша средне-азіатская, столь буйная, окраина не пользовалась такимъ безусловнымъ спокойствіемъ, какъ теперь.

Никогда, быть можетъ, со временъ похода Магометъ-шаха на Герать и тѣсно связанной съ этимъ событіемъ незабвенной дѣятельности графа Симонича, значеніе русскаго посланника въ Тегеранѣ не было столь первенствующимъ. Словомъ, обаяніе русскаго знамени стоитъ очень высоко, далеко къ востоку, за предѣлы покоренной области; это, конечно, не откажутся подтвердить только что вернушіеся изъ Серакса инженеры.

Господа, чему обязано отечество столь благопріятнымъ исходомъ великаго дѣла? Во-первыхъ и, главнымъ образомъ, благоговѣнно вспомнимъ участіе въ экспедиціи вѣ Бозѣ почившаго нашего Государя-Мученика. Твердо взявъ въ свои державныя руки ахаль-текинское дѣло, покойный Государь предугадалъ громадное, въ данную историческую минуту, значеніе ахаль-текинскаго пладдарма, у предверія Хорасана и Афганистана. Во-вторыхъ, успѣхъ въ принципѣ съ самаго начала обезпечивался участіемъ нашего бывшаго августѣйшаго главнокомандующаго², ни на минуту не отрывавшаго своего сердца отъ

¹ Намекъ на изреченіе Бисмарка: — „Сила выше права“.

² Великаго Князя Михаила Николаевича, тогда Намѣстника Е. И. В. на Кавказѣ и главнокомандующаго Кавкаскою арміею, изъ состава которой были выдѣлены войска экспедиціоннаго отряда.

ввѣренныхъ ему тогда славныхъ войскъ. Съ почитательною признательностью считаю себя счастливымъ здѣсь напомнить о той всесторонней помощи, которую оказывали мнѣ всѣ ближайшіе помощники главно-командовавшаго кавказской арміей, наши центральныя военныя управленія, наконецъ, министерство иностранныхъ дѣлъ.

Нашъ посланникъ въ Тегеранъ, г. Зиновьевъ, не только облегчилъ исполненіе задачи—но, что еще важнѣе, обезпечилъ прочность результатовъ.

Говорить ли мнѣ о доблести несравненныхъ нашихъ кавказскихъ войскъ, съ которыми связались узами боевого братства славные туркестанскіе и оренбургскіе ихъ товарищи. Кавказскія знамена въ ахаль-текинскую экспедицію явились тотчасъ послѣ блистательно выдержаннаго кроваваго боевого испытанія въ азіатской Турціи и въ Дагестанѣ. Большинство этихъ войскъ только-что участвовало въ несравненномъ въ лѣтописяхъ нашихъ штурмѣ Карса.

Слишкомъ велико было наслѣдство славы, врученное начальнику экспедиціи, чтобы ему сердцемъ не дорости до духа войскъ, а когда сердце на, мѣстѣ, то и побѣда на три четверти обезпечена. Въ самомъ дѣлѣ, не могу безъ глубокаго чувства вспомнить про эти войска, про доблестный корпусъ офицеровъ; вспомнимъ, господа, о павшихъ товарищахъ нашихъ, вспомнимъ о томъ, какъ они служили, дрались, умирали; вспомнимъ о незабвенномъ генералѣ Петрусевиچѣ—представителѣ чувства долга, скромности и научной подготовки; вспомнимъ, какими героями легли за Вѣру, Царя и Отечество князь Магаловъ, графъ Орловъ, Мамадевъ, Булыгинъ, Зубовъ, Студитскій, Яблочковъ, Мерхилевъ, Грекъ, Ивановъ, Кунаковскій, Морицъ, Нелѣповъ, Юрневъ...

Да, господа, пока въ рядахъ русскихъ будутъ такіе офицеры, будемъ смѣло смотрѣть въ лицо какому бы то ни было высокообученному непріятельскому строю, не забывая нашихъ товарищей, павшихъ подъ Геокъ-Тепе; а когда настанетъ часъ боевого испытанія, и мы постараемся быть такими же, какими были они.

Мнѣ остается еще свазать вамъ нѣсколько словъ, — но здѣсь позвольте мнѣ замѣнить бокаль съ виномъ стаканомъ съ водою и попросить васъ быть свидѣтелями, что ни я, да и никто изъ насъ не говорилъ и не можетъ говорить подъ вліяніемъ ненормальнаго возбужденія.

Мы живемъ въ такое время, когда даже кабинетныя тайяы плохо сохраняются, а сказанное въ такомъ собраніи, какъ нынѣшнее, такъ или иначе, будетъ обнаружено, а потому предосторожность—дѣло не лишнее.

Опытъ послѣднихъ лѣтъ убѣдилъ насъ, что если русскій человѣкъ, случайно вспомнить, что онъ, благодаря своей исторіи, все-таки принадлежитъ въ народу великому и сильному, — если, Боже сохрани, тотъ же русскій человѣкъ случайно вспомнить, что русскій народъ составляетъ одну семью съ племенемъ славянскимъ, нынѣ терзаемымъ и попираемымъ, тогда въ средѣ извѣстныхъ *доморощенныхъ* и заграничныхъ иноплеменниковъ поднимаются вопли негодованія, и этотъ русскій человѣкъ, по мнѣнію этихъ господъ, находится лишь подъ вліяніемъ причинъ ненормальныхъ, подъ вліяніемъ какихъ-нибудь вакханалій. Вотъ почему, повторяю, прошу позволенія опустить бокаль съ виномъ и поднять стаканъ съ водою.

И въ самомъ дѣлѣ, господа, престранное это дѣло, почему нашимъ обществомъ и отдѣльными людьми овладѣваетъ какая-то странная робость, когда мы коснемся вопроса, для русскаго сердца вполне законнаго, являющагося естественнымъ результатомъ всей нашей тысячелѣтней исторіи. Причинъ къ этому очень много, и здѣсь не время и не мѣсто ихъ подробно касаться; но одна изъ главныхъ—та прискорбная рознь, которая существуетъ между извѣстною частью общества, такъ называемой нашей интеллигенціей, и русскимъ народомъ. Гг., всякій разъ, когда Державный Хозяинъ русской земли обращался въ своему народу, народъ оказывался на высотѣ своего призванія и историческихъ потреб-

ностей минуты; съ интеллигенціей же не всегда бывало то же — и если въ трудныя минуты кто-либо банкрутился предъ Царемъ, то, конечно, та же интеллигенція. Полагаю, что это явленіе вполне объяснимо: космополитическій европеизмъ не есть источникъ силы и можетъ быть лишь признакомъ слабости. Силы не можетъ быть внѣ народа и сама интеллигенція есть сила только въ неразрывной связи съ народомъ.

Господа, сегодня, въ день паденія Геокъ-Тепе, вспоминая о павшихъ товарищахъ, о доблести войскъ, невольно просится наружу чувство доброе, святое. Одинъ изъ славнѣйшихъ ветерановъ великой эпохи наполеоновскихъ войнъ, маршалъ Бюжо, имѣлъ обыкновеніе говорить, что на войнѣ убиваютъ однихъ и тѣхъ же. Мое солдатское сердце и недавній опытъ подсказываютъ мнѣ, что здѣсь собрались именно такіе, о которыхъ говоритъ маститый маршалъ. Вотъ почему въ солдатской средѣ мои слова будутъ приняты только по-солдатски, какъ не имѣющія ничего общаго съ политикою въ данную минуту.

Господа, въ то самое время, когда мы здѣсь радостно собрались, тамъ, на берегахъ Адриатическаго моря, нашихъ единоплеменниковъ, отстаивающихъ свою вѣру и народность, — именуютъ разбойниками и поступаютъ съ ними, какъ съ таковыми!.. Тамъ, въ родной намъ славянской землѣ, нѣмецко-мадьярскія винтовки направлены въ единовѣрныя намъ груди...

Я не договариваю, господа... Сердце бользненно щемитъ. Но великимъ утѣшеніемъ для насъ — вѣра и сила историческаго призванія Россіи.

Провозглашаю, господа, отъ полноты сердца тостъ за здоровье Государя Императора!

VII.

Скобелевъ «не договорилъ»... Но и недоговоренная, его рѣчь произвела большое впечатлѣніе и вызвала большіе толки въ обществѣ и печати, въ Россіи и за границей. Друзья и враги накинулись на него съ упреками въ шовинизмъ, въ подстрекательствѣ къ новой войнѣ.

Враги ничего не могли возразить по существу ея и ограничивались лишь инсинуаціями въ томъ смыслѣ, что Скобелеву нужна новая война для новой славы и новыхъ сильныхъ впечатлѣній. Друзья указывали ему на «ужасы войны» и невозможность ея для Россіи по финансово-экономическимъ соображеніямъ.

Онъ отвѣчалъ только послѣднимъ.

— Меня забавляло, — сказала онъ однажды, уже послѣ своей парижской рѣчи, О. А. Новиковой, — что говорили за границей про мою рѣчь въ Петербургѣ. «Военный, а говорить о политикѣ; это чудовищно». Они забыли, что въ Россіи отношенія Государя къ своимъ подданнымъ совершенно иныя, чѣмъ въ ихъ конституціонныхъ странахъ. Между Царемъ и нами есть что-то отеческое. Почему намъ не сказать Ему, что мы думаемъ, отъ чего мы страдаемъ и что мы желаемъ. Я думаю, что мой долгъ былъ высказаться — и я это сдѣлалъ¹

Другимъ онъ говорилъ;

— Война — это страшное дѣло! — Подло и постыдно начинать войну такъ себѣ, съ вѣтру, безъ крайней, крайней необходимости... Никакое легкомысліе въ этомъ случаѣ — непростительно... Черными пятнами на короляхъ и императорахъ лежатъ войны, принятыя изъ честолюбія, изъ хищничества, изъ династическихъ интересовъ. Но еще ужаснѣе, когда народъ, доведя до конца это страшное дѣло, остается неудовлетвореннымъ, когда у его правителей не хватаетъ духу воспользоваться всѣми результатами, всѣми выгодами войны. Нечего въ этомъ случаѣ задаваться великодушіемъ къ побѣж-

¹ „Русск. Старина“, -1914 г., Июль, стр. 70.

денному. Это великодушіе за чужой счетъ, за это великодушіе не тѣ, которые заключаютъ мирные договоры, а народъ расплачивается сотнями тысячъ жертвъ, экономическими и иными кризисами. Разъ начавъ войну, — нечего уже толковать о гуманности... Война и гуманность не имѣютъ ничего общаго между собой. На войну идутъ тогда, когда нѣтъ иныхъ способовъ. Тутъ должны стоять лицомъ къ лицу враги, — и доброта уже бываетъ неумѣстна. Или я задушу тебя, или ты меня. Лично иной бы, пожалуй, и поддался великодушному порыву и подставилъ свое горло—души. Но за арміей стоитъ народъ, и вождь не имѣетъ права миловать врага, если онъ еще опасенъ... Штатскія теоріи тутъ неумѣстны... Я пропущу моментъ уничтожить врага, — въ слѣдующій онъ меня уничтожитъ, слѣдовательно, колебаніямъ и сомнѣніямъ нѣтъ мѣста. Нерѣшительные люди не должны надѣваться на себя военного мундира. Въ сущности, нѣтъ ничего вреднѣе, и даже болѣе—никто не можетъ быть такъ жестоко, какъ вредны и жестоки по результатамъ своихъ дѣйствій сантиментальные люди. Человѣкъ, любящій своихъ ближнихъ, человѣкъ, ненавидящій войну, — долженъ добить врага, чтобы вслѣдъ за одной войной тотчасъ же не начиналась другая ...

— ... Хотя война ужасна, но изъ этого не слѣдуетъ, что мы должны начинать ее только тогда, когда непріятель явился къ намъ въ страну, ибо всякая страна имѣетъ право на извѣстный ростъ. Принципъ національности—прежде всего. Государство должно расширяться до тѣхъ поръ, пока у него не будетъ того, что мы называемъ естественными границами, законными очертаніями. Намъ, т.е., Славянамъ, потому что, заключившись въ узкіе предѣлы только русскаго племени, мы потеряемъ все свое значеніе, всякій историческій *raison d'être*, намъ, славянамъ, нужны Босфоръ и Дарданеллы, какъ естественный выходъ къ морю, иначе, безъ этихъ знаменитыхъ проливовъ, несмотря на весь нашъ необъятный просторъ, мы задохнемся въ немъ. Тутъ-то и слѣдуетъ разъ навсегда покончить со всякой сантиментальностью и помнить только свои интересы. Сначала—свои, а потомъ можно подумать и о чужихъ... Наполеонъ Великій отлично понималъ это... Онъ не спроста открылъ свои карты Александру Первому. Въ Эрфуртѣ и Тильзитѣ онъ предложилъ ему размежевать Европу... Онъ отдавалъ намъ Европейскую Турцію, Молдавію и Валахію, благословенный небомъ славянскій югъ, съ тѣмъ только, чтобъ мы не мѣшали ему расправиться съ Германіей и Великобританіей... А мы что сдѣлали? . Сначала поняли, въ чемъ дѣло — а потомъ начали играть въ вѣрность платоническимъ союзамъ, побратались съ нѣмцами! Ну, и досталось намъ за это на орѣхи! Цѣлыя моря крови пролили, да и еще прольются, — будьте увѣрены, и все придемъ къ тому же!

Мы тогда спасли нѣмцевъ. Это, можетъ быть, очень трогательно съ точки зрѣнія какого-нибудь чувствительнаго нѣмецкаго романиста, но за этотъ взглядъ мы заплатились громадными историческими несчастіями. За него мы въ прошлую войну, имѣя у себя на плечахъ нѣмцевъ и англичанъ, попали въ гордіевъ узелъ берлинскаго трактата, и у насъ остался неразрѣшеннымъ Восточный вопросъ, который потребуетъ еще много русской крови... Вотъ что значитъ сантиментальность въ исторіи...

— Говорятъ, какъ же вы будете воевать, когда у васъ денегъ нѣтъ, когда вашъ рубль ходитъ 62 копѣйки за 100? Я ничего не понимаю въ финансахъ, но чувствую, что финансисты-нѣмцы тутъ что-то врутъ.

Въ 1793 году финансы Франціи были еще и не въ такомъ положеніи. Металлическій 1 франкъ ходилъ за 100 франковъ кредитныхъ. Однако Налоллеонъ, не имѣя для солдатъ сапогъ, одежды, пищи, пошелъ на непріятеля и досталъ не только сапоги, одежду и пищу для солдатъ, но и обогатилъ французскую казну, а курсъ свой поднялъ опять до 100 и даже за 100. При Петрѣ Великомъ мы были настолько бѣдны, что послѣ сраженія подъ Нарвой, когда у насъ не было орудій, намъ пришлось колокола переливать на пуш-

ки. И ничего! Послѣ Полтавскаго боя все измѣнилось, и съ тѣхъ поръ Россія стала великой державой.

А покореніе Россіи татарами?.. Что жъ вы думаете, они покорили Россію потому, что курсъ ихъ былъ очень хорошъ, что ли? Просто ѣсть нечего было, ну, и пошли и завоевали Россію, а Россію завоевать не шутка!

Я не говорю: воевать теперь. Пока еще нашъ курсъ 62 копѣйки, можно и погодить, но нѣмцы долго ждать не заставятъ и живо уронятъ его. Вотъ тогда будетъ пора!

Еще я не понимаю, зачѣмъ намъ на войну деньги? На нашей землѣ кредитный билетъ ходитъ рубль за рубль. Мы вѣримъ прочности нашего государственнаго устройства, и пусть у насъ пишутъ деньги хоть на кожѣ, мы имъ повѣримъ, а въ дѣлѣ кредита это все, что требуется.

Если бы Богъ привелъ намъ перенести войну на непріятельскую территорію, то врагъ долженъ за честь считать, ежели я ему заплачу за что-нибудь нашимъ кредитнымъ рублемъ. *Даже кредитные билеты я отдамъ съ сокрушеннымъ сердцемъ.* Непритель долженъ насъ кормить даромъ.

Господа юристы утверждаютъ, что побѣдитель долженъ быть великодушень съ непріателемъ, и за все, что взято голоднымъ солдатомъ, должно быть заплачено. Творцы берлинскаго договора готовы были сами обязать Россію заплатить контрибуцію, только бы доказать передъ Европой, какъ мы великодушны.

Господи! Какъ вспомнишь объ этомъ,—такъ плакать хочется. Издержки войны они предоставили заплатить русскому мужику, .который и безъ того не можетъ управиться съ недоимками и *загребущими лапами кулака!*

Хорошо французскимъ и нѣмецкимъ буржуа считать войну экономической ересью, когда у нихъ ходитъ монета сто за сто, когда всѣ сыты, работы вволю, растутъ просвѣщеніе... Но когда приходится довольствоваться хлѣбомъ съ мякиной, задыхаться въ неоплаченныхъ долгахъ, когда русскому все равно умирать ли отъ голода, или отъ руки непріятеля, то онъ захочетъ войны уже по одному, тому, что умирать въ бою, по понятіямъ народа, несравненно почетнѣе. При этомъ остается еще надежда остаться живымъ, побѣдить!

Всегда, разумѣется, найдутся сытые, имѣющіе спокойныя, обеспеченныя средства къ жизни, какъ, на примѣръ, капиталисты, купцы, въ особенности чиновники, получающіе вѣрное содержаніе. Они будутъ противъ войны, даже съ потерей государственной чести, но въ этихъ случаяхъ слѣдуетъ принимать въ соображеніе экономическое положеніе массы простаго народа, а не обеспеченныхъ классовъ, питающихся невѣжествомъ, добродушіемъ и слабостями. Впрочемъ, русскіе, въ большинствѣ, такъ созданы, что когда вопросъ коснется нашей государственной чести, то даже эти сытые классы охотнѣе въ тяжкую минуту пойдутъ на жертвы, чѣмъ поступятся честью. Они будутъ ворчать на разстройство дѣлъ и все-таки принесутъ свой грошъ!

Въ этихъ политико-экономическихъ разсужденіяхъ Скобелева у него много общаго съ Бисмаркомъ. Послѣдняго онъ не любилъ, какъ ограбившаго Францію въ 1870 году, и обманувшаго Россію въ 1878-мъ, но высоко цѣнилъ его, какъ германскаго патріота.

— Терпѣть не могу нѣмцевъ,—говорилъ онъ ...—Меня больше всего бѣситъ наша уступчивость этимъ колбасникамъ. Даже у насъ въ Россіи мы позволяемъ имъ безнаказанно дѣлать все, что угодно. Даемъ имъ во всемъ привилегіи, а потомъ сами же кричимъ, что нѣмцы все забрали въ руки. Конечно, отчего же и не брать, когда наши добровольно все имъ уступаютъ. А они своею аккуратностью и терпѣніемъ, которыхъ у насъ мало, много выигрываютъ и постепенно подбираютъ все въ свои руки. А все-таки нельзя имъ не отдать справедливости, нельзя не уважать ихъ, какъ умныхъ и ловкихъ патріотовъ. Они не останавливаются ни предъ какими мѣрами, если только видятъ пользу своего фатерланда.

Нѣтъ у насъ такихъ патріотовъ, какъ Бисмаркъ, который высоко держитъ знамя своего отечества и въ то же время ведетъ на буксирѣ государственныхъ людей чуть не всей Европы... Самостоятельности у насъ мало въ политикѣ... Ненавижу я этого трехволосаго министра-руссофоба, но вмѣстѣ съ тѣмъ и глубоко уважаю его, какъ геніальнаго человѣка и истаго патріота. Вотъ бы намъ побольше людей съ такимъ твердымъ, рѣшительнымъ характеромъ!..

Когда пронесся слухъ о назначеніи министромъ иностран-ныхъ дѣлъ, вмѣсто ушедшаго на покой князя А. М. Горчакова, графа А. В. Адлерберга ¹, Скобелевъ написалъ одному изъ близкихъ ему людей замѣчательное письмо. Отдавая должную дань дарованіямъ гр. Адлерберга и его безупречной честности, Скобелевъ писалъ:

— «Онъ дипломатъ старой школы, быть можетъ, въ лучшемъ значеніи слова; но онъ, думаю, не *политикъ*. Въ нашъ вѣкъ не воскреситъ дипломатическихъ вліятельныхъ канцелярій, считавшихъ династическія соображенія и тайну наиболѣе пригодными способами дѣйствія ...

... «Только политикъ въ состояніи оцѣнить всю необходимость несравненно широкой постановки вопросовъ народныхъ, политическихъ, соціальныхъ передъ нервнымъ, прихотливымъ, въ высокой степени подозрительнымъ, сегодняшнимъ мыслящимъ большинствомъ въ Европѣ и даже у насъ; только политикъ признаетъ, наконецъ, всю неотразимую нынѣ силу печатнаго слова и, любя и уважая его законное общественное значеніе, увлечетъ его за собою во имя великой, въ концѣ концовъ, *всѣмъ* одинаково дорогой, государственной цѣли. Таковыя передовыя могучія силы бывали во всѣ вѣка; вспомнимъ Демосфена, Кром-веля, Петра Великаго ...

«Въ самомъ дѣлѣ, не находится ли въ наше своеобразно-переходное время дипломатъ старой школы къ современному политику въ томъ же отношеніи, въ какомъ находился нашъ крымскій кремневый солдатикъ къ союзнику, вооруженному Минье или Эндфильдомъ?..»

Въ какой степени вѣрно понималъ Скобелевъ непригодность средствъ и представителей профессиональной дипломатіи въ разрѣшеніи вопросовъ, гдѣ война и политика тѣсно сплелись, свидѣтельствуешь слѣдующій фактъ, рассказанный М. А. Газенкампомъ въ своемъ дневникѣ изъ эпохи 1877—78 г.г.

Предъ Берлинскомъ конгрессомъ гр. Н. П. Игнатъевъ² былъ посланъ чрезвычайнымъ посломъ въ Вѣну, чтобы установить наше согласіе съ Австріей къ предстоящему конгрессу. Къ выбору для этой миссіи Игнатъева Газенкампфъ относился критически, полагая, что въ Австріи Игнатъеву довѣряютъ столь же мало, какъ и въ Турціи. — «Недѣли двѣ спустя, рассказываетъ Газенкампфъ, мнѣ это вполнѣ откровенно высказалъ, конечно, въ бесѣдѣ съ глазу на глазъ австрійскій военный агентъ, флигель-адъютантъ баронъ Лѣнейзень. «Какъ жаль, говорилъ онъ, что вашъ Государь послалъ къ нашему для такихъ интимныхъ переговоровъ профессиональнаго дипломата, а не одного изъ отличившихся въ войнѣ, генераловъ, какъ, на примѣръ, Гурко, Тотлебена, внязя Имеретинскаго или Ра-

¹ Адлербергъ, графъ, Александръ Владиміровичъ, ген.-адъютантъ, ген. отъ инфантеріи в членъ Госуд. Совѣта (1818—1888 г.г.), видный государственный дѣятель царствованія имп. Александра II-го. Занимая постъ мвистра Импер. Двора и Удѣловъ и пользуясь огромнымъ довѣріемъ Государя и его любовью, гр. Адлербергъ принималъ дѣятельное участіе во всѣхъ важнѣйшихъ событіяхъ этого царствованія, нерѣдко безъ облеченія этого участія въ официальные формы.

² Игнатъевъ, графъ, Николай Павловичъ, ген.-адъютантъ, ген. отъ кавалеріи, членъ Госуд. Совѣта (1832—1908), видный государственный дѣятель царствованія имп. Александра II на дипломатическомъ поприщѣ, былъ съ 1864-го по 1877 г. посломъ въ Константинополь, а въ 1878 г. — уполномоченнымъ Россіи по заключенію мира съ Турціей въ Санъ-Стефано. Съ 1881 г. по 1882 г. былъ министромъ виутр. дѣлъ.

децкаго. Каждый изъ нихъ былъ бы встрѣченъ императоромъ съ сердечнымъ довѣріемъ, и соглашеніе было бы достигнуто легко и скоро»¹.

Игнатьеву, дѣйствительно, соглашенія достигнуть не удалось.

VIII.

Въ самомъ началѣ 1882 года въ Петербургъ пріѣхала, извѣстная французская писательница, издательница журнала «Nouvelle Revue» и политическій другъ Гамбетты, m-me Adane (Julliette Lamber). Пламенная патріотка, она жила идеей реванша нѣмцамъ и, узнавъ о взглядахъ на нихъ Скобелева, пожелала съ нимъ познакомиться. Они разговорились, конечно, на тему о *войнѣ*.

— Я не люблю войны, сказалъ Скобелевъ. — Я слишкомъ много въ ней участвовалъ. Никакая побѣда не вознаграждаетъ за трату энергіи, силъ, богатствъ и за человѣческія жертвы. Но есть одна война, которую я считаю священной. Необходимо, чтобы пожиратели (*les mangueurs*) славянъ были въ свою очередь поглощены... Германія, я это вижу, я это чувствую, я вамъ это предсказываю, будетъ когда-нибудь съѣдена славянами...

— Генераль, эти слова вы должны были бы сказать въ Парижѣ.

— Они тамъ останутся безъ отклика. Я уже былъ въ Парижѣ. Всѣ боятся Бисмарка и потому всѣ ему подчиняются.

Г-жа Аданъ однако настаивала на необходимости Скобелеву поѣхать въ Парижъ.

— Но кто меня знаетъ въ Парижѣ? спрашивалъ Скобелевъ.

— Сознаюсь,—немногіе, кромѣ арміи и журналистовъ.

— Я боюсь Парижа и парижскихъ газетъ, — замѣтилъ Скобелевъ.

Четыре дня спустя послѣ этого разговора m-me Аданъ уѣхала въ Парижъ, а черезъ недѣлю выѣхалъ туда же и Скобелевъ.

Здѣсь, въ Парижѣ, 5-го (17-го) февраля 1882 года, къ нему явились сербскіе студенты и поднесли ему адресъ съ выраженіями горячей благодарности за рѣчь, сказанную въ годовщину взятія Геокъ-Тепе.

Скобелевъ сказалъ имъ:

«Считаю лишнимъ, друзья мои, говорить вамъ, какъ меня взволновали, какъ меня глубоко тронули ваши оердечныя заявленія. Клянусь вамъ, что я дѣйствительно счастливъ, видя вокругъ себя юныхъ представителей сербскаго народа, который первый поднялъ на слааянскомъ востокѣ знамя освобожденія славянъ... Я обязанъ объяснитьсь съ вами чистосердечно, что и сдѣлаю.

Я долженъ сказать вамъ, признаться передъ вами, почему Россія не всегда стоитъ на высотѣ своихъ патріотическихъ обязанностей и своей славянской роли, въ частности. Это потому, что какъ внутри, такъ и извнѣ, ей приходится вести борьбу съ чужеземнымъ вліяніемъ.

Мы не хозяева въ своемъ собственномъ домѣ. Да! Чужеземецъ у насъ вездѣ. Рука его проглядываетъ во всемъ. Мы игрушки его политики, жертвы его интригъ, рабы его силы... Его безчисленныя и роковыя вліянія до такой степени властвуютъ надъ нами и парализуютъ насъ, что если, какъ я надѣюсь, намъ удастся когда-нибудь избавиться отъ нихъ, то не иначе какъ съ оружіемъ въ рукахъ.

И если вы пожелаете узнать отъ меня, кто этотъ чужеземецъ, этотъ пролазь, этотъ интриганъ, этотъ столь опасный врагъ русскихъ и славянъ, то я вамъ назову его.

Это виновникъ «Drang nach Osten»—вы всѣ его знаете— это нѣмецъ!

Повторяю вамъ прошу не забывать, нашъ врагъ—нѣмецъ!

Борьба между славянами и тевтонами неизбѣжна....

¹ М. Газенкампфъ. Мой дневникъ 1877-78г.г. СПб. 1908 г., стр. 517.

Она даже близка...

Это будетъ продолжительная, кровопролитная, страшна борьба, но, что касается меня, то я убѣжденъ, что въ концѣ концовъ побѣдятъ славяне.

Что касается васъ, то съ вашей стороны весьма естественно желаніе узнать, какъ слѣдуетъ держать себя, ибо у васъ кровь уже льется. Объ этомъ я не стану много распространяться, но могу васъ увѣрить, что если попробуютъ тронуть государства, признанныя европейскими договорами, хотя бы Сербію и Черногорію... О! тогда вы не одни будете драться...

Еще разъ благодарю и, если будетъ уютно судьбѣ,—до свиданья на полѣ сраженія, бокъ-о-бокъ противъ общаго врага». Въ дальнѣйшей бесѣдѣ онъ произнесъ вторую рѣчь, содержаніе которой такъ свѣжо, такъ вѣрно отвѣчаетъ современнымъ намъ событіямъ, что она кажется произнесенною по поводу ихъ вчера или сегодня.

Вотъ что сказалъ Скобелевъ 32 года, назадъ. — «Европѣ грозитъ опасность великой войны — она неизбежна...

Берлинскій трактатъ топчется въ грязь Австріей. Россіи нѣтъ причинъ быть довольной этимъ трактатомъ; для нея и для южныхъ славянъ это былъ плохой договоръ, но, по крайней мѣрѣ, онъ спасаетъ ихъ отъ гнета иностранныхъ деспотовъ. Если онъ будетъ нарушенъ, будетъ война. Вы скажете, что эта война будетъ безумна, что это самоубійство. Можетъ быть. Но есть обстоятельства, когда самоубійство неизбежно. Въ войнѣ нѣтъ нужды. Миръ можетъ быть сохраненъ, если факты будутъ во время признаны. Объ этихъ фактахъ я и хочу вамъ напомнить, такъ какъ дипломаты ихъ затемнили.

Я не имѣю вражды противъ Германіи, но почему не удерживаетъ она Австрію отъ посягательствъ? Если бы Берлинъ сказалъ: «руки прочь», Вѣнѣ пришлось бы повиноваться. Славяне одного желаютъ: остаться славянами; они не хотятъ быть мадьяризованы, германизованы или подъ властью іезуитовъ.

Австріи дано право занять и управлять двумя провинціями для установленія въ нихъ порядка, но она превышаетъ свои полномочія, усиливая рекрутскій наборъ и распространяя въ народѣ іезуитское ученіе. Славяне были самостоятельны даже подъ турецкимъ владычествомъ, чѣмъ подъ гнетомъ вѣнской бюрократіи. Почему не хочетъ Австрія дать имъ развиваться по своему и жить своею жизнью, можетъ быть, суровой и грубой? Но эта жизнь должна служить основой ихъ общественнаго и политическаго развитія... Россія—единственная страна въ Европѣ, гдѣ достаточно идеализма, чтобы воевать изъ-за чувства. Ея народъ не уклоняется отъ жертвъ за вѣру и братство. Остерегайтесь довести эти чувства до крайнихъ предѣловъ»¹.

Рѣчи Скобелева вызвали восторгъ французовъ, ярость нѣмцевъ и смущеніе однихъ, неудовольствіе—другихъ и удовлетвореніе третьихъ—въ Россіи. Гамбетта² привѣтствовали слова Скобелева. — Они принесли большую пользу, — говорилъ онъ; — они наполнили сердца патріотическимъ пыломъ и даютъ надежду на франко-русскій союзъ. У Гамбетты одинъ врагъ—Германія, у Скобелева врагъ—Австрія, нападающая на Балканы.

О томъ, что происходило въ Германіи, оставилъ яркое описаніе своихъ впечатлѣній англійскій публицистъ Марвинъ, ѣхавшій въ то время черезъ Берлинъ въ Россію.

— «По всему пути въ разговорахъ только и слышалось, что имя Скобелева. Въ Берлинѣ имя его повторялось въ рѣчахъ и бесѣдахъ всѣхъ слоевъ общества. Я остановился передъ окномъ магазина, въ которомъ висѣла карта Россіи. Къ окну подбѣжала толпа школьниковъ. — «Вотъ дорога, по которой мы доберемся до Петербурга и проучимъ Скобелева»,—говорилъ одинъ. — «А если они придутъ въ Берлинъ?»— «О, это невозможно!»

¹ „Русская Старина“, 1914 г. Июль.

² Гамбетта, Леонъ-Мишель (1837—1882), извѣстный французскій полигическій дѣятель, организаторъ народной обороны Франціи въ 1870—71 г.г.

Мальчишекъ смѣнила группа пожилыхъ людей, которые въ краткихъ восклицаніяхъ выражали свою ненависть къ славянамъ и къ Скобелеву. На гауптвахтѣ, находящейся на аристократической оконечности улицы «Unter den Linden», солдаты вели воинственный разговоръ о Россіи...»

— Очень ужъ эти шнельклопсы разозлились на меня... — говорилъ Скобелевъ по поводу этихъ нѣмецкихъ угрозъ.—То какой-нибудь унтеръ-офицеръ вызываетъ меня на дуэль, то сантиментальная берлинская вдова посылаетъ мнѣ проповѣдь о сладостяхъ дружбы и мира, то изобрѣтатель особеннаго намордника для собакъ назоветъ его «Скобелевымъ» и обязательно сообщаетъ объ этомъ, то юмористическіе журналы ихъ изображаютъ меня въ томъ или другомъ гнусномъ видѣ... Но я говорилъ въ Парижѣ по своему убѣжденію и не каюсь... Слишкомъ мы ужъ малодушничаемъ. И повѣрьте, что если бы мы заговорили такимъ языкомъ, то Европа, несомнѣнно, съ большимъ вниманіемъ относилась бы къ намъ... Наши добрые сосѣди—тоже, пока мы поемъ въ минорномъ тонѣ, являются требовательными и наглыми, какъ почувствовавшій свою силу лакей; но когда мы твердо ставимъ свое требоваше, они живо поджимаютъ хвосты и начинаютъ обнаруживать похвальную скромность!.. Я не врагъ Россіи... Больше, чѣмъ кто-нибудь, я знаю ужасы войны; но бываютъ моменты въ государственной жизни, когда извѣстный народъ долженъ все ставить на карту... И повѣрьте, эти господа не рискнуть на войну съ нами. Они ловко пользуются нашими страхами, забираютъ насъ въ руки, показывая одно пугало за другимъ, но какъ только мы, въ свою очередь, имъ покажемъ когти, они — первые въ кусты... Только, знаете, надо показывать когти разомъ и рѣшительнѣй... Чтобы они чувствовали!

И, дѣйствительно, «рѣчь Скобелева, говоритъ О. А. Новикова, принесла пользу, она очистила атмосферу». Австрія, готовившаяся подъ прикрытіемъ Германіи нарушить Берлинскій трактатъ и аннексировать Боснію и Герцеговину, остановилась предъ угрозой русскихъ штыковъ и отложила осуществленіе своихъ плановъ почти на 30 лѣтъ.

IX.

Но въ Петербургѣ, въ высшихъ правительственныхъ и придворныхъ кругахъ, рѣчами Скобелева, конечно, не были довольны. Онѣ срывали маску съ тѣхъ иллюзій о прусской дружбѣ, которая жили въ нихъ съ тѣхъ историческихъ временъ, когда для русской арміи сложена была идиллическая пѣсня:

*Русскій Царь собралъ дружину
И вельль Своимъ орламъ
Плыть по морю на чужбину
Въ гости къ добрымъ пруссакамъ и т. д.*

И хотя новый Государь, — Императоръ Александръ III былъ чуждъ уже вліянію Вильгельма I-го, но личность престарѣлаго германскаго монарха была окружена еще почетомъ и почтеніемъ, а геній его канцлера внушалъ нашимъ дипломатамъ почтительный страхъ. Ждали осложненій. Ихъ не послѣдовало.

Скобелеву было предложено немедленно покинуть Парижъ и вернуться въ Россію. Съ пути изъ Вильны онъ писалъ слѣдующее одному изъ своихъ друзей:

«Наскоро пишу нѣсколько словъ; вѣроятно, до очень скорого свиданія, такъ какъ меня извѣстили, что меня ожидаетъ неудовольствіе Государя и отставка. Какую пользу въ отставкѣ я смогу принести отечеству, объ этомъ поговоримъ послѣ.

«Въ Варшавѣ какъ офицеры, такъ и солдаты меня встрѣтили восторженно. Былъ въ офицерскомъ собраніи Австрійскаго полка¹. Опять заставили говорить...

«Вообще очень отраднo было убѣдиться, что не трудно пробудить чувство доброе въ нашей средѣ, конечно, если не глумиться надъ всѣмъ народнымъ и не забивать систематически.

«Въ теченіе нѣсколькихъ часовъ пребыванія въ Варшавѣ я былъ поставленъ въ соприкосновеніе съ представителями тамошней печати. Люди всѣхъ оттѣнковъ въ Привислянскомъ краѣ, повидимому, крайне опасаются германскаго нашествія. Даже тяготѣніе къ Австро-Венгріи будто слабѣе, ибо, «все таки намъ будетъ еще хуже чѣмъ теперь, такъ что лучше *изъ трехъ золъ* выбирать меньшее... Тѣмъ не менѣе, я вынесъ убѣжденіе, что при создающихся, повидимому, нынѣ международныхъ отношеніяхъ, изъ извѣстной фракціи польскаго общества можно будетъ извлечь пользу.

«Петербургъ—аристократическій (въ смыслѣ, конечно, Пушкинскою родословной) и интеллигентно-либерально-чиновничій остался себѣ вѣренъ.

«Теперь на очереди *требованіе* объ отставленіи меня отъ службы...

«Мнѣ не жаль ни своей службы, ни себя лично; я воспиталъ себя для служенія идеалу... я не честолюбець, какъ меня выставляютъ нѣмцы, въ грубомъ значеніи этого слова. Жаль только, что вліятельный Петербургъ ощущаетъ и теперь какое-то блаженство купаться въ омутѣ отечественнаго униженія. Въ слѣдующемъ письмѣ постараюсь документально выяснитъ, чего мы достигли этимъ *случайнымъ для всѣхъ неожиданнымъ переполохомъ*, вызваннымъ приписываемою мнѣ рѣчью. Моя совѣсть мнѣ, однако, подсказываетъ, что Господь избралъ меня, въ данномъ случаѣ, орудіемъ *мира*, а не *войны*. Что теперь *сдѣлалось*, заставило и Германію призадуматься.

«Если несомнѣнно, что *любящая кровь въ Босніи и Герцеговинѣ есть первая параллель, заложенная Бисмаркомъ про-тивъ величія Россіи*, то можно также надѣяться, продолжая начатое въ Парижѣ, путемъ литературнаго сближенія, *постепенно* провести въ французскую, столь воспріимчивую публику сознаніе связи, существующей нынѣ между законнымъ возрожденіемъ Балканскихъ и Австрійскихъ славянъ и возвращеніемъ Франціи Меца, Страсбурга, а быть можетъ и всего теченія Рейна. Но надо работать. Конечно, наше дѣло только популяризировать эту мысль путемъ печати; но несомнѣнно, что и это послужитъ къ вящему охлажденію невыносимой заносчивости Берлина... Недавно одинъ изъ вліятельнѣйшихъ госу-дарственныхъ людей во Франціи такъ сказалъ объ нѣмцахъ: *Le but maintenant est d'ebbranler la legende de l'invincible Allemagne; le reste viendra de pres dans notre pays - ne voyez vous pas que meme quelques paroles lancees a l'aveuglette par un general en conge, leur font perdre la tete d'une maniere inconvenante; et la cela s'explique, - l'Allemand en Europe est comme le voleur; il a peur du gendarme*².

«Здѣсь нѣмцы селятся доказать, что мои слова о нѣмцахъ во Франціи потерпѣли фіаско. Тоже будто и въ Москвѣ, но во Франціи это не такъ. Подробности до слѣдующаго раза, когда буду спокойнѣе».

О.А. Новиковой Скобелевъ такъ комментировалъ свою парижскую рѣчь:

— Мои слова, сказанныя вскользь, не слѣдуетъ считать рѣчью... Но вотъ, что произвело впечатлѣніе: «Западъ ошибается на счетъ Россіи», сказалъ я. Онъ думаетъ, что мы такъ ослаблены войной, что все наше могущество уже изсякло. Это ошибка. Націю, состоящую изъ ста милліоновъ людей, способныхъ жертвовать собою за идею, не такъ легко

¹ Т.е. л.-гв. Кексгольмскаго полка, шефомъ котораго до самого послѣдняго времени состоялъ Императоръ Австрійскій.

² Теперешняя цѣль, это потрясти легенду о непобѣдимости Германіи, остальное быстро придетъ; развѣ вы не видите, что нѣсколько словъ, произнесенныхъ въ азартѣ генераломъ въ отпуску, заставили ихъ потерять голову до неприличія; это понятно: нѣмецъ въ Европѣ— какъ воръ, онъ боится жандарма.

стереть. Россія жива и, если будутъ перейдены извѣстные предѣлы, она рѣшится воевать...¹.

Эти благородныя, полныя вѣры въ мощь своей родной страны слова опять-таки звучатъ пророчествомъ. И это пророчество нынѣ сбылось. Западъ—вѣрнѣе, нѣмцы—снова впалъ въ ошибку подъ впечатлѣніемъ нашихъ неудачъ въ Манчжуріи; нѣмцы «перешли предѣлы»—и теперь дорого платятъ за свое пренебреженіе къ Славянству и Россіи.

Х.

Вернувшись въ Петербургъ, Скобелевъ, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ своей поѣздки, началъ было писать свои мемуары въ формѣ письма къ И. С. Аксакову, съ которымъ былъ друженъ². Окончить ихъ онъ не успѣлъ.

Приводимъ изъ того, что написано, все, что возможно.

— «Для васъ, конечно, не осталось незамѣченнымъ, что я оставилъ васъ, болѣе, чѣмъ когда-либо, проникнутый сознаниемъ необходимости служить активно нашему общему святому дѣлу, которое для меня, какъ и для васъ, тѣсно связано съ возрожденіемъ пришибленнаго нынѣ русскаго самосознанія. Болѣе, чѣмъ прежде, ознакомясь съ нашей эмиграціей, я убѣдился, что основаніемъ общественнаго недуга въ значительной мѣрѣ является отсутствіе всякаго довѣрія въ положенію нашихъ дѣлъ. Довѣріе это мыслимо будетъ лишь тогда, когда правительство дастъ серьезныя гарантія, что оно безповоротно ступило на путь народной какъ внѣшней, такъ и внутренней политики, въ чемъ пока я друзья, и недруги имѣютъ полное основаніе болѣзненно сомнѣваться. Боже, меня сохрани относить послѣднее къ Государю; напротивъ того, Онъ все болѣе и болѣе становится единственною надеждою среди Петербургскаго всерѣшающаго бюрократическаго небосклона, но Онъ одинъ, а съ графомъ Игнатъевымъ ихъ всего двое, этого мало, чтобы даже временно побороть Петербургскую растлѣвающую мглу... Кстати, чтобы къ этому болѣе не возвращаться, я имѣлъ основаніе убѣдиться, что даже эмиграція въ своемъ большинствѣ услышитъ голосъ отечества и правительства, когда Россія заговоритъ по-русски, чего такъ давно, давно уже не было, и въ возможность эту она положительно не вѣритъ.

«Подъ впечатлѣніемъ свиданія съ Вами, Вамъ понятно слово сердца и убѣжденія, вырвавшееся у меня 12 января на Геокъ-Тепинскомъ обѣдѣ. Дня два спустя, *а не до того*, я видѣлъ гр. Николая Павловича³, и онъ, упомянувъ о возбужденіи иностранныхъ пословъ по поводу сказаннаго, посовѣтывалъ мнѣ поторопиться отправленіемъ въ Парижъ. Очевидно, хотѣли замаять дѣло, *и никто* тогда не предвидѣлъ того, чему *суждено* было случиться, менѣе другихъ, конечно, гр. Нико-лай Павловичъ.

«Тяжелое, не скрою, впечатлѣніе произвела на меня Пруссія во время переѣзда. Комментированіе моихъ словъ сердца и святаго убѣжденія было въ полномъ разгарѣ, и сколько наглою лжи, пошлыхъ, себялюбивыхъ» нѣмецкихъ обидныхъ Россіи толкованій пришлось всюду читать и всюду слышать. Слишкомъ много на Руси и особенно въ Петербургѣ и за границей такихъ господъ, которые считаютъ за честь присоединиться къ подобному лаю... а потому они и не страдаютъ. Сознаюсь, я переѣхалъ французскую границу глубоко раздраженный и огорченный особенно тою безцеремонностью, съ которою нѣмцы преподавалц австрійцамъ не щадить православной крови!.. (Oesterreich muss im

¹ „Русская Старина“, 1914 г., Июль, стр. 71.

² Вотъ ихъ программа: 1) „Впечатлѣнія при выѣздѣ изъ Москвы. 2) Нѣсколько словъ о петербургской рѣчи. Нѣтъ связи между нею и парижскою, развѣ только ненависть, высказанная нѣмцами всѣхъ отѣн-ковъ. 3) Впечатлѣнія, вынесенныя изъ Франціи. Славянское студенчество. Madame Adan. Camille Farcy. Gambetta. Freycinet. Англійская пресса. 4) Мое возвращеніе. Варшава. 5) Приѣздъ въ Петербургъ. 6) Гатчина. Statu quo”.

³ Т.е. гр. Игнатъева

Sinn haben couste que couste mit seinem slavischen Aufstande energische aus Ende zu Kommen и т.д.).

«Во Франціи, напротивъ того, я нашель много *инстинктивнаго*, хотя еще и невыяснившася, сочувствія, большое желаніе ознакомиться съ соотношеніемъ Россіи и Германіи въ Славянскому и Балканскому вопросамъ, а также впервые рождающася въ умахъ нѣкоторыхъ желанія понять связь Славяно-Русскихъ отношеній къ Франціи въ смыслѣ возвращенія послѣдней утеряннаго положенія въ Европѣ завоеваніемъ двухъ отнятыхъ провинцій и *линіи Рейна* съ наступательными на ней тетъ-де-понами...

«Въ отношеніи послѣдняго, какъ бы нѣмцы ни старались *затемнить* этотъ вопросъ путемъ купленной печати, и имъ особенно за послѣдніе годы присущихъ интригъ, сознание необходимости войны живетъ во Франціи, и *нѣтъ* такого правительства, которое было бы въ состояніи удержать отъ вмѣшательства Францію, если бы обстоятельства сложились невыгодно для Германіи. Народною поговоркою нынѣшняго поколѣнія стали слова кн. Меттерниха¹: „Les Allemands ont cela de bon, que lorsqu'on les bat bien fort et qu'on les pousse dans un coin ils y restent d'ordinaire; mais quand ils sont les plus forts c'est le devergondage de la brutalite"², — прибавляетъ французъ.

«Полагаю, что Вы признаете извинительнымъ, что въ такомъ настроеніи сердца и головы я сблизался съ извѣстною частью печати, желающей намъ сочувствовать, болѣе страстно, чѣмъ осторожно... Этимъ воспользовались съ цѣлью *доброю*, и какъ мнѣ *теперь ни трудно*, мнѣ *не жаль случившася*.

«Что сказать Вамъ про *приписываемую* мнѣ рѣчь сербскимъ студентамъ. Ея я, собственно, никогда не произносилъ. Да и вообще никакой рѣчи не говорилъ. Пришла ко мнѣ сербская молодежь на квартиру, говорили по душѣ и, конечно, не для печати. С. Рагсу напечаталъ то, что ему показалось интереснымъ для *пробужденія* французскаго общества и со словъ студентовъ, меня не спросясь.

«Я бы могъ формально отказаться отъ мнѣ приписываемой рѣчи, но переубѣдили меня и Гамбетта, и М-me Adan. Первый особенно настаивалъ на ея полезномъ впечатлѣніи въ молодежи, арміи и флотѣ; такъ какъ, въ концѣ концовъ, все сказанное въ газетѣ «France» суцая правда и, по моему, могло повести не *къ войнѣ*, а *къ миру*, доказавъ, что мы сила, — то я и рѣшился не обращать вниманія на послѣдствія лично для меня и молчаніемъ дать развиться полезному, т.е. пробужденію какъ у насъ, такъ и во Франціи законнаго и естественнаго недоуверія къ нѣмцу».

Событія этой послѣдней заграничной поѣздки внесли существенныя поправки во взгляды Скобелева не только на французовъ и Францію, но и на *поляковъ*, расширивъ въ его представленіи Славянскій вопросъ.

Онъ пришелъ въ убѣжденію, что «поляки будутъ съ нами противъ нѣмцевъ, хотя бы ли они этого или нѣтъ; они не отдѣлаются отъ антигерманскаго инстинкта своей расы».

— Завоеваніе Польши, говорилъ онъ, вызывалось соображеніями, на которыя можно смотрѣть разное, что же касается до ея раздѣла, то я громко признаю это братоубійствомъ, историческимъ преступленіемъ... Правда, русскій народъ былъ чистъ въ этомъ случаѣ. Не онъ совершилъ это преступленіе, не онъ и отвѣтственъ. Повторяю вамъ, во всей нашей исторіи я не знаю болѣе гнуснаго дѣла, какъ раздѣлъ Польши между нѣм-

¹ Меттернихъ, Клементій-Венцель-Лотарь, князь (1773—1859 г.), знаменитый австрійскій государственный дѣятель и дипломатъ, политическій противникъ сперва Наполеона I-го, а потомъ, со времени Вѣнскаго конгресса 1815 г. — имп. Александра I. Онъ былъ яркимъ противникомъ объединенія Германіи и сумѣлъ надолго задержать это объединеніе.

² Нѣмцы гѣмъ и хороши, что когда ихъ побьютъ и толкнутъ въ уголъ, то они тамъ и остаются; но когда они сильнѣе, это-сама грубость. Будемъ надѣяться, что вѣкъ еще не кончится, какъ мы увидимъ доказательство перваго.

цами и нами... Это Веніаминъ, проданный братьями въ рабство!.. Долго еще русскіе будутъ краснѣть за эту печальную страницу изъ своей исторіи. Если мы не могли одни покончить съ враждебной намъ Польшей, то должны были приложить всѣ силы, чтобы сохранить цѣлостнымъ родственное племя, а не отдавать его на съѣденіе нѣмцамъ.

Наконецъ, Скобелевъ окончательно укрѣпился въ своихъ взглядахъ на задачи нашей средне-азиатской политики и характеръ нашихъ отношеній .въ ея области къ Англіи.

При свиданіи своемъ незадолго до смерти съ англійскимъ публицистомъ г. Марвиномъ, онъ сказалъ ему:

— Нельзя равнять наши средства съ англійскими и не дай намъ Богъ занять Герать; тогда, у насъ будетъ *предметъ дѣйствія*, и мы рискуемъ вовлечь себя въ разорительную войну. Я не вѣрю въ Индійскій походъ въ ближайшемъ будущемъ, потому что для него надо создать огромныя перевозныя средства. Но мы можемъ ударить шаръ шаромъ и такъ, что вы не устоите... Россія миролюбива и добра...¹.

Такъ онъ прокладывалъ пути къ сближенію Англіи и Франціи съ Россіей противъ общаго врага, — нѣмцевъ...

XI.

Опасенія Скобелева на счетъ того приема, который ждалъ его въ Петербургѣ, не оправдались. Императоръ Александръ III Своей русской душой понялъ Своего генерала, и, по свидѣтельству В. И. Немировича-Данченко, Скобелевъ выгѣхалъ от-сюда полный надежды и ожиданія на лучшее для Россіи будущее». Въ свою очередь, на него возлагало надежды все Славянство, все *русское*, видѣвшее въ Скобелевѣ вождя просыпающагося національнаго движенія и славянской рати въ борьбѣ съ нѣмцами. Какой-то Сербъ подалъ ему записку о положеніи сербскихъ дѣлъ.

Скобелевъ написалъ на ней:

— «Считаю очень интереснымъ документомъ. Мнѣ и въ Парижѣ Сербская молодежь говорила, что у нихъ, въ данную минуту, народъ—одно, правительство и часть интеллигенціи— совсѣмъ другое, — антинаціональное. Намъ, Русскимъ, подобное положеніе дѣлъ особенно понятно. Я *увѣренъ*, что, сложись событія порѣшительнѣе, Сербія пойдетъ въ духѣ 76 года, хотя бы цѣною государственнаго переворота.

«Также въ виду германизации нашей Западной окраины, систематически проводимой, при безмолвіи, если не соучастіи нашей власти слѣдующее: Закревскій, замѣнившій *ф. Штейнгеля* Генераль-Губернаторомъ Финляндіи въ 1824 г., между прочимъ, въ интимномъ письмѣ графу Киселеву, писалъ слѣдующее: «Г. ф.-Штейнгель не только съ *равнодушіемъ нѣмца* смотрѣлъ на непріязненные отношенія ихъ (финновъ) къ Русскимъ, но поддерживалъ ихъ и даже въ сношеніяхъ своихъ съ людьми обѣихъ націй; онъ, казалось, напрягалъ всѣ усилія свои, дабы противопоставить однихъ другимъ. .. Положеніе Русскихъ, находящихся здѣсь, *ужасное*» и т. д. все въ томъ же родѣ. Вы видите не со вчерашняго дня Нѣмецъ врагъ нашъ, но прежде, когда Николай I, командирюя Флигель-адъютанта въ Германію, называлъ столичные города *губернскими*, а Грос-герцогство Нассауское или иное—*Губернією*, у нашихъ нѣмцевъ былъ страхъ хоть какой-нибудь... Теперь не то. За спиной каждаго изъ нихъ стоитъ Бисмаркъ и Фатерландъ. Намъ это слѣдуетъ помнить»².

Въ Москвѣ, черезъ которую онъ направлялся въ свое имѣніе Спасское, Рязанской губерніи, Скобелевъ былъ при-глашенъ на собраніе 2-го апрѣля 1882 г. къ Т. С. Морозову

¹ Посмертныя бумаги М. Д. Скобелева. „Историч. Вѣстникъ“, 1882 г. ноябрь, стр. 276.

² Замѣтка эта датирована Скобелевымъ: „1-го марта 1882 г. СПб.“ и воспроизведена факсимиле въ приложеніи къ книгѣ В. И. Немировича-Данченко - "Скобелевъ", СПб. 1884 г.

для обсуждения вопроса о торговых сношениях с Болгарией. Вопрос обсуждался широко, — в связи с общей политикой России на Балканах.

— Несчастье наше заключалось в прошлое царствование в томъ, — сказалъ Скобелевъ, — что правительство не допускало мысли о возможности войны с нѣмцами, почему мы и не обращали вниманія на западную границу, тогда какъ Германія настроила цѣлый рядъ крѣпостей на нашей границѣ. Бисмаркъ такой человекъ, что завтра, проснувшись, объявитъ намъ войну. Вопросъ о защитѣ нашихъ западныхъ границъ отъ Германіи и Австріи теперь разсматривается и я настаиваю на проведеніи желѣзной дороги съ чисто военной цѣлью изъ Минска на Бѣлостокъ. Въ случаѣ войны противъ насъ могутъ выставить: Германія 460 и Австрія 300 хорошихъ батальоновъ, мы же въ концѣ 2-го мѣсяца выставимъ имъ 1000 батальоновъ. Намъ нужно помнить, что Россія сила и не глумится надъ ней. Теперь я больше чѣмъ когда-либо убѣжденъ, что Австрія съ Пруссіей насъ не одолѣютъ...

Если на границахъ нашихъ нѣтъ крѣпостей, мы создадимъ Плевну.. .

Въ качественномъ отношеніи хороши солдаты только германскіе, но не лучше нашихъ, а австрійскихъ солдатъ большинство, именно славяне, будутъ на нашей сторонѣ. Мнѣ рассказывалъ отецъ мой, что въ венгерскую кампанію, когда мы пришли для сраженія, то славяне не стали стрѣлять по нашимъ войскамъ, а, перекрестясь, дезертировали къ намъ, а теперь это повторится еще скорѣе. Проѣздомъ въ Вѣнѣ я читалъ списки убитыхъ и раненыхъ, и большинство изъ нихъ славяне съ русскими именами; ужасно больно, читая, сознавать, что солдаты эти потерпѣли отъ своихъ же собратій славянъ...

И онъ закончилъ собраніе призывомъ къ помощи семействамъ босняковъ и герцеговинцевъ, сражавшихся съ Австріей. Подписка дала тысячъ шесть. Самъ Скобелевъ подписалъ 500 рублей и столько же — на отправку экспедиціи въ Болгарію для изученія торговли въ ней русскими товарами¹.

Изъ Москвы онъ проѣхалъ въ имѣніе.

Черныя мысли о близкомъ концѣ становились все болѣе неотвязными. Онъ отслужилъ панихиду надъ могилами отца и матери и приготовилъ рядомъ съ ними мѣсто для себя.

— Что это вы все о смерти! — сказалъ ему съ досадою его любимый ординарецъ, П. А. Дукмасовъ. — Только другихъ смущаете! Вѣдь никто вамъ не угрожаетъ смертью?

— *А почему вы знаете?* — возразилъ Скобелевъ. — Впрочемъ, все это чепуха! — быстро прибавилъ онъ. А погода немного сказала:

— Я чувствую — не за горами новая страшная война. И я увѣренъ, что борьба рѣшится въ нашу пользу! Но мнѣ не придется видѣть всего этого, не придется этимъ значкамъ (онъ указалъ на свои боевые значки) развѣваться въ предстоящей борьбѣ Славянъ съ нѣмцами! ..

Въ концѣ іюня онъ писалъ г-жѣ Аданъ:

— «Я дѣлаю усилія съ цѣлью приготовить армію къ возможной борьбѣ. Мрачныя предчувствія одолѣваютъ меня».

Направляясь изъ имѣнія въ Минскъ на маневры своего 4-го корпуса, Скобелевъ остановился въ Москвѣ...

...Здѣсь въ ночь на 25-е іюня онъ внезапно скончался.

Сердце, болѣзненно сжимавшееся въ теченіе послѣднихъ лѣтъ за Россію и Славянство, — перестало биться.

Велика была скорбь всего славянскаго міра. Ему сострадали во Франціи и въ Англіи.. .

¹ П. А. Воспоминанія о М. Д. Скобелевѣ. „Новое Время“, 1902 г. № 9461.

Злорадствовали только нѣмцы.

Цинично писали они въ «Bursen Courier»: «Ну, и этотъ теперь не опасень... Пусть панслависты и русскіе славинисты плачуть у гроба Скобелева. Что касается насъ, нѣмцевъ, то мы честно въ томъ сознаемся, что довольны смертью рьянаго врага. Никакого чувства сожалѣнія мы не испытываемъ. Умеръ человѣкъ, который, дѣйствительно, былъ способенъ употребить всѣ усилія къ тому, чтобы примѣнить слово къ дѣлу» ...

Но отъ судьбы не уйдешь. И да сбудется предсказанное Скобелевымъ: торжество Россіи и Славянства, гибель — нѣмцевъ!